

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

◆
БАКУ—1975

6

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

БАКУ — 1975

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

ПРИЧИНЫ РЕЗКОГО УМЕНЬШЕНИЯ ЧИСЛА АФФИКСОВ МНОГОКРАТНОГО ДЕЙСТВИЯ И СОКРАЩЕНИЯ СФЕРЫ ИХ УПОТРЕБЛЕНИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Древнейшую эпоху существования тюркских языков можно без всякого преувеличения назвать эпохой аффиксов, выражающих многократное действие. Такие аффиксы, а их было довольно много, можно подразделить на простые и сложные, причем последние представляли собой различные сочетания простых аффиксов. Простые аффиксы четко распадаются на две подгруппы: 1) аффиксы, представленные одиночными гласными звуками и 2) аффиксы, представленные одиночными согласными звуками. Наглядно это можно представить следующим образом.

Простые аффиксы

I -*a*- (варианты -*e*-, -*ä*-), -*y*- (вариант -*i*-).

II -*j*-, -*k*-, -*l*-, -*n*-, -*r*-, -*š*-, -*t*-.

Генетически все эти аффиксы связаны с аффиксами собирательной множественности, также некогда широко распространенными в тюркских языках.

Благодаря большому количеству глагольных корней, оканчивающихся на согласный, указанные аффиксы часто сочетались друг с другом, образуя многочисленные сложные аффиксы типа -*ar*-, -*la*-, -*yl*-, -*yn*-, -*ra*-, -*yr*-, -*lan*-, -*yq*-, -*qa*- и т. д.

Существование в древности большого числа аффиксов многократного действия объяснялось особенностью мышления людей той далекой эпохи, когда человек стремился выразить действие в его наиболее конкретном и наглядном проявлении. Главное внимание обращалось на способ выражения действия. Такую же картину можно было наблюдать и в уральских языках, где количество аффиксов многократного действия также очень велико, хотя многие из них в настоящее время и утратили свою продуктивность.

Все продуктивные аффиксы многократного действия в современных тюркских языках выступают уже с измененным значением и по существу не соответствуют своему названию. Те же из древних аффиксов, которые сохранили и в настоящее время исконное значение многократности, как правило, непродуктивны и встречаются довольно редко.

Здесь уместно вспомнить состав древних аффиксов многократного действия в тюркском языке и их реликты в современных тюркских языках. Одним из наиболее древних глагольных аффиксов в тюркских языках считается аффикс -*a*- (варианты -*ä*-, -*e*-), встречающийся в таких глаголах, как азерб. *jaşa-maq* 'жить' от *jaş* 'возраст', туркм. *hola-mak*

‘изобилловать’ от прилагательного *bol* ‘обильный’, тур. *ога-так-* ‘окапывать рвом’ от *ог* ‘ров, канава’, кирг. *џуңа-* ‘укреплять’ от *џуң* ‘крепить’, ‘сильный’, тат. *буџа-* ‘пустить’ от *буџ* ‘пустой’, *қапа-* ‘кровоточить’ от *қап* ‘кровь’ и т. д. Как отмечает Э. В. Севортян, аффикс *-а-*, помимо своей словообразовательной функции, выступал также и в качестве формы учащательности и интенсивности¹. Действительно, аффикс *-а-* выражает это значение, ср. тур. *tik-так-* ‘втыкать’, *tika-так-* ‘затыкать, закупоривать’, *сап-так-* ‘считать, полагать’; *сапа-так-* ‘читать, почитать’, *kip-так-* ‘хулить, порнчать’, *kipa-так-* ‘придираться’, *каџ-так-* ‘бежать’, *каџа-так-* ‘увилливать’², узб. *bug-тоқ-* ‘поворачивать, заворачивать, повертывать’ и *бига-тоқ-* ‘вертеть, крутить (волнообразным движением)’³. Если не учитывать глаголы, в которых аффикс *-а-* является реликтовым, то правомерно утверждать, что из современных тюркских языков глагольный аффикс *-а-* исчез, то есть перестал быть продуктивным. Можно назвать несколько причин, вызвавших его исчезновение.

Э. В. Севортян считает, что форма на *-а-*, вытесняемая более гибким и богатым по своим словопроизводным возможностям аффиксом *-la-* и его производными, должна была со временем отмереть⁴. Действительно, аффикс *-la-* воспринял словообразовательные функции аффикса *-а-*, но исконное итеративное (многократное) значение последнего при этом сильно сократилось. Это, по нашему мнению, объясняется тем, что аффикс *-а-* использовался в тюркских языках кыпчакской группы как показатель настоящего времени, ср. тат. *баг-а-суң* ‘ты идешь’, казах. *баг-а-туп* ‘я иду’ и т. д.

Таким образом, уменьшение частотности употребления и появление новых значений способствовали исчезновению в современных тюркских языках древнего многократного аффикса *-а-*.

Другим древним аффиксом многократного действия в тюркских языках был аффикс *-у-/и-* (вариант *-и-/й-*). Аффикс *-у-*, так же как и аффикс *-а-*, замечает Э. В. Севортян, следует рассматривать в качестве одной из форм, употреблявшихся в основном в дописьменные эпохи жизни тюркских языков⁵. Приведем образцы глаголов, содержащих этот аффикс: азерб. *turş-u-mag-* ‘закисать’ от *turş* ‘творог’, узб. *žim-i-тоқ-* ‘успокаиваться’ от *žim* ‘тихо’, узб. *boj-i-тоқ-* ‘богатеть’, *сап-и-тоқ-* ‘пылиться’. Глаголообразующая форма на *-у-* имеет те же значения, что и форма на *-а-*⁶. Однако аффикс *-у-* был менее активен по сравнению с аффиксом *-а-*. Общее количество глаголов на *-у-* меньше, чем глаголов на *-а-*⁷. Поскольку этот аффикс был представлен узким, менее слышимым гласным, он не мог выступать в роли показателя настоящего времени. В наши дни этот аффикс совершенно непродуктивен, и его можно считать вышедшим из употребления.

Как отмечалось выше, некоторые аффиксы многократного действия в тюркских языках были представлены согласными звуками. К их числу относятся многократные аффиксы *-j-*, *-q-*, *-l-*, *-n-*, *-r-*, *-š-*, *-t-*.

¹ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 229.

² А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 269.

³ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 230.

⁴ Там же, стр. 205.

⁵ Там же, стр. 230.

⁶ Там же, стр. 237.

⁷ Там же, стр. 232.

Аффикс -j-

В чистом виде, как аффикс многократного действия, этот аффикс нигде не зафиксирован. О первоначальном значении многократности можно судить только на основании косвенных данных. Сложный аффикс *-aj-*, представляющий собой сочетание многократного аффикса *-a-* с аффиксом *-j-*, в тюркских языках имеет значение постепенного накопления какого-либо качества, ср. тат. *az-aj-* 'уменьшаться' от *az* 'мало', пуҫ-*aj-* 'укрепляться' от пуҫ 'крепкий, твердый', узб. *toғ-aj-toғ-* 'суживаться' от *toғ* 'узкий', киҫ-*aj-toғ-* 'усиливаться' от киҫ 'сила'. Особого развития *-aj-* как аффикс многократного действия в тюркских языках не получил. Это объясняется тем, что он развил побочное модальное значение опатива и во многих тюркских языках был использован как показатель опатива или желательного наклонения.

Аффикс -q- (-k-)

Первоначально этот аффикс выражал многократное, а также иногда длительное действие. В чистом виде не встречается и обычно выступает в составе различных сложных аффиксов. Сложный аффикс *-uq-*, *-ik-*: узб. *biғ-ik-toғ-* 'объединяться', *keғ-ik-toғ-* 'опаздывать', казах. *tuғ-uq-* 'отдыхать' и т. д. Фактически аффикс *-q-* здесь соединен с многократным аффиксом *-y-/i-*. Частотность его весьма незначительна, ибо аффикс *-uq-/ik-* в тюркских языках стал употребляться для выражения постепенного накопления или становления какого-либо качества, ср. казах. *tot-uq-* 'ржаветь' от *tot* 'ржавчина', тат. *суп-uq-* 'закаляться' от *суп* 'истинный', чув. *saғ-ах-* 'желтеть' от *saға* 'желтый' и т. д.

Сложный аффикс *-qa-* состоит из двух многократных аффиксов *-q- (-k-)* и *-a-*. Примеры: азерб. *сal-ха-тағ-* 'взбалтывать', узб. *сaj-qa-тоқ-* 'полоскать', казах. *qoz-ға-* 'двигать, шевелить' и т. д.

Сложный аффикс *-ki-* составлен из двух многократных аффиксов *-q- (-k-)* и *-i-*. Употребляется крайне редко, ср. казах. *köl-ki-* 'разливаться', *taj-қу-* 'уклоняться' и т. д.

Сложный аффикс *-qala-/ғala-*. В состав аффикса *-ғala-*, отмечает Э. В. Севортян, входят глаголообразующий аффикс *-la-* и другой глаголообразующий аффикс *-ға-* в их учащательном значении. Точнее, этот аффикс состоит из четырех древних многократных аффиксов *-q- (-k-)*, *-a-*, *-l-* и *-a-*. Примеры: тат. *kil-ğälä-* 'приходить время от времени', казах. *syz-қула-* 'растягивать' и т. д. Частотность употребления этого аффикса в тюркских языках невелика.

Сложный аффикс *-qan-/ken-* состоит из трех древних аффиксов многократного действия: *-q-*, *-a-* и *-n-*. Употребляется он крайне редко, ср. казах. *ses-ken-* 'опасаться', тат. *qyz-ғап-* 'жалеть' и т. д. Первоначальное многократное значение уже утрачено.

Сложный аффикс *-qar-/kär-* составлен из трех древних многократных аффиксов: *-q-*, *-a-* и *-r-*. Сохраняется в отдельных реликтах, ср. тат. *qot-qaғ-* 'спасать', *is-kär-* 'примечать' и т. д. Первоначальное значение многократности также утрачено.

Сложный аффикс *-nqyra-/ynqyra-* обозначает неполноту действия, ср. тат. *tart-упқуга-* 'немного стесняться'. Такое содержание могло развиться на базе первоначального многократного значения. Аффикс составлен из пяти древних многократных аффиксов *-n-*, *-q-*, *-y-*, *-r-* и *-a-*, то есть из трех сложных аффиксов: *-n-*, *-qu-* и *-ra-*.

Аффикс *-l-*

В чистом виде этот аффикс не представлен ни в одном из тюркских языков. Обычно он выступает в сочетании с каким-либо другим аффиксом многократного действия, выраженным гласным звуком.

Сложный аффикс *-la-* состоит из двух многократных аффиксов *-l-* и *-a-*. В современных тюркских языках имеются некоторые реликты, сохраняющие древнее многократное значение этого аффикса, ср. узб. *buqla-toq-* 'складывать' от *buqtoq-* 'гнуть', *sava-la-toq-* 'стегать' от *savatoq-* 'бить прутом' и т. д. Засвидетельствованы случаи, когда аффикс *-la-* обозначает действие иалой меры, например, тат. *sib-* 'лить', но *sibä-lä-* 'накрапывать', узб. *qaši-toq-* 'чесать', но *qaši-la-toq-* 'почесывать' и т. д., а также постепенное образование какого-либо качества, ср. тат. *siräk* 'редкий', но *sirek-lä-* 'редеть', тур. *dağa* 'узкий', но *daralmak-* 'суживаться' (возможно, из *dağa-la-tak-*), узб. *tuz* 'лед', но *tuz-la-toq-* 'постепенно превращаться в лед' и т. д. Эти два значения могли легко возникнуть на базе первоначального многократного.

Аффикс *-la-* перестал быть продуктивным после того, как он превратился в средство образования отыменных глаголов типа *baş-la-taq-* 'начинать' от *baş* 'голова' и т. д.⁸

Сложный аффикс *-ala-*, по мнению Э. В. Севортяна, представляет собой соединение глаголообразующих аффиксов *-a-* и *-la-* в их учащем значении⁹. Примеры: азерб. *gov-ala-taq-* 'гнать, выгонять', туркм. *sağ-ala-taq-* 'рассыпать', тур. *ciş-ele-tmek-* 'моросить' и т. д.

В современных тюркских языках этот аффикс непродуктивен.

Сложный аффикс *-al-* в тюркских языках, по-видимому, уже в довольно раннюю эпоху приобрел специальное значение: стал употребляться для выражения действия, обозначающего постепенное накопление качества, ср. узб. *tuz-al-toq-* 'исправляться', туркм. *dogr-al-tak-* 'выпрямляться', *şikig-al-tak-* 'углубляться', азерб. *boş-al-tak-* 'пустеть', тур. *dağ-al-tak-* 'суживаться', *geç-el-tmek-* 'молодеть' и т. д.

Сложный аффикс *-lan-* исторически сложился из двух аффиксов многократного действия *-la-* и *-n-*, позднее был довольно широко распространен в тюркских языках, но уже с измененным значением. Как утверждает Э. В. Севортян, основную группу значений глаголов на *-lan-* составляют обозначения процессов, совершающихся по отношению к действующему лицу, в первую очередь процессов изменения и развития¹⁰. Наибольшее распространение имеют два значения этих глаголов: 1) означающие переход в какое-либо состояние и пребывание в нем; 2) означающие появление или развитие какого-либо признака, качества, свойства¹¹.

Аффикс *-lan-* довольно активно вторгся в сферу аффикса *-la-* как средство трансформации имени в глагол.

Сложный аффикс *-yl-/il-* фактически состоит из двух древних многократных аффиксов *-y-* и *-l-*. Первоначальное значение — выражение многократного действия. Древнее значение многократности позднее совершенно утратилось, поскольку этот аффикс во всех тюркских языках был использован в качестве показателя страдательного залога. Такое развитие значений вполне возможно. Субъект, совершающий многократ-

⁸ См.: В. А. Серебрянников. К истории суффикса деноминативных глаголов *-la-* в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1972, № 6.

⁹ Э. В. Севортян. Указ раб., стр. 346.

¹⁰ Там же, стр. 115.

¹¹ Там же, стр. 114.

ное прерывистое действие, состоящее из отдельных прерывистых и кратковременных фаз, или так называемое действие малой меры, действие ослабленное (ср. русск. *попрыгивать*, *похаживать* и т. п.), фактически становится менее активным. Эта особенность создает благоприятную почву для развития пассивного значения.

Аффикс -п-

Обычно выступает в соединении с другими многократными аффиксами. Первоначальное значение — выражение многократного действия, ср. тат. *söjlä-p-* 'говорить несколько раз' от *söjlä-* 'говорить'.

Существование в прошлом учащательного или многократного значения этого аффикса подтверждается также значением сложного аффикса *-па-*, где *-п-*, будучи соединен с другим аффиксом *-а-*, становится одним из компонентов целого, ср. азерб. *gys-па-таг-* 'прижимать' от *gys-таг-* 'жать'.

Аффикс *-п-* в тюркских языках оказался непродуктивным, так как довольно рано произошло переосмысление его прежнего значения и он стал использоваться в роли показателя возвратного залога, чаще всего в соединении с аффиксом *-у-*, ср. тат. *ju-уп-ам* 'я умываюсь'.

Аффикс -г-

Имеются косвенные доказательства того, что первоначально аффикс *-г-* имел значение многократного действия и являлся одним из компонентов многократного аффикса *-štyr-*, ср. тат. *uqu-štyr-* 'почитывать', *qara-štyr-* 'поглядывать, заглядывать', *saç-iš-tir-mak-* 'рассеивать' от *saç-mak-* 'сеять' и т. д. Согласно существующему в тюркских языках закону каждый сложный многократный аффикс обычно составляется из простых многократных аффиксов. Так же, как и аффикс *-aj-*, в сочетании с многократным аффиксом *-а-* в форме *-ar-* он был использован для выражения постепенного становления какого-либо качества, ср. тур. *kağ-ag-mak-* 'чернеть', *ağ-ag-mak-* 'становиться белым', *jög-eg-mek-* 'становиться синим', казах. *qysq-ag-* 'укорачиваться', кирг. *žaš-ag-* 'молодеть' и т. д.

Помимо сложного аффикса *-ar-*, существовал также аффикс *-ур-* со сходным значением. Ср. тур. *baj-ig-mak-* 'богатеть', казах. *lep-ig-* 'возбуждаться', *kep-ig-* 'грызть', азерб. *sev-ig-mäk-* 'поворачивать', *dev-ig-mäk-* 'ниспровергать' и т. п.

Многократный аффикс *-г-* может входить также в состав сложного аффикса *-га-*, ср. тат. *säç-gä-* 'разбрызгиваться', *köj-gä-* 'загораться', *suq-ga-* 'ныть' и т. д.

Возможно, что аффикс *-г-* в соединении с другими аффиксами многократного действия *-а-* и *-у-* уже в эпоху общетюркского праязыка использовался как показатель настоящего и будущего времени, что находит известное отражение также и в современных тюркских языках.

Аффикс -т-

Косвенным доказательством того, что аффикс *-т-* некогда выражал многократное действие, может служить его присутствие в составе аффикса многократного действия *-štyr-*, ср. тат. *qara-štyr-* 'посматривай', *uqu-štyr-* 'читай понемногу, почитывай изредка', *ujla-štyr-* 'думай иногда, подумывай'¹², тур. *çigr-iştir-mak-* 'постукивать палочкой' и т. д.

¹² «Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология». М., 1969, стр. 279.

Возможно, что этот же аффикс входит в состав сложного аффикса *-da-*, ср. тат. *qaštyr-da-* 'шуршать, шелестеть', *šyqyr-da-* 'скрипеть', а также в состав сложных аффиксов *-ylda-* и *-yrda-*, ср. тат. *uf-ylda-* 'охать', *šaqr-ylda-* 'стучать', туркм. *lak-yrda-mak-* 'шуметь, клокотать', *šygr-ylda-mak-* 'щелкать' и т. п. Эти аффиксы встречаются почти исключительно в звукоподражательных глаголах.

Аффикс *-t-* в реликтовом виде сохраняется в некоторых глаголах, но уже полностью утратив некогда присущее ему многократное значение; ср. туркм. *öj-t-* 'думать, предполагать' от *öj* 'мысль', чув. *kěšě-t-* 'чесаться, зудеть'¹³.

В эпоху, когда данный аффикс имел многократное значение, он выступал в роли показателя настоящего времени наряду с аффиксом *-a/-e-*, ср. чув. *ile-t-er-* 'беру', *syra-t-ar* 'я пишу' и т. д.

Аффикс *-t-* имеется также в составе сложного аффикса *-tyr-*, некогда обозначавшего многократное действие и применявшегося в некоторых тюркских языках как показатель настоящего времени, ср. тув. *ajtyra-dyr-tup* 'я спрашиваю', южно-кирг. диал. *bara-tyr-yq* 'мы приходим'; бараб. диал. языка сибирских татар *ala-tyr-ym* 'я беру' и т. д.

Основной причиной резкого сокращения использования многократного аффикса *-t-* и сложного аффикса *-tyr-* следует считать употребление их в роли показателей каузативных глаголов во всех тюркских языках, ср. тат. *ešlä-t-* 'заставлять работать', *žyly-t-* 'нагревать', *jaz-dyr-* 'заставлять искать' и т. д.¹⁴.

Аффикс *-š-*

Древнее значение многократности прослеживается в таких глаголах, как казах. *mal-yš-* 'погружать неоднократно', тат. *alda-š-* 'заниматься обманом, надувательством, мошенничеством', 'хитрить, плутовать' от глагола *alda-* 'обманывать' и т. д.

Аффикс мог выступать в составе сложных аффиксов многократного действия *-štyr-*, ср. тат. *qaqa-štyr-* 'поглядывать', а также в составе сложного аффикса *-yš-* (*-iš-*).

Аффикс *-yš-* (*-iš-*) в тюркских языках довольно рано стал использоваться как показатель совместного залога¹⁵.

Таким образом, становится ясной основная причина резкого сокращения сферы употребления, а в ряде случаев — исчезновения древних аффиксов многократного действия в современных тюркских языках. Многие из них были переосмыслены и стали использоваться в других целях. Однако, как нам представляется, это не единственная причина.

Можно предполагать, что в тюркских языках на определенном этапе их развития появилась какая-то форма, вполне заменявшая аффиксы многократного действия, а именно новое прошедшее время, способное выражать многократное действие. Оно до сих пор сохранилось в ряде тюркских языков и известно под названием неопределенного имперфекта. Наиболее прозрачна структура образования этого времени в узбекском языке, где неопределенный имперфект образуется

¹³ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 338.

¹⁴ Б. А. Серебрянников. Исторические загадки глагольного аффикса *-štyr-* в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1975, № 3.

¹⁵ Подробнее о происхождении показателя совместного залога см.: Б. А. Серебрянников. Из истории звуков и форм тюркских языков. — «Советская тюркология», 1974, № 6.

по схеме: *основа глагола* + -(a)r + *edim, ediŋ* и т. д., например: *jozar edim* '(я) писал обычно'; 2) *jozar ediŋ* 'ты писал обычно' и т. д.¹⁶. Неопределенный имперфект выражает то же действие, что и настоящее-будущее время, но перенесенное в плоскость прошедшего времени, например: *Amto arbob hamon baqirar, sukar va urar edi* (С. Айни) 'Однако хозяин постоянно кричал, ругался и бил'. *Qajerga ketib borajotganimni uzim bilmas edim* (Г. Гулям) 'Я и сам не знал, куда я шел'. *Julči čindan ham naj čilišni bilar edi va jaxši čalar edi* (Айбек) 'Юльчи на самом деле умел играть на свирели и играл хорошо'. *Jodgor ujokdan-bujoqqa agapaq, uxlaj olmas edi* (С. Айни) 'Ядгар ворочался с боку на бок, не мог уснуть'¹⁷.

Аналогичное время имеется и в уйгурском языке. А. Боровков называет его прошедшим многократного вида. Примеры: *Qambayallar bajarlarğa işläg edi* 'Бедняки работали на богачей'. *Dexanlar iş izläp šähärlärgä kätär edi* 'Крестьяне в поисках работы уходили в города'¹⁸.

Существует это время также в турецком и азербайджанском языках. Характерной особенностью этих языков является выпадение гласного, представляющего основу вспомогательного глагола: ср. тур. *jazađım* 'я писал (обыкновенно, вообще)', азерб. *alardım* 'я имел обыкновенные братья (вообще в прошлом)'. Семантика употребления этого времени такая же, как в узбекском и уйгурском языках; ср. в тур.: *Jusuđ o zaman güneş doğmadan kalkardı* (S. Ali) 'Юсуф в то время вставал до восхода солнца'¹⁹; азерб. *Jadımdadıg uşaglygda saatlarla sahilde gumlugda oturub ləpələgə baxardıg* (С. С. Ахундов) 'Помню в детстве, часами сидя на берегу на песке, я смотрел на волны'²⁰.

Довольно хорошо сохранилось это время и в чувашском языке, ср. чув. *сыраттам* 'я писал обычно'. Чувашский язык характерен тем, что в нем нет формы на *-r-*, которой соответствует форма на *-t-* (чув. *сырат-* соответствует тур. *jazađ-*). Однако вспомогательный глагол тот же (*там* из *edim*).

Неопределенный имперфект представлен также в туркменском и гагаузском языках; ср. туркм. *jazađıg* 'я писал (обыкновенно вообще в прошлом)'²¹. Как и в других тюркских языках, он выражает здесь длительное или многократное действие. Такое же значение он имеет и в гагаузском языке, например: *Vyldıg oturduq geç vakydadak* 'В прошлом году мы сидели (бывало) допоздна'²².

Неопределенный имперфект фактически исчез в литературном татарском, башкирском, ногайском, кумыкском, балкарском, казахском и каракалпакском языках.

Различные прямые и косвенные доказательства явно свидетельствуют о том, что так называемый неопределенный имперфект первоначально существовал во всех тюркских языках. Обозначая многократное действие в прошлом, он вторгся в сферу употребления аффиксов многократного действия и по существу делал их ненужными.

Большой интерес представляет дальнейшая судьба неопределенного имперфекта. По-видимому, он довольно рано стал употребляться как

¹⁶ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 235.

¹⁷ Там же, стр. 236.

¹⁸ А. Боровков. Учебник уйгурского языка. Л., 1935, стр. 173—174.

¹⁹ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого языка. М.—Л., 1956, стр. 239.

²⁰ «Грамматика азербайджанского языка». Баку, 1971, стр. 131.

²¹ «Грамматика туркменского языка». Часть I. Ашхабад, 1970.

²² Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. М., 1964, стр. 200.

средство выражения так называемого ирреального условия. В некоторых тюркских языках, где еще сохраняется неопределенный имперфект, он выражает также и ирреальное условие. В узбекском языке *jozar edim* означает не только «я писал», но и «я писал бы», тур. *alardim*, азерб. *alardum* означает не только «я брал», но и «я брал бы», чув. *сыраттӓм* означает «я писал» и «я писал бы».

Появление модального значения повлекло за собой определенные последствия. В целом ряде тюркских языков неопределенный имперфект утратил некогда присущее ему значение многократного обычного действия и превратился в форму выражения ирреального условия. В литературном татарском языке форма *alır idem* означает «я брал бы», но не «я брал вообще». Прежнее значение этой формы сохраняется только в некоторых диалектах, например в диалекте параньгинских татар²³.

Стремление избежать омонимии форм явилось причиной ослабления системы употребления неопределенного имперфекта, что в конце концов привело к его исчезновению в ряде тюркских языков. Следует отметить, что в этих языках взамен появились новые прошедшие времена — либо близкие по значению, как время на *-tyn-* в казахском языке, например, *bara-tyn* 'он шел, ходил часто', либо имеющие значение английского *Past continuous tense*; ср. тат. *ul bara ide* 'он шел в тот момент'.

Таковы, по нашему мнению, основные причины резкого сокращения числа аффиксов многократного действия в тюркских языках и сужения сферы их употребления.

²³ Возможен и другой путь развития: неопределенный имперфект совпал по форме со способом выражения неосуществленного намерения, напр. *alag edim* 'я намеревался было взять', который позднее был использован как средство выражения ирреального условия.

А. ЧАРИЕВ

СТРУКТУРНО-МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ И ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИТЯЖАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ С РОДИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Притяжательная конструкция в узбекском языке, как и в других тюркских языках, давно привлекает к себе внимание тюркологов. Описанию и исследованию этой проблемы посвящено большое число работ. Есть все основания полагать, что этой конструкции и в дальнейшем, при изучении грамматического строя тюркских языков, будет уделяться большое внимание. Дело в том, что притяжательно-определятельная конструкция, получившая в традиционной грамматике наименование изафетного сочетания («тюркский изафет II» и «тюркский изафет III»), примечательна не только своей спецификой, но и той исключительно большой ролью, которую она играет в тюркском синтаксисе. Как справедливо подчеркивает Н. З. Гаджиева, отношение «между двумя именами пронизывает всю структуру тюркских языков, являясь как бы ключом к пониманию многих синтаксических категорий»¹.

В области изучения притяжательной конструкции тюркских языков, и в частности узбекского, сделано многое, и полученные результаты составляют солидную основу для дальнейших разысканий: более подробной структурно-морфологической характеристики и детального анализа синтаксико-семантического содержания.

Морфологические и структурные особенности конструкции. В образовании притяжательной конструкции, состоящей из двух компонентов, зависимого и опорного, участвуют морфологические показатели категории падежа и категории принадлежности. Зависимый компонент оформляется аффиксом родительного падежа -*ning*, опорный — релятивно-притяжательными аффиксами. Аффикс родительного падежа имеет разновидности: полную (-*ning*) и сокращенную (-*ni*). Последняя внешне совпадает с аффиксом винительного падежа и чаще употребляется в разговорной речи.

После аффикса -*ning* допускается использование аффиксов -*dir*, -*dek*, -*gina*, -*ča*. Аффикс -*dir* в таком сочетании выступает только с местоимениями *kim* и *niına*: *орқа тарафдан кимнингдир шарпаси эшитилди* 'сзади послышался чей-то шорох' (И. С., 79); аффиксы -*dek* и -*ča* — с личными и указательными местоимениями: *сенингдек одамлар* 'подобные тебе люди', *шунингдек* 'подобно этому' (С. Аҳ., 135), *менингча* 'по-моему' (С. Аҳ., 111), *сенингча* 'по-твоему';

¹ Н. З. Гаджиева. Природа изафета в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1970, № 2, стр. 18.

аффикс *-gina* — с существительными: ... *уйларда... ёстиқ ва тўша к-ларнинггина пари тўзиб қолар эди* '... в помещениях только пух из подушек и перин разлетался [во все стороны]' (Н. О., 76).

Имя в родительном падеже ставится перед опорным компонентом: определение предшествует определяемому. Нарушение этой нормы наблюдается преимущественно в художественной литературе и связано с выраженным экспрессивом, например:

*Марҳамат Фарғона, янги беш йилнинг
Хазина калитин қўлларингга ол.
Эй, кичик парчаси бепоён элнинг,
Умрбод қувониб саодатда қол!* (Ш., 25).

— Пожалуйста, Фергана, возьми в свои
Руки ключ от сокровищ новой пятилетки.
О, частица необъятной страны,
Вечно радуясь, оставайся счастливой!

Қандай яхши ойиси бор экан, деб ҳаваси келди Мунавварнинг 'Мунаввар позавидовала тому, какая у нее хорошая мать' (С. А., 132), *нақадар олижаноб қалби бор унинг!* 'какое благородное сердце у него!' (Х. Ф., 576), *овози бирам чиройли эканки унинг!* 'до чего же у него красивый голос!' (В., 116).

Особая разновидность притяжательной конструкции — так называемый перевернутый изафет, который формально не относится к числу изафетных сочетаний, ср. *бу ўтмиши йўқ одам эди* 'это был человек без прошлого' (Ж. Л., 304), *кўзлари қизарган киши* 'человек с покрасневшими глазами' (О., 154), *ҳали юзида қарилик аломати бўлмаган бу хотинга табиат ҳамма нарсани берган* 'природа все дала этой женщине, на лице которой еще не было признаков старости' (Н. О., 217). Иногда «перевернутый изафет» входит в состав зависимого компонента, точнее, его зависимый компонент является одновременно зависимым компонентом обычной притяжательной конструкции: *шишаси кирлаган кичкина лампанинг нури* 'свет маленькой лампы с загрязненным стеклом' (О., 249), *цирки бор шаҳарларнинг бири* 'один из городов, в котором есть цирк' (Қ. А., 151), *уйига кетолмай турганларнинг кўпчилиги* 'многие из тех, кто не смог уйти домой' (И. С., 136).

Обратим внимание на возможность последовательного соединения нескольких притяжательных конструкций, получившего в тюркологической литературе наименование изафетной цепи. В такого рода сочетаниях наблюдается несколько вариантов оформления компонентов. Наиболее распространенные из них следующие: а) все опорные компоненты оформляются релятивно-притяжательными аффиксами, из зависимых компонентов форму родительного падежа имеет только последний, ср. *меҳнаткашлар депутатлари Тошкент шаҳар Совети ижроия комитетининг бўлимлари* 'отделы исполнительного комитета Ташкентского городского Совета депутатов трудящихся'; б) релятивно-притяжательный аффикс первой конструкции опускается, ср. *Сурхондарё область Шеробод районининг колхозлари* 'колхозы Ширабадского района Сурхандарьинской области'; в) каждый из зависимых компонентов оформляется аффиксом родительного падежа, ср. *Исомхўжанинг тоғасининг ўғли* 'сын дяди Исамахаджи' (П. Т., 150), *у камбағалларнинг меҳрибонлигининг қадрига етадиган одам эди* 'он был человеком, ценившим доброту бедняков' (Ж. Л., 220); г) первый или второй зависимый компонент выступает в форме основного падежа, ср. *бойлар юртнинг оталари эмиш! Улар ишининг ривожлани-*

шини орзу қилишим керак эмиш-а! 'будто богачи отцы родины и будто бы мне необходимо радеть об успешном продвижении их дел' (О., 283), *доктор Мамасодиқнинг уй эшигидан киришданоқ...* 'врач, войдя через дверь комнаты Мамасадика...' (И. С., 144).

Зависимый компонент притяжательной конструкции может состоять из именных сочетаний, не имеющих выраженной морфологической связи и из односторонне оформленных сочетаний: ср. *ғишт хумдонларнинг таниш мўрилари* 'знакомые трубы печей для обжига кирпича' (С. А., 184), *тахта заводнинг баланд иморати* 'высокое здание деревообделочного завода' (Н. О., 12), *медицина институтининг ҳашаматли пештоқи* 'великолепный портал медицинского института' (С. А., 194), *район партия комитетининг янги секретари* 'новый секретарь районного комитета партии' (Н. О., 316). Если первый член односторонне оформленного сочетания, используемого в качестве зависимого компонента притяжательной конструкции, обозначает место или время, к нему факультативно присоединяется аффикс *-даги*, например: *қишлоқдаги аҳолининг ҳаётига шаҳарнинг яқинлиги анча таъсир кўрсатган эди* 'на жизнь населения кишлака оказывала заметное влияние близость города' (И. С., 61).

В роли зависимого компонента выступают также аббревиатуры: *ГЭСнинг азамат пештоқлари* 'гигантский портал ГЭС' (С. Аҳ., 61), *РСДРП(б)нинг аъзоси* 'член РСДРП(б)' (Н. О., 80).

Зависимый компонент притяжательной конструкции может включать в себя приложение: ср. *Қўзибой ошпазнинг ўғли* 'сын повара Козыбая' (И. С., 258), *милтиқсоз уста Нурматнинг ичкари — ташқари ҳовлиси* 'внутренний и внешний дворы оружейного мастера Нурмата' (И. С., 234). Если приложение имеет характер подробного объяснения, один из входящих в него членов принимает аффикс родительного падежа: *бизлар Шўронинг, яъни камбағаллар ҳукуматининг вакилларимиз* 'мы представители Совета, то есть правительства бедных' (Х. Ғ., 28). Ср. *биз, шаҳарлик тақводорларнинг қишлоқдаги аҳолимиз аён* 'нам, городским благочестивцам, известно наше положение на селе' (Х. Ғ., 109).

Когда в составе зависимого компонента оказывается несколько однородных членов, аффикс родительного падежа присоединяется к каждому из них или же только к последнему: *қўрғонда хотинларнинг, болаларнинг шовқини кучайди* 'в крепости усилились крики женщин и детей' (О., 316), *Пушкин ҳам Лермонтовнинг баъзи шеърларини ҳали ҳам ёддан билар эди* 'до сих пор она знала на память некоторые стихи Пушкина и Лермонтова' (О., 116), ... *Форс, Миср, Ҳинд, Буюк Британия полволлари* 'борцы ...Ирана, Египта, Индии, Великобритании' (Қ. А., 92).

Часто сочетание однородных членов в составе зависимого компонента осуществляется при помощи послелога *билан*: первый член употребляется в основном падеже, второй — в родительном, ср.: *Навоий билан Ҳамзанинг асарлари* 'произведения Навои и Хамзы' (И. Р., 224), *Нури билан Абдусатторнинг сўзлашуви* 'разговор Нури и Абдусаттара' (П. Т., 59), *ўзбек халқи билан рус халқининг айрилмас дўстлиги* 'неразрывная дружба узбекского и русского народов' (И. С., 209). При необходимости выделения одного из членов, как обозначающего главного соучастника действия или состояния, к нему присоединяется аффикс родительного падежа, следующий же за ним второй член с послелогом *билан* остается в форме основного падежа: *Ҳамзахоннинг Мираъзам билан дўстлик алоқа-*

лари 'дружеские связи Хамзы с Миразамом' (И. С., 259), *Шоқосимнинг ким биландир хириллашгани* 'перебранка Шакасима с кем-то' (О., 256).

Переходя к характеристике опорного компонента, сразу же отметим, что факультативно в 1-м и 2-м лице множественного числа он бывает неформальным: *бизнинг интернат* 'наш интернат' (С. А., 144), *бу бизнинг қўнғир ҳўкизчадан оғир эмас* 'это не тяжелее нашего бу-рого вола' (Қ. А., 26).

Случаи отсутствия в рамках притяжательной конструкции аффикса принадлежности 3-го лица единичны. Примеры: *Қипчоқ ариғида сувнинг лойқаланиб кўпайиб келаётган кунлар эди*: 'это были дни, когда вода в Кипчак-арыке становилась мутной и [количество ее] увеличивалось' (И. С., 248), *янги ректорнинг студентлар манфаатини бу қадар қизғин ҳимоя қилар деб ўйламаган эди* 'он не думал, что новый ректор так горячо будет защищать интересы студентов' (В., 32). Первый пример несколько необычен ввиду отсутствия тесной смысловой связи между словами *сувнинг* и *кунлар*. Второй пример — с причастием на -аг, присоединение к которому аффиксов принадлежности — явление чрезвычайно редкое в современном узбекском языке. При замене причастия на -аг другой формой употребление аффикса принадлежности 3-го лица становится естественным и обычным, ср.: *ҳимоя қилар* → *ҳимоя қилишини*.

Когда опорный компонент притяжательной конструкции выражен односторонне оформленным именованным сочетанием, релятивно-притяжательный аффикс не удваивается, ср.: *Сурхондарё области*: 'Сурхандарьинская область' и *Ўзбекистоннинг Сурхондарё области* 'Сурхандарьинская область Узбекистана'.

Как исключение в узбекском языке встречается структурный тип притяжательной конструкции, характерный для огузской группы. Его отличительная черта — оформление аффиксами принадлежности не опорного компонента, а находящегося при нем определения, ср.: *Гулнорнинг ... қўллашга мажбур бўлдиғи тадбир, унинг Йўлчи учун қандай кучли қайғирганлигини қизга яна чуқурроқ сездирди* 'мероприятие, которое должна была поддержать Гюльнар, заставило девушку почувствовать глубже, как она сильно огорчена из-за Юлчи' (О., 294). Ср.: *жаноб генерал, меним ҳимоямдаги Мамасодиқ ҳақида қисқача маълумот ва фикрим шу ерда ёзилган* 'господин генерал, мои краткие сведения и мысли о Мамасадики, которого я защищаю, записаны здесь' (И. С., 191).

Опорный компонент, так же как и зависимый, нередко состоит из нескольких самостоятельных слов или сочетаний самостоятельных слов с послелогоми. Примеры: *китобнинг қизик ери* 'интересное место книги' (Ж. Л., 181), *йўлнинг Хўжанд тоғлари ёққа чўзилган томони* 'ответвление дороги, тянущееся в направлении Ходжендских гор' (П. Т., 36).

Однородные члены в составе опорного компонента притяжательной конструкции — существительное, причастие на -ган, имя действия на -ш и т. д. Здесь также прослеживается несколько типов, различающихся оформлением и отчасти структурными особенностями. Прежде всего отметим случай, когда все однородные члены опорного компонента принимают аффиксы принадлежности, ср.: *бепоён даланинг атоқли олимлари, машҳур ёзувчилари, меҳнат ғолиблари, олтин юлдузли қаҳрамонлари, киши баҳрини очадиган ашулачилари* 'знаменитые ученые, известные писатели, победите-

ли трудового фронта, герои с золотыми звездами и вдохновляющие певцы необъятных степей' (Қ. А., 201). Далее следует указать на возможность оформления лишь последнего из однородных членов: *Мартиннинг куч ва соғломлиги* 'силы и здоровье Мартина' (Ж. Л., 178).

Не исключена такая ситуация, когда дополнительные синтаксические единицы², находящиеся внутри притяжательной конструкции и присоединяющие к себе аффиксы принадлежности, выглядят как опорные компоненты при зависимом компоненте, хотя в действительности они не связаны с ним, ср. *Ибодиллага қўлдан кетган уч юз пуд шолидан ҳам Бўронбекнинг хотинига айтган гапи алам қилди* 'Ибадулле-большее огорчение доставили слова, сказанные Буранбеком его жене, чем потеря трехсот пудов риса' (Х. Ф., 34) (*Ибодилланнинг хотинига ...*), *Жўрабой ота Ботиралининг қизи орқасидан қараб қолганини кўрди шекилли...* 'Джурабай-ата как будто бы увидел, что из-за его дочери выглядывал Батырали...' (Х. Ф., 52) (*Жўрабой отанинг қизи...*).

Притяжательная конструкция функционирует и без опорного компонента, который опускается в условиях особого контекста, при наличии особых стилистических установок: — *кимнинг ўғлисан?* — *Захарнинг* 'чей ты сын? — Захара' (Н. О., 131), *Қамчининг девори* 'стена дома Камчи' (Х. Ф., 243).

Опущение опорного компонента происходит также в случае его идентичности с существительным, встречающимся в другой части предложения или в соседнем предложении. При этом аффикс родительного падежа у зависимого компонента заменяется аффиксом -*пiкi*, ср. *қиз Ерматники* 'девочка — Ярмата' (О., 260), *келажак бизники* 'будущее — наше' (Н. О., 342), *Мирзакаримбойнинг хазинаси энди Гулнорники* 'сокровищница Мирзакаримбая теперь принадлежит Гюльнар' (О., 309).

Довольно близок к предыдущему примеру случай, когда опорный компонент выражает локальное значение, ср.: *Гулнор Шокир отаникидан Унсинни чиқариб беришни сўради* 'Гюльнар попросила вывести Унсин из дома Шакира ата' (О., 299).

Опущение опорного компонента наблюдается и при смежном использовании двух притяжательных конструкций в целях сравнения предметов или явлений, наименования которых образуют лексическую базу опорных компонентов. Здесь зависимый компонент употребляется с аффиксом -*пiкi*, в форме исходного падежа или же в форме дательного падежа в сочетании со словами *нисбатан*, *қараганда*. Примеры: *...дадасининг сочи бу чолникидек ўсиқ эмас эди* 'волосы у ее отца не были такими отросшими, как у этого старика' (Х. Ф., 241), *Павелнинг бўйи ундан тўрт эллик баланд эди* 'Павел был выше нее на полголовы' (Н. О., 339—340), *Керрининг эса уларга нисбатан қарашлари доираси кенгроқ эди* 'кругозор Керри был шире, по сравнению с их кругозором' (Т. Д., 50). Ср. (без опущения опорного компонента): *Форнинг кенглиги икки уч хонали уйнинг кенглигича келарди* 'размеры пещеры приближались к размерам двух- или трехкомнатной квартиры' (М. Тв., 53), *унинг берган изоҳлари кўпинча қизнинг изоҳларидан тўғрироқ чиқарди* 'даваемые им объяснения оказывались в большинстве случаев более правильными, чем объяснения девочки' (Ж. Л., 74).

² Термины «основной член» и «основная единица», «дополнительный член» и «дополнительная единица» используются здесь условно.

С точки зрения структуры мы различаем два типа притяжательной конструкции с родительным падежом: простой и сложный.

Простой тип притяжательной конструкции бывает нераспространенным и распространенным. В конструкции нераспространенного подтипа опорный и зависимый компоненты представлены только основными членами и всегда находятся в контактном положении, например: *унинг китоби* 'его книга', *дўстимнинг отаси* 'отец моего друга'. В конструкцию распространенного подтипа, кроме опорного и зависимого компонентов, входят связанные с ними дополнительные синтаксические единицы. Когда последние относятся к зависимому компоненту и предшествуют ему, компоненты конструкции функционируют в контактном положении, например: *бу рубоининг маъноси* 'значение этого рубаи' (О., 86), *хотин-қизлар бўлимининг мудираси* 'заведующая женским отделом' (М. Қ., 152), *барча қишлоқларнинг деҳқонлари* 'дехане всех кишлаков' (Х. Ф., 18). Если же дополнительные синтаксические единицы относятся к опорному компоненту, то опорный и зависимый компоненты оказываются оторванными друг от друга. Последний случай рассмотрим более подробно.

Если опорный компонент выражен причастием, именем действия или модальным словом *керак*, то при нем находятся преимущественно дополнения и обстоятельства. Примеры: *бойнинг шоли яширган и дан хабарингиз борми* 'вы слышали об укрытии баем риса?' (Х. Ф., 234), *Иномжоннинг техникумни битириши...* 'окончание Инамом техникума' (С. Аҳ., 47), *унинг бу ерга келиши мумкин эмас* 'он не может прийти сюда' (Т. Д., 15), *уларнинг менга кераги йўқ* 'они мне не нужны' (Қ. А., 154).

Если опорный компонент выражен существительным, то дополнительной синтаксической единицей при нем может быть любая именная часть речи: существительное, местоимение, прилагательное, числительное, ср. *унинг сиёсий раҳбари* 'его политический руководитель' (Н. О., 194), *ишчиларнинг бир қаватли уйлари* 'одноэтажные дома рабочих' (М. Г., 204), *менинг бир оз пулим бор* 'у меня есть немного денег' (Т. Д., 31), *йигитнинг шу гаплари* 'эти слова молодого человека' (Х. Ф., 38).

Особого внимания заслуживает случай, когда дополнительной синтаксической единицей при опорном компоненте, выраженном существительным, является причастие на *-гап*. Здесь опорный компонент обычно обозначает исполнителя действия, выраженного причастной формой, ср. *Анвар Юсуфжоннинг адирдан пастга тушиб келётган кўчма дўкон-машинасига тикилиб қолди* 'Анвар смотрел на передвижную лавку-машину Юсифджана, спускающуюся с горы' (М. Қ., 75), *Ботиралининг шаҳардан келган жангчи дўстлари* 'воины-друзья Батырали, приехавшие из города' (Х. Ф., 191). При этом дополнительный член, относящийся к опорному компоненту, иногда находится перед зависимым компонентом, ср. *деразадан тушиб турган ойнинг хира нури* 'тусклый свет луны, падавший через окно' (М. Қ., 151).

У дополнительного члена, выраженного причастием на *-гап* при опорном компоненте, возможен свой собственный субъект: *Қорақумнинг эчки эмарлар яшайдиган ... қумлари* '... пески Каракума, где живут вараны' (П. Т., 100), *уларнинг тепада ишчилар ётиб юрадиган хонаси бор* 'у них есть комната наверху, в которой живут рабочие' (Т. Д., 378), *Ботиралининг қон томиб турган чап қўли* 'левая рука Батырали, из которой капала кровь' (Х. Ф., 144).

Когда исполнитель неизвестен, причастие на *-gap*, выступающее в роли дополнительного члена при опорном компоненте, принимает форму страдательного залога: *унинг оқ дока билан боғланган қўли* 'его рука, перевязанная марлей' (Х. Ф., 62), *қизнинг... майда қилиб ўрилган кокиллари* 'волосы... девочки, заплетенные мелкими косичками' (М. Қ., 134).

Притяжательная конструкция сложного типа отличается от распространенной простой тем, что ее зависимый компонент имеет тесную смысловую связь не только с опорным компонентом, но и с дополнительным членом, выраженным причастием или причастным оборотом. Так, например, в сочетании *унинг йўқлаб келадиган дўсти* 'друг, который навещает его' компонент *унинг* не является исполнителем действия, выраженного причастной формой, тогда как в сочетании *унинг йўқиб чиққан китоби* 'прочитанная им книга' (или ср. *унинг йўқлаб борадиган дўсти* 'друг, которого он навещает') компонент *унинг* — исполнитель действия, выраженного причастной формой, и обладатель объекта, обозначенного опорным компонентом. Первая конструкция — простая, распространенная, вторая — сложная.

Сложный тип притяжательной конструкции в зависимости от позиции, занимаемой дополнительными синтаксическими единицами, подразделяется нами на три подтипа.

Первый подтип. Дополнительный член, выраженный причастием на *-gap* без морфологического показателя, следует за основным членом зависимого компонента. Лексико-грамматической базой опорного компонента в конструкции первого подтипа служат только существительные. Примеры: *менинг боқадиган молим* 'скот, за которым мне надо смотреть' (Қ. А., 193), *унинг Ботирали билан ўтказган ширин кунлари* 'ее сладостные дни, проведенные вместе с Батырали' (Х. Ф., 56), *Шоқосимнинг хизмат қиладиган жойи* 'место, где работает Шакасим' (О., 245), *уларнинг қуриб берган уйлари* 'дом, который они строили' (И. С., 18).

В конструкциях данного подтипа опорный компонент может быть опущен, и тогда аффикс принадлежности присоединяется к причастию: *сизнинг айтганингиз* 'сказанное вами' (И. С., 104), *менинг айтганларим* 'сказанное мной' (Н. О., 276).

Необходимо также указать на возможность наличия нескольких дополнительных членов, выраженных причастием на *-gap*, из которых один находится в позиции перед основным членом зависимого компонента (ср. второй подтип): *ов қилаётган подшоларнинг камон отаётган пайти* 'время пускания стрел из лука пребывающими на охоте падишахами' (Х. Ф., 46), *кўргазмага келган одамларнинг оғзаки гаплари ва дафтарда қолдирган ёзувлари* 'записи, оставленные в тетради, и устные высказывания людей, посетивших выставку' (И. Р., 233).

Дополнительный член, представляющий собой целое предложение и располагающийся между компонентами притяжательной конструкции, обнаруживает разную степень связи с зависимым компонентом: он либо образует с ним единое целое, либо же сохраняет некоторую автономность (прямая речь). И в том, и в другом случае средством связи являются функционирующие в качестве служебных слов причастие и деепричастие от глагола *демоқ* 'говорить': *Муқоннинг дастлабки курашиш учун фотиҳа олдим, деган хати мана шу эди* 'это было письмо Мукана, в котором говорилось, что он получил разрешение на предварительную борьбу' (Қ. А., 57), *кампирнинг*: «*Туринг, Ну-*

риной!» деган товуши... 'крик старухи: «Вставай, Нурной!»...» (О., 211).

Второй подтип. Дополнительный член — причастие на -гап без морфологических показателей — находится в препозиции по отношению к основному члену зависимого компонента. Лексико-грамматическую базу опорного компонента образуют существительные, прилагательные, числительные, местоимения (кроме личных), причастия, имена действия. Примеры: *Москвага кетган куёвнинг сихат-саломат қайтиши* 'возвращение в полном здравии уехавшего в Москву жениха' (О., 148), *диванда кулча бўлиб ётган мушукнинг ёқимсиз хуриллаши* 'неприятное мурлыканье кошки, лежащей клубочком на диване' (С. Аҳ., 11).

При опущении в конструкциях второго подтипа основного члена зависимого компонента аффикс родительного падежа присоединяется к причастию: *ишга келганларнинг кўпини қайтариб юбордилар* 'многих из тех, кто пришел на работу, вернули' (М. Г., 173), *сени урадиганнинг қўли синсин* 'пусть сломается рука того, кто тебя ударит' (С. Аҳ., 58).

Третий подтип. Дополнительный член, выраженный причастием и именем действия в форме того или иного падежа или деепричастием, находится в постпозиции по отношению к основному члену зависимого компонента. Лексико-грамматической базой опорного компонента являются причастия, имена действия и существительные. Примеры: *она ... қизнинг бунча мулойимлашиб, қувноқланганига хурсанд бўлар эди* 'мать... радовалась тому, что девушка стала такой ласковой, радостной' (М. Г., 268), *Сотиволдининг шаҳарга тушганда врач олиб чиқишдан бошқа иложи қолмади* 'у Сатывалды, когда он попал в город, не оставалось иного выхода, кроме как привести врача' (Х. Ф., 554), *унинг жарима тўлашга пули йуқ эди* 'у нее не было денег заплатить штраф' (Ж. Л., 313).

О лексико-грамматической базе компонентов. В роли опорного и зависимого компонентов притяжательной конструкции используются не только существительные, но и прилагательные, числительные, местоимения, причастия, имена действия, причем самостоятельное употребление прилагательных, числительных и причастий в составе рассматриваемой конструкции предполагает их субстантивацию и, в формальном аспекте, присоединение к ним морфологических показателей опущенного члена, ср. *бошқаларнинг гуноҳи* 'грех других' (Х. Ф., 240).

Функции зависимого компонента выполняет любое местоимение: личное, вопросительное, неопределенное, указательное и т. д., ср. *у кимнинг қизи?* 'чья она дочь?' (О., 79), *аллакимнинг қаттиқ товуши* 'чей-то грубый голос' (Х. Ф., 183), *ҳеч кимнинг кўз қораси* букв. 'ничей зрачок' (О., 241), *ҳар кимнинг юмуши* 'дела каждого' (О., 281), *бунинг маъноси* 'значение этого' (Х. Ф., 79), *ҳаммаларингнинг юракларинг* 'сердца вас всех' (О., 296), *ҳамманинг кўзи* 'глаза всех' (Х. Ф., 17), *бировнинг томи* 'чья-то крыша' (О., 292).

Особенно часто на месте зависимого компонента оказывается выделительно-определяющее местоимение ўз, оформленное аффиксами принадлежности: *Гулнор ўзининг Йўлчига бўлган муҳаббатини... ёлғиз шу қизга сўзлаб юрар эди* 'Гюльнар о своей любви к Юлчи... рассказывала только этой девушке' (О., 311). Ср.: *Тоня билганларининг ҳаммасини айтиб берди* 'Тоня рассказала все, что она знала' (Н. О., 96).

Из числительных в роли зависимого компонента чаще всего выступают количественные, неопределенно-количественные, порядковые,

штучные, собирательные, ср.: *саккизининг ярми тўрт бўлади* 'половина восьми — четыре', *кўпларнинг кўзи* 'глаза многих' (Н. О., 322), *кўпининг нима кераги бор?* 'зачем нужны многие из них?' (М. Тв., 187), *Инобат олтинчининг ерида экан* 'Инобат на участке шестой [бригады]' (С. Ах., 40), *иккитасининг қўли* 'руки двух из них' (С. А., 20), *иккаламизнинг мақсадимиз* 'цель нас обоих' (Х. Ф., 66), *тўртовининг бурни* 'носы их четверых' (Н. О., 193), *иккисининг кўзларида ваҳший ғазаб ёнди* 'в глазах обоих пылал страшный гнев' (О., 240). Особого внимания заслуживает числительное *бир*, используемое в одинарном и в удвоенном виде, как своего рода устойчивое сочетание: *бир-бирларининг семизликларидан кулиб* 'потешаясь над полнотой друг друга' (О., 29), *бугун улар бир-бирларининг исм ва фамилияларини ўрганишди* 'сегодня они заучивали имена и фамилии друг друга' (О., 324).

Далее приведем примеры использования в качестве зависимого компонента прилагательных и причастий: *полвонларнинг иккитаси йиқилди. Энди қолганларининг биттасидан йиқилсам ...* 'двое из борцов упали. Теперь если я свалюсь от одного из оставшихся из них...' (Қ. А., 108), *Павелникига келганларнинг ҳаммаси* 'все, кто пришел к Павлу' (Н. О., 82), *ухлай олмаганимнинг сабаби* 'причина того, что я не мог спать' ~ 'причина отсутствия у меня сна' (Қ. А., 9), *ёмоннинг кучи* 'сила дурного' (И. С., 162), *уйдагиларнинг ҳаммаси* 'все, кто в доме' (Н. О., 95), *Катта гузарликларнинг ташаббуси* 'инициатива тех, кто живет в Катта гузаре' (И. Р., 140).

В качестве зависимого компонента употребляются также имена действия: *йўлда бўлган тасодифий учрашувларнинг бирида* 'в одной из имевших место в дороге случайных встреч' (Н. О., 84), *бундан гап очишнинг нима ҳожати бор?* 'что за нужда заводить разговор об этом?' (Т. Д., 365), *сизнинг янги хонада қолишингизнинг мутлақо кераги йўқ* 'нет совершенно никакой необходимости в том, чтобы вы оставались в новом помещении' (Т. Д., 67), *қўрқувларнинг барчаси* 'все страхи' (П. А., 250), *бу топишмоқларнинг жавоби* 'ответы этих загадок' (И. Р., 103).

Таким же разнообразием характеризуется лексико-грамматическая база опорного компонента.

Наряду с существительными, причастиями, именами действия, модальными словами в функции опорного компонента выступают:

любые местоимения (кроме личных), ср. *гапларнинг ҳаммаси* 'все разговоры' (Ж. Л., 138), *йигитларнинг ҳаммаси* 'все молодые люди' (М. Г., 98), *уларнинг барчаси* 'все они' (Ж. Л., 7), *унинг ўзи* 'он сам' (Н. О., 227), *раиснинг ўзи* 'сам председатель' (П. Т., 128), *полвонларнинг ҳеч қайсиси* 'ни один из борцов' (Қ. А., 162), *тошларнинг қайсиниси* 'который из камней' (Қ. А., 63), *Киевнинг аллақаери* 'где-то в Киеве' (М. Г., 28), *араванинг нимаси* 'что-то у телеги' (О., 38), *қизнинг алланимаси* 'что-то у девушки' (Ж. Л., 41), *бечоранинг ҳеч кими йўқ* 'у бедного никого нет' (О., 52), *мен сизнинг кимингиз?* 'я кто вам?' (А. Қод., 26);

числительные: например, *қизларнинг бири* 'одна из девушек' (Г. Г., 141), *полвонларнинг иккитаси* 'двое из борцов' (Қ. А., 108), *мулкдорларнинг учдан бири* 'треть землевладельцев' (О., 236), *отлиқларнинг иккови* 'двое всадников' (Н. О., 237), *меҳмонларнинг кўпи* 'многие из гостей' (Ж. Л., 171);

прилагательные: ср. *уларнинг энг кичиги* 'самый маленький из них' (Н. О., 70), *полвонларнинг энг зўри* 'самый сильный из борцов' (Қ. А., 161), *ерларнинг энг яхшиси* 'лучший из земельных участков' (Х. Ф., 20).

Примечательным является случай воспроизведения в опорном компоненте существительного или прилагательного, выступающего в качестве зависимого компонента притяжательной конструкции: ср. *устанинг устаси* 'лучший из мастеров' ~ 'мастер из мастеров', *аълочиларнинг аълочиси* 'лучший отличник' ~ 'отличник из отличников', *ёмонларнинг ёмони* 'наихудший' ~ 'худший из худших', *улуғларнинг улуғи* 'величайший' ~ 'великий из великих'.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- О. — Ойбек. Қутлуғ қон. Тошкент, 1957.
 С. А. — Суннатулла Анорбоев. Мунавварнинг тақдири. Тошкент, 1971.
 Ш. — Шухрат. Танланган асарлар, биринчи том. Тошкент, 1971.
 С. Аҳ. — Саид Аҳмад. Танланган асарлар, биринчи том. Тошкент, 1971.
 Х. Ф. — Ҳамид Фулом. Машъал. Тошкент, 1970.
 А. Қод. — Абдулла Қодирий. Утган кунлар. Тошкент, 1974.
 М. Қ. — Максуд Қориев. Жийда гуллаганда. Тошкент, 1971.
 П. Т. — Парда Турсун. Элга навбат. Тошкент, 1969.
 И. Р. — Иброҳим Раҳим. Тинимсиз шаҳар. Тошкент, 1971.
 И. С. — Исҳоқ Содиков. Фарғона зулмат кўйида. Тошкент, 1972.
 Қ. А. — Қалмақан Абдуқодиров. Ҳожимуқон. Тошкент, 1971.
 М. Г. — Максим Горький. Она. Тошкент, 1950.
 Н. О. — Николай Островский. Пўлат қандай тобланди. Тошкент, 1953.
 Г. Г. — Грэм Грин. Ювош америкалик. Тошкент, 1963.
 П. А. — Питер Абрахамс. Чақмоқли йўллар. Тошкент, 1960.
 М. Тв. — Марк Твен. Гекльберри Финнинг бошидан кечирганлари. Тошкент, 1960.
 Ж. Л. — Жек Лондон. Мартин Иден. Тошкент, 1968.
 Т. Д. — Теодор Драйзер. Бахти қаро Керри. Тошкент, 1973.
 В. — Этель Лилиан Войнич. Сўна. Тошкент, 1956.

Г. Ф. БЛАГОВА

СМЕНА ДИАЛЕКТНОЙ ОРИЕНТАЦИИ
СРЕДНЕАЗИАТСКО-ТЮРКСКОГО
ЛИТЕРАТУРНО-ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА
XV — НАЧАЛА XVI В.

I. О существовании поэтической и прозаической разновидностей среднеазиатско-тюркского литературно-письменного языка XV—начала XVI в. в тюркологии известно уже давно. «Специально стихотворный чагатайский язык в отличие от прозаического» вполне четко выделил в 1927 г. А. Н. Самойлович, причем, подчеркивал он, этому «специально стихотворному... языку» свойственны «незначительные архаизмы уйгурского характера и ...более значительные элементы „огузско-туркменские”»¹. Иными словами, ученый указывал на наличие инородных, гетерогенных форм в стихотворном языке².

Несмотря на эти ясные указания, вопрос о соотношении стихотворного и прозаического вариантов литературно-письменного языка XV—начала XVI в. не стал предметом специального исследования. Специалисты в области истории тюркских языков отдавали предпочтение структурно-генетическому, а не функциональному подходу к историко-лингвистическим явлениям.

Между тем вопрос об отношении различных видов и форм языковой дифференциации друг к другу принципиально важен как в собственно лингвистическом, так и в экстралингвистическом плане. Прежде всего само по себе наличие в XV—начале XVI в. двух разновидностей языка, различавшихся по инвентарю строевых элементов, с одной стороны, смыкается с проблемой двух диалектных ориентаций (сосуществования двух «языковых типов») в этот период развития литературно-письменного языка; с другой стороны, нельзя не заметить, что четкая собственно лин-

В основу статьи положен доклад автора на VII Тюркологической конференции в Ленинграде (июнь 1975 г.).

¹ А. Н. Самойлович. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. IV. Чагатайский поэт XV в. Атай. — «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР», т. II, вып. 2. Л., 1927, стр. 262. Об уйгурской письменной традиции, а также об «огузо-туркменской литературной традиции, которая... достигла значительного развития в XII в. в низовьях Сыр-Дарьи, перекинувшись в дальнейшем на Северный Хорезм и на Нижнее Поволжье», см.: Э. Н. Наджип. О средневековых литературных традициях и смешанных письменных тюркских языках. — «Советская тюркология», 1970, № 1, стр. 88 и сл. Ср.: А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского тefsира XII—XIII вв. М., 1963, стр. 10.

² Типологически сходное явление, а именно зависимость реального состава сплава гетерогенных языковых элементов от жанра письменности и литературы, отмечалось для раннего периода истории русского литературного языка (см.: В. В. Виноградов. О новых исследованиях по истории русского литературного языка. — «Вопросы языкознания», 1969, № 2, стр. 10). А. Мейе, говоря о литературном латинском языке, прямо указывал: «Язык эллинизированной поэзии не похож на язык прозы» (А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954, стр. 16).

гвистическая дифференциация прозаического и поэтического вариантов этого языка в необыкновенно короткий исторический срок фактически реализовалась в творчестве двух больших мастеров слова—Алишера Навои и Захир-эд-Дина Мухаммеда Бабура. В соответствии с этим настоящая статья ставит две задачи:

1) проследить соотношение обоих языковых типов в литературно-письменном языке изучаемого периода; 2) охарактеризовать новаторскую литературно-лингвистическую деятельность Навои и Бабура в изучаемом плане.

Учитывая, что признаки устных диалектально окрашенных форм языка исходных областей их распространения отражаются в средневековых литературно-письменных языках, как правило, весьма опосредствованно и избирательно³, предметом своего исследования мы сделали падежное склонение в языке поэтических и прозаических произведений Навои и Бабура, а отчасти и в поэтическом наследии старших современников Навои — Атаи и Лютфи. Ибо именно в этом фрагменте морфологической системы фронтальное вытеснение одного языкового типа другим происходило наиболее наглядно. Не случайно А. К. Боровков отводил типу склонения очень важную, классификационную роль: он выделял группы письменных памятников по наличию — отсутствию интерфикса *-n-* в формах локативных падежей при аффиксе принадлежности 3-го лица и связывал наличие или отсутствие *-n-* с «двумя диалектальными источниками, имеющими глубокую историческую перспективу»⁴. В процессе исследования нами привлекались также некоторые формы глагольного словоизменения, служебные глаголы, послелогии и служебные имена⁵.

II. Прежде всего попытаемся рассмотреть, как оба языковых типа — назовем их огузско-туркменским и собственно чагатайским — соотносились друг с другом в поэтическом варианте литературно-письменного языка XV—начала XVI в.

Как известно, сплав гетерогенных, разнородных форм в изучаемый период особенно заметен именно в языке поэзии. Здесь действительно столкнулись два языковых типа. Один из них, освященный трехвековой литературной традицией, обнаруживает склонение на огузско-туркменский манер⁶. Это прежде всего выделение посессивно-именной парадигмы в особую, во-первых, посредством интерфикса *-n-* в локативных падежах при именах с аффиксом принадлежности 3-го лица; во-вторых, это наличие особых, вокалических показателей дательного-направительного падежа (*-a*) после аффиксов принадлежности 1-го (реже — 2-го) лица единственного числа и 3-го лица единственного и множественного числа.

Однако эта традиция подвергается сильному воздействию живого языка, относящегося к принципиально иному типу с другим типом скло-

³ См.: Н. Н. Семенюк. Формирование норм немецкого литературного языка первой половины XVIII столетия. Автореф. докт. дисс. М., 1973, стр. 33.

⁴ А. К. Боровков. Очерки по истории узбекского языка, I. Определение языка хикматов Ахмада Ясеви. — «Советское востоковедение», т. V. М.—Л., 1948, стр. 247.

⁵ См.: Г. Ф. Влагова. О характере так называемого «чагатайского» языка конца XV в. — В сб.: «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика». М., 1960.

⁶ С. Е. Малов, по-видимому, имея в виду, помимо фонетических признаков «й»-языка, еще и совокупность подобных огузско-туркменских, то есть западных, черт, говорил «о движении языка в средние века с запада на восток». «Если раньше, в древнее время, среди тюрков литературные течения, лексика и вообще влияние языка тюрков направлялось с востока на запад, то позднее, в средние века, по части тюркского языка движение пошло уже с запада на восток» (С. Е. Малов. Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии. — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1947, вып. 6, стр. 479).

нения, — собственно чагатайского (применительно к современным языкам он именуется нами «уйгурско-узбекским»). Для этого типа склонения характерно: неразличение именной и посессивно-именной парадигм склонения — в том и другом случае употребляются падежные показатели только с консонантным началом: *-niŋ*, *-ni*, *-ya*; при склонении имен с аффиксом принадлежности 3-го лица в локативных падежах интерфикс *-n-* отсутствует⁷. Принадлежность этого типа склонения (как и других согласуемых с ним признаков собственно чагатайского языкового типа) к народному языку косвенно может быть подтверждена возрастанием его роли в литературно-письменном языке XV в. (об этом см. ниже). Подтверждается это и языковым анализом документа уйгурского письма султана Омар-Шейха: уже П. М. Мелиоранский, издавший этот документ, датированный им 1469 годом, отметил близость его языка к языку «Бабур-наме»⁸. Во всяком случае, все формы посессивно-именной парадигмы склонения в документе — собственно чагатайские, ни в одной из форм локативных падежей после аффиксов принадлежности 3-го лица не представлен интерфикс *-n-* (*д̣жамлар-ы-ба* ‘всем им’, *мрабынан б̣үзр̣ү-л̣är-i-ḍin* ‘из маргеланских вельмож’, *у̣i жыл-ы-да* ‘в год быка’, *шаввал а̣йының жігірмі жіті-сі-д̣in башлап* ‘начиная с 27-го числа месяца Шаввала’). Между тем прозаический язык делопроизводства тимуридских канцелярий, обращенный ко всем слоям населения страны, по своей макро-структуре, надо думать, был ближе к обобщенным типам народной устной речи, чем язык поэзии, хотя П. М. Мелиоранский усматривал «некоторую искусственную архаичность языка канцелярий Омар-Шейха»⁹.

Были ли одинаковыми по своему составу и пропорциям сплав гетерогенных падежных форм, или, согласно терминологии Н. Н. Семенюк, диапазон и глубина варьирования¹⁰ названных форм; была ли одинаковой частотность любой из них в поэзии, скажем, Атаи и Лютфи, Навои и Бабура? Даже предварительные наблюдения позволяют ответить на этот вопрос отрицательно.

II. 1. Рассмотрим данный вопрос на примере газелей современника Навои — Атаи, опубликованных А. Н. Самойловичем¹¹. Язык этого поэта, как и его современников Лютфи и Саккаки, по мнению В. Д. Артамошиной, «отражал типичные черты литературного тюркского языка первой половины XV в., и в то же время в нем ощущаются следы диалектов различных народностей и племен, населявших Междуречье и Хорасан»¹². Целый ряд газелей Атаи последовательно характеризуется падежными формами именно огузской посессивно-именной парадигмы (газели №№ 19, 64, 78, 109): в них после аффикса принадлежности 3-го лица показатели всех локативных падежей присоединяются только через посредство интерфикса *-n-*, а аффикс дательного-направительного падежа в этих же условиях

⁷ О принципах выделения типов склонения см.: Г. Ф. Благова. О типах и структурных разновидностях падежного склонения в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1975, № 1.

⁸ П. М. Мелиоранский. Документ уйгурского письма Султана Омар-Шейха. — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XVI, вып. I, СПб., 1905, стр. 5.

⁹ Там же.

¹⁰ Н. Н. Семенюк. Указ. раб., стр. 8.

¹¹ А. Н. Самойлович. Указ. раб. Примеры из газелей Атаи, обозначенных цифрами, приводятся по этой работе; примеры из нумерованных туягов Лютфи и Эмири заимствованы из соответствующих публикаций А. Н. Самойловича (см. ниже).

¹² В. Д. Артамошина. Условия формирования и некоторые особенности языка среднеазиатских поэтов — предшественников А. Навои. — В сб.: «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика». М., 1960, стр. 7.

имет огузский, вокалический облик. Укажем примеры форм огузско-туркменской посессивно-именной парадигмы при отсутствии соответствующих форм без интерфикса *-n-*: в № 19 — дважды словоформа местного падежа *ič-i-n-da* 'внутри него' и исходн. падеж. *paŋklar-i-n-din* 'от их острых концов'; в № 78 наоборот — две словоформы исходного падежа *paŋklük-i-n-din* 'от ее изящества', *gäwzä-si-n-din* 'из его цветника' и одна словоформа местного падежа *jaqa-si-n-da* 'на ее берегу'; в № 64 — две словоформы исходного падежа *sär čäsmä-si-n-din* 'от его истоков' и *išq häp-i-n-din* 'от воспевающего любовь'; в № 109 — две словоформы местного падежа *baŋ-i-n-da* 'в ее саду', *mişg malik-i-n-da* 'у государя Египта' и одна дательного-направительного падежа *qamatiŋ bala-si-n-a* 'твоему стройному (буквально: высокому) стану'. В ряде других газет Атаи формы огузско-туркменской посессивно-именной парадигмы склонения перемежаются с соответствующими собственно чагатайскими формами, количественно доминируя над ними, например: в № 46 — словоформы местного и дательного-направительного падежей (последний с вокалическим показателем), имеющие интерфикс *-n-* после аффикса принадлежности 3-го лица, *qaš-i-n-da* 'перед ней' и *aŋz-i-n-a* 'ее рту', но местный падеж без интерфикса *-n-* в тех же условиях *elik-i-dä* 'в ее руке'; в № 251 — *baš-i-n-da* 'в его голове' и *bek-i-n-din* 'от его князя', но *dard-i-ŋa* 'его печали'; в № 1 — три словоформы местного падежа с интерфиксом *-n-*: *közgü-si-n-dä* 'в ее зеркале', *baŋ-i-n-da* 'в ее саду', *qaš-i-n-da* 'перед ним', но по одной форме исходного падежа без интерфикса *ittihad-i-din* 'от его согласия' и дательного-направительного падежа на *-ŋa* после аффикса принадлежности 1-го лица *bel-im-ŋa* 'моей пояснице'. В газетях Атаи представлены и иные пропорции смешения названных гетерогенных падежных форм. Например, эти формы могут быть представлены количественно почти одинаковым образом: в № 132 — две словоформы с интерфиксом *-n-* (*qullar san-i-n-da* 'наподобие рабов', *itlariŋ häjl-i-n-da* 'в стае твоих псов') и две без него (*etag-i-ga* 'к ее подолу', *elik-i-da* 'в ее руке'); в № 217 — по одной форме с интерфиксом *-n-* (*baŋ-i-si-n-din* 'из всех них') и без него (*fäläk-i-gä* 'его судьбе'). В газетях №№ 22 и 97 преобладают формы без интерфикса *-n-*, хотя имеются и с интерфиксом; в трех газетях — №№ 10, 181, 212 — отмечено всего по одной словоформе локативных падежей с аффиксом принадлежности 3-го лица, и каждая из них — без интерфикса *-n-*; в № 59 имеются три подобные словоформы тоже без интерфикса.

В целом же надо сказать, что в поэзии Атаи все формы локативных падежей огузско-туркменской посессивно-именной парадигмы, в том числе и исходного падежа, употребляются почти с одинаково высокой частотностью. Таким образом, ни парадигматические, ни лексические ограничения для этих форм здесь не наблюдаются; в этом плане исключение представляет, по-видимому, только дательного-направительный падеж с вокалическим показателем *-a* после аффикса принадлежности 1-го лица единственного числа, встречающийся реже других огузско-туркменских падежных форм.

Восемь туюгов Лютфи, опубликованных А. Н. Самойловичем¹³, дают яркую картину преобладания форм посессивно-именного склонения огузско-туркменского типа над соответствующими собственно чагатай-

¹³ А. Н. Самойлович. Чагатайские туюги Лютфи. — «Доклады Академии наук СССР». [Серия] В, 1926, май—июнь, стр. 78—79 (нумерация туюгов принадлежит А. Н. Самойловичу).

скими¹⁴: две словоформы местного падежа с интерфиксом *-n-* после аффикса принадлежности 3-го лица (*γam mihijt-i-n-da* в № 3 'в океане печали', *tekga-si-n-da* в № 5 'вокруг него'; соответствующие словоформы без интерфикса *-n-* отсутствуют), две словоформы исходного падежа с интерфиксом *-n-* после аффикса принадлежности 3-го лица (*el-i-n-din* 'от его руки' и *hižgan qiš-i-n-din* 'от зимы разлуки' в № 7) на фоне двух же соответствующих словоформ без интерфикса *-n-* (*γam taš-i-din* 'от камня печали' и *taš-i-din* 'снаружи него' в № 2)¹⁵; вокалический показатель дательно-направительного падежа после аффикса принадлежности 1-го лица единств. числа (*köŋl-üm-ä* в № 6 'моему сердцу', но ср. консонантный показатель после аффикса принадлежности 2-го лица: *عشقینک ۛه* в № 3 'твоей любви') и после «чистой» основы, не осложненной посессивными показателями, но оканчивающейся на согласный (*el-e* в № 8 'руке'). В этих же туюгах Лютфи находим огузско-туркменские глагольные лично-числовые формы (*qoŋqag-am* в №№ 2, 8 '[я] боюсь', *bolmiš-am* в № 5 '[я] стал', *köŋmiš-äm* в № 8 '[я] увидел') и послелого (*ilä* в №№ 5, 8 'с, вместе с').

Следует отметить, однако, что в одиннадцати туюгах Эмира, опубликованных А. Н. Самойловичем по той же самой рукописи Стамбульского университета, откуда взяты и вышеназванные восемь туюгов Лютфи¹⁶, огузско-туркменские падежные формы, напротив, единичны при явном преобладании собственно чагатайских форм. Практически здесь присутствует только вокалический показатель дательно-направительного падежа *-a* после аффикса принадлежности 1-го лица единств. числа (*hal-im-a* № 10 'моему положению', но ср. *žap-im-γa* № 8 'моей душе'); что же касается слов с посессивным показателем 3-го лица, то к ним аффиксы локативных падежей присоединяются без интерфикса *-n-* [см. дательно-направительный падеж — № 8, местный падеж — №№ 3, 5, 6, 7, 9, исходный падеж — №№ 2 и 3 (по 3 раза), 1, 9, 11]. Вместе с тем в умеренном количестве встречаются здесь огузско-туркменские служебный глагол [*ajla-* — № 6, № 8 (два раза)] и послелог (*ilä* — № 1 при заметном перевесе *bilä* — №№ 3, 11). Напротив, в отрывке из «Теашшук-наме» тимурида Сиди-Ахмеда¹⁷, где также не прослеживается преобладание огузско-туркменских падежных форм, отмечен показатель *-γa* после посессивного аффикса 1-го лица единств. числа (*žap-im-γa* 'моей душе', ср. *biz-ga* 'нам') и *-a* после аффикса 3-го лица при наличии интерфикса *-n-* в последнем случае (*qaršu-si-n-a* 'навстречу ему', *käm-i-n-ä* 'его недостатку', но *iš-i-ga* 'его делу'); ср. также интерфикс *-n-* в тех же условиях перед аффиксом местного падежа.

Так, благодаря слиянию двух различных языковых типов в поэтическом варианте литературно-письменного языка XV в. происходило варьирование гетерогенных форм одного и того же падежа, иначе говоря —

¹⁴ Э. Н. Наджип прямо говорит о том, что для ряда авторов уже «XIV века преобладающей... была огузо-туркменская литературная традиция» (Э. Н. Наджип. Указ. раб., стр. 88).

¹⁵ Такое равновесие в использовании гетерогенных посессивных форм исходного падежа на фоне преобладания огузско-туркменских посессивных форм других падежей весьма знаменательно в плане особенно четко наметившейся позднее (в идиолектах Навои и Бабура, причем даже и в поэтических) тенденции к вытеснению в первую очередь этих огузско-туркменских форм исходного падежа собственно чагатайскими (см. об этом ниже).

¹⁶ А. Н. Самойлович. Из туюгов чагатайца Эмира. — «Доклады Академии наук СССР». [Серия] В, 1926, май—июнь, стр. 75—76.

¹⁷ А. Н. Самойлович. Отрывки из «Теашшук-наме» с игрою рифмующих слов. — «Доклады Академии наук СССР». [Серия] В, 1927, № 2, стр. 36—37.

межсистемное варьирование падежных форм. В поэтических идиолектах, например, Атаи и Лютфи, еще можно проследить некоторую системность отношений между огузскими падежными формами, представляющими огузскую посессивно-именную парадигму: все три локативных падежа в словоформах с аффиксом принадлежности 3-го лица имеют интерфикс *-n-* и аффикс дательно-направительного падежа в этих условиях не *-ya*, но *-a*¹⁸. Конечно, между подобными огузскими формами и соответствующими собственно чагатайскими формами никаких системных отношений не было и быть не могло.

II. 2. У Алишера Навои уже трудно найти поэтическое произведение даже и самого малого жанра, где использовались бы только огузско-туркменские падежные формы посессивно-именной парадигмы и не присутствовали бы соответствующие собственно чагатайские формы. В одном бейте встречаются, например, *yaṣ-īm-a* 'моей печали', но *ālam-īm-ya* 'моему горю' или *zāp-īm-a* 'моей душе', но *qaš-i-ya* 'к ней'¹⁹. Огузско-туркменские падежные формы в поэтическом идиолекте Навои захватывают и часть посессивно-именной парадигмы, относящейся к принадлежности 3-го лица, и часть, затрагивающую принадлежность 1-го лица единств. числа (дательно-направительный падеж: вокалический *-a*, но не *-ya*). Ограничений в лексемом репертуаре для большинства огузско-туркменских падежных форм посессивно-именной парадигмы у Навои еще нет. Каждая из таких форм — дательно-направительный падеж на *-a* после аффиксов принадлежности 1-го или 3-го лица, формы дательно-направительного и местного падежей с интерфиксом *-n-* после аффикса принадлежности 3-го лица — имеет почти равновеликую и во всяком случае достаточно высокую частотность. В этом отношении исключение представляет только форма исходного падежа с интерфиксом *-n-* после аффикса принадлежности 3-го лица — именно она в поэтическом идиолекте Навои употребляется весьма ограниченно, с низкой частотностью²⁰: таким образом, можно говорить о появлении в поэтическом идиолекте Навои ограничений парадигматического характера для огузско-туркменских падежных форм.

II. 3. В поэзии Бабура наблюдается уже несколько иное положение. Частное ограничение, наметившееся для огузско-туркменских падежных форм в поэзии Навои, у Бабура получило дальнейшее развитие. Во всяком случае исходный падеж с интерфиксом *-n-* после аффикса принадлежности 3-го лица в «Собрании стихотворений императора Бабура»²¹ отмечен всего один раз и не встретился нам вовсе в рукописи «Мубайин»²².

Единичными здесь стали также словоформы дательно-направительного падежа с интерфиксом *-n-* при аффиксе принадлежности 3-го лица.

¹⁸ Примерно такие же соотношения огузско-туркменских и собственно чагатайских вариантов падежных форм можно наблюдать в примерах из произведений Атаи, Лютфи и Саккаки, извлеченных В. Д. Артамошиной из рукописных материалов (см.: В. Д. Артамошина. Указ. раб., стр. 20—27).

¹⁹ Алишер Навоий. Мезонул авзон. Критик текст тайёрловчи И. Султонов. Тошкент, 1949, стр. XXXIX₁₀₋₁₁ и LXVII₉₋₁₁.

²⁰ Подробнее о падежном склонении в языке Навои см.: Г. Ф. Благова. О соотношениях прозаического и поэтического вариантов среднеазиатско-тюркского литературно-письменного языка XV—начала XVI в. (К постановке вопроса). — В сб.: «Turkologiya» (в печати).

²¹ А. Н. Самойлович. Собрание стихотворений императора Бабура. Пг., 1917.

²² Хранится в рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР под шифром «А 104».

Для вокалического показателя этого падежа *-a* при аффиксе принадлежности 1-го лица единств. числа характерны ограничения в круге лексем, к которым он присоединяется. Чаще всего это названия частей и органов человеческого тела: *köñül*, *žap*, *žism*, *baš*, *köz*, *añiz*, *qaš*, *elik*; и хотя в поэзии *köñül* 'сердце' и *žap* 'душа' — слова с особо высокой частотностью употребления, все же дательно-направительный падеж на *-a* после аффикса принадлежности 1-го лица единств. числа обладает небольшой частотностью, не идущей ни в какое сравнение с соответствующим показателем *-ya* в тех же условиях. Таким образом, в поэтическом идиолекте Бабура явно наметилось уменьшение диапазона варьирования, прежде всего за счет лексемных и парадигматических ограничений при использовании однопадежных вариантов. Из всех других огузско-туркменских падежных форм практически только местный падеж с интерфиксом *-n-* при аффиксе принадлежности 3-го лица употребляется в поэтическом идиолекте Бабура без особых ограничений, но и его частотность несопоставима с автоматически регулярным использованием здесь местного падежа без *-n-* в тех же условиях²³.

II. 4. Это постепенное и неравномерное снижение частотности огузско-туркменских падежных форм (хотя в отдельных случаях и может проявляться в разных поэтических произведениях одного автора, например, Атаи) имеет в целом в поэтическом варианте языка XV—XVI вв. четко выраженное направление от Атаи к Навои и от Навои к Бабуру. В этом же плане еще более показательны происходившие в тот период изменения в диапазоне варьирования гетерогенных падежных форм в сторону явного уменьшения за счет возникавших лексемных и парадигматических ограничений. Все это может свидетельствовать о процессах вытеснения огузско-туркменского языкового типа другим типом — собственно чагатайским.

III. Обратимся теперь к рассмотрению прозаического варианта литературно-письменного языка. Здесь смена языковых типов особенно явственна. Первым заметил ее С. Е. Малов. Он подчеркивал: «Заслуги Алишера Навои не ограничиваются тем, что им окончательно узаконено употребление в литературе среднеазиатского тюркского языка вместо персидского ...резонанс от Навои был еще больше: благодаря его трудам значительно ускорился процесс перевеса языка „й“ над „д“-языком и весьма упрочился в литературе во всем Восточном Туркестане, как и в других Туркестанах, тюркский „й“-язык. Навои является не только основоположником узбекского литературного языка („й“-языка), нет, он, вместе с этим, был и в числе причин или факторов, преобразовавших тюркский „д“-язык в Центральной Азии»²⁴. Однако С. Е. Малов не имел в виду языковой аспект прозаических сочинений Навои, он придавал особое значение именно его поэзии: «Навои способствовал скорейшему распространению тюркского языка и литературы с запада своими гениальными поэмами-романами», ибо «он был чрезвычайно любимым, читаемым автором...»²⁵.

²³ Подробнее см.: Г. Ф. Благова. О соотношениях прозаического и поэтического вариантов среднеазиатско-тюркского литературно-письменного языка XV — начала XVI в. (Падежное склонение в языке произведений Бабура). — «Тюркологический сборник» (в печати).

²⁴ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 480.

²⁵ Там же.

Мысль о смене языковых типов именно в эпоху Навои фактически была поддержана и развита А. К. Боровковым на основе анализа одного из фрагментов морфологии языка поэта — падежного посессивно-именного склонения (заметим, что и этот ученый не принимал здесь во внимание существенных различий между языком поэтических и прозаических сочинений Навои в названном аспекте и не уточнял, о языке каких произведений идет речь — прозаических или поэтических, между тем как анализируемый им признак как раз наиболее отчетливо представлен в прозе Навои). Говоря о классификационном признаке — наличии «вставочного» *n* при локативных падежах после основ с посессивным аффиксом 3-го лица, А. К. Боровков прямо указывал: «Это морфологическая особенность памятников до эпохи Навои, когда закрепилось склонение локативных падежей без „вставочного” *n*»²⁶. Это действительно так: суть языковой реформы, произведенной Алишером Навои, состояла именно в том, что благодаря его усилиям прозаический вариант литературно-письменного языка был переведен на новый языковой тип, собственно чагатайский. По своему строю и макроструктуре этот тип в целом соответствовал обобщенному варианту устной речи²⁷ торгового города Андижана, где, по-видимому, имелись контакты между носителями говоров тюрков Мавераннахра. Именно в этом, как нам кажется, разгадка знаменитого свидетельства Бабура, по-разному трактовавшегося многими учеными. Между тем Бабур не только дал «характеристику андижанского наречия и языка Навои»²⁸, но и изложил в нижеследующих словах и свое лингвистическое кредо:

اند جان ایلی نینک لفظی قلم بیرله راست تورانی اوچون کیم میر علیشیر
نواایی نینک مصنفاتی باوجود کیم هر ید آنشو ونما تاییب تور بوتیل بیله دور.²⁹
'речь населения Андижана [перед этим говорилось, что в Андижане — в городе и на базаре — говорят по-тюркски. — Г. Б.] согласуется с письмом (письменным языком), поэтому-то произведения Алишера Навои, хотя он и вырос в Герате, писаны на этом языке'.

Действительно, литературной практикой Навои и Бабура, прежде всего в области прозы, ознаменован и закреплен переход литературно-письменного языка на этот новый языковой тип. В сфере падежного склонения этот тип выражался в неразличении именной и посессивно-именной парадигм: для обеих парадигм характерны падежные показатели только с консонантным началом; интерфикс *-n-* в посессивно-именной парадигме отсутствует.

Замена одного языкового типа другим, что обычно происходит на протяжении столетий, могла быть осуществлена здесь в кратчайший исторический период благодаря действию нескольких факторов.

Во-первых, этому способствовала предшествующая богатая история развития письменно-литературных традиций. Сложные связи «литературного языка Алишера Навои» с этими традициями подробно рассмотрел А. К. Боровков³⁰. С. Е. Малов уподобил Алишера Навои Ломоносову

²⁶ А. К. Боровков. Очерки истории узбекского языка, II. Опыт грамматической характеристики языка среднеазиатского «тефсира» XIV—XV вв. — «Советское востоковедение», т. VI. М.—Л., 1949, стр. 29.

²⁷ Об устных койне и обобщенных вариантах устной речи см.: А. В. Десницкая. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970, стр. 9 и сл.

²⁸ А. К. Боровков. Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка. — В сб.: «Алишер Навои». М.—Л., 1946, стр. 98.

²⁹ «The Bābar-nāma», ed. by A. Beveridge. Leyden—London, 1905, л. 26.

³⁰ А. К. Боровков. Алишер Навои., стр. 99 и сл. См. также: Э. Н. Наджип. Указ. раб.

и писал, что ему пришлось «торить дорогу в литературе среднеазиатско-тюркскому, или чагатайскому, языку...», специально при этом подчеркивая: «Сказать без всяких оговорок, что до Навои в Средней Азии тюркский язык не употреблялся, — было бы совсем не правильным: это бы не соответствовало реальным историческим данным»³¹. Роль старых письменно-литературных традиций была двоякой. С одной стороны, совершенное Навои прогрессивное обновление литературно-письменного языка без опоры на эти традиции было бы немыслимо. С другой стороны, само по себе наличие развитой письменно-литературной традиции налагало на Навои и его последователей особую ответственность за уровень осуществляемой языковой реформы, поскольку предстояло удовлетворить запросы образованного общества, способного уже оценить не только выработанную на основе другого языкового типа письменно-литературную традицию, но и изощренную иноязычную (фарсоязычную) традицию.

Во-вторых, в рассматриваемую эпоху, по-видимому, активно складывался разговорный койне тюрков Мавераннахра: подобное койне в государствах тимуридов обрело известный социальный престиж благодаря расширению его функций как средства общения. Показательно и то, что язык делопроизводства тимуридских канцелярий, как об этом свидетельствует документ султана Омар-Шейха, по своей макроструктуре был собственно чагатайского типа. Между тем это койне в период, предшествовавший литературно-лингвистической деятельности Навои, по своей макроструктуре заметно отличалось от литературно-письменного языка. Возможно, именно эту отдаленность литературно-письменного языка XV в. даже от обобщенного типа устной речи, обусловленную строгим следованием письменным традициям прежних времен, имел в виду Навои, когда писал о своих предшественниках, поэтах Саккаки и Лютфи, как о «красноречивых людях в уйгурских выражениях и сладкоречивых в тюркских речениях»³² (разрядка наша. — Г. Б.); в этой связи небезынтересен тот факт, что в числе нескольких рукописей, писанных двумя алфавитами — уйгурским и арабским — и происходящих из Герата, упоминается сочинение Лютфи³³.

В-третьих, это резко возросшие благодаря творческой деятельности Навои и Бабур темпы развития светской литературы и прежде всего — ее прозаических жанров³⁴. Как известно, в средневековой тюркоязычной литературе прозаические сочинения религиозно-дидактического и богословского характера имелись в довольно большом количестве; им был присущ некий «общий стиль», благодаря чему создалась «своеобразная традиция, которая продолжалась в Средней Азии вплоть до XIX в. В силу консервативности, заложенной в самой сущности произведений такого рода, они почти не отражали развития живого народного языка»³⁵. Светская литература поэтических жанров приобрела значительный размах уже в XIII—XIV вв. Но только Алишер Навои первым перешел на язык прозы в светской литературе. Навои и Бабур, создали на языке тюрки совершенно новые прозаические жанры: ученые трактаты — стиховедческие, литературоведческие, лингвистические;

³¹ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 475 и 477.

³² Цит. по статье: А. К. Боровков. Алишер Навои..., стр. 100.

³³ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 479; В. В. Баргольд. Новая рукопись уйгурским шрифтом в Британском музее. — «Доклады Российской Академии наук». [Серия] В, 1924, март—апрель, стр. 57—58.

³⁴ Ср.: В. В. Виноградов. Проблема литературных языков и закономерности их образования и развития. М., 1967, стр. 46.

³⁵ В. Д. Артамошина. Указ. раб., стр. 10—11.

дидактические произведения; исторические сочинения и жанр, не поддающийся точной литературоведческой квалификации, условно названный нами мемуарно-историографическим, к которому относится широкое и вполне реалистическое художественное полотно средневековой жизни, каким является «Бабур-наме».

Как показало исследование, именно в этих новых, по самой своей сути еще лишенных консервативности, прозаических жанрах все языковые процессы протекали наиболее интенсивно и в них четко проявлялись как признаки обновленного литературно-письменного языка, так и основные прогрессивные тенденции его развития. Между тем в поэтическом варианте литературно-письменного языка, на котором создавались произведения в традиционных, веками складывавшихся и вполне канонизированных поэтических жанрах, где, по выражению В. В. Виноградова, «индивидуальные оттенки стиля того или иного писателя обычно ступень вывалились в устойчивой схеме жанровой композиции»³⁶, процесс вытеснения одного языкового типа другим не мог не проходить гораздо более замедленно и весьма неравномерно. Таким образом, состояние литературно-письменного языка в изучаемый период, степень его развития находились в прямой и непосредственной зависимости от происходившего тогда обогащения светской литературы новыми, прозаическими жанрами.

Итак, быстрое замещение одного языкового типа другим в прозаическом варианте литературно-письменного языка и постепенное вытеснение огузско-туркменского типа из поэтического варианта было вызвано действием трех названных факторов. Полученные выводы хорошо согласуются с нижеследующим положением общего языкознания: «Литературный язык, представляющий собою сложную и не вполне гомогенную систему, которая состоит из разнообразных территориальных подсистем и функциональных разновидностей, естественно, и развивается как такая сложная система, разными темпами меняющаяся в своих различных частях»³⁷ (разрядка наша. — Г. Б.).

IV. Языковую реформу, осуществленную Навои, довел до логического завершения и закрепил Бабур своим монументальным прозаическим сочинением «Бабур-наме». Надо сказать, что в этом сочинении Бабура принцип соответствия собственно чагатайскому языковому типу соблюдается гораздо более последовательно, нежели в прозе Навои. Дело в том, что Навои еще не мог не считаться с устоявшимися литературно-лингвистическими вкусами образованного общества своего времени. Над поэтом еще довлела престижность огузско-туркменского языкового типа: отсюда — отдельные огузско-туркменские формы, хотя и имеющие парадигматически изолированный характер и обладающие весьма низкой частотностью, все же встречаются в его прозаических сочинениях. Для Бабура же вопрос о языковой престижности решался несколько иначе. В литературно-письменном языке, особенно в его прозаическом варианте, император Бабур, следуя Навои, но без компромиссных уступок традиционному типу языка, неуклонно придерживался того языкового типа, носителем которого он сам был и макроструктуре которого оставался верен в своих литературных опытах³⁸.

Итак, опираясь на анализ литературно-лингвистического новаторства Бабура, целесообразно уточнить утвердившийся с времен Н. И. Иль-

³⁶ В. В. Виноградов. Проблема литературных языков..., стр. 84.

³⁷ Н. Н. Семенов. Указ. раб., стр. 46.

³⁸ Быть может, не случайно, и другой писатель, полководец и император — Кай Юлий Цезарь, с военными записками которого нередко сравнивают «Бабур-наме», был, так же как и Бабур, пуристом в отношении языка (А. Мейе. Указ. раб., стр. 16).

минского взгляд на Навои как на «почти единственного или, по крайней мере, могущественнейшего бойца за родной язык»³⁹. Великое значение Навои отнюдь не умаляется тем, что он имел могучего в своей социальной независимости и самостоятельности лингвистических воззрений последователя в лице Бабура⁴⁰. Без такого верного их общим лингвистическим идеалам последователя, без литературно-лингвистической преемственности, обеспечивавшей известную стабильность макроструктуры собственно чагатайского типа в литературно-письменном языке⁴¹, языковая реформа, произведенная Алишером Навои, не была бы закреплена и не имела бы столь решающего социально-лингвистического значения. Напомним, что В. В. Виноградов, считавший важной проблему «роли личности в формировании национально-литературных языков», специально подчеркивал: «Вопрос об индивидуальном творческом вкладе в формирование и развитие национальных литературных языков нуждается в дальнейших углубленных исследованиях»⁴².

V. Только продолжая исследования в намеченных направлениях, предполагающих комплексный подход к истории литературно-письменного языка, с учетом совокупности его функциональных и структурных характеристик⁴³, и систематически расширяя охват материала памятников средневековой письменности, возможно уточнить существующие представления о важных процессах, сопровождавших развитие средневеково-тюркских литературно-письменных языков, об основных тенденциях этого развития. В частности, в свете вышеизложенного дальнейшей конкретизации и раскрытия требует тезис Э. Н. Наджипа о том, что «языки почти всех тюркоязычных письменных памятников средневековья являются смешанными»⁴⁴: этот тезис несомненен именно для обширной области поэтических жанров, но, как это показал сопоставительный анализ прозаических и поэтических идиолектов Навои и Бабура, нуждается в тщательной проверке в отношении жанров прозаических. В принципиально справедливое положение Э. Н. Наджипа о том, что «... в XV в. при тимуридах в Средней Азии на основе этих двух литературных традиций (имеются в виду „традиция с уйгурской или, вернее, с уйгуро-карлукской основой” и „огузо-туркменская литературная традиция”. — Г. Б.) возникает и развивается, а при Навои достигает своего дальнейшего развития и расцвета качественно совершенно новый литературный язык (разрядка наша. — Г. Б.), который получил в свое время известность как

³⁹ Н. И. Ильминский. Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка. Казань, 1862, стр. 36.

⁴⁰ Роль Бабура в развитии литературно-письменного языка отмечается и С. А. Азимджановой, которая, правда, почему-то существенно ограничивает сферу лингвистического вклада Бабура лишь его «лучшими стихотворениями»: «В лучших своих стихотворениях Бабур проявил себя выдающимся мастером родного ему узбекского языка, для развития которого он немало сделал, следуя в этом отношении за своим старшим современником Алишером Навои» (С. А. Азимджанова. Предисловие к книге «Бабурнаме. Записки Бабура». Ташкент, 1958, стр. 7).

⁴¹ Во всяком случае, если исходить из определения нормы «как некоей совокупности тенденций, реализуемых то более, то менее отчетливо в разных литературных языках на отдельных этапах их существования» (Н. И. Семенов. Указ. раб., стр. 44), то собственно чагатайский тип склонения в прозаических идиолектах Навои и Бабура следует признать нормой.

⁴² В. В. Виноградов. Проблема литературных языков..., стр. 83, 91.

⁴³ О таком подходе см.: Н. Н. Семенов. К характеристике лингвистических различий разных жанров письменности. — «Вопросы языкознания», 1966, № 6, стр. 60—61.

⁴⁴ Э. Н. Наджип. Указ. раб., стр. 87.

чагатайский, а в наши дни как староузбекский...»⁴⁵, уже и теперь можно внести довольно существенное уточнение. Опираясь на две названные литературные традиции, достигают расцвета именно поэтические идиолекты Навои и Бабура, между тем как в их прозаических идиолектах, четко отграниченных от поэтических лингвистическими признаками всех уровней (фонетики, морфологии, лексики), в результате произошедшей в литературно-письменном языке смены языковых типов, безусловно, стал преобладать новый, собственно чагатайский языковой тип.

⁴⁵ Э. Н. Наджип. Указ. раб., стр. 89.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

А. М. АДЖНЕВ

КУМЫКСКИЙ «ЙЫР» О ДЖАВАТЕ И СКАЗАНИЕ О ДЕЛИ ДОМУЛЕ ИЗ «КИТАБИ ДЕДЕМ ҚОРКУТ»

«Книга моего деда Коркута»¹ — замечательный памятник средневекового тюркоязычного эпоса. Как известно, он представляет собою литературную обработку эпических сказаний IX—XV вв. Исследователи отмечают, что эпос о Коркуте тесно связан как с фольклором, так и с историей азербайджанцев, туркмен и турок. Отголоски этого эпоса прослеживаются в сказаниях других тюркских народов: казахов, узбеков, ногайцев. Ряд событий, описываемых в «Книге ...», в частности легенды, связанные с Коркутом, имеют непосредственное отношение к Кавказу, к южному Дагестану (речь идет о Дербенте, о войне с язычниками Дагестана и т. д.). Вот почему правомерно искать элементы этого эпоса и в Дагестане.

Первой и пока единственной попыткой исследования связей фольклора народов Дагестана, в частности кумыков, с «Книгой моего деда Коркута» остаются разыскания в этой области А. Салимурзаева². Несмотря на предварительность этих работ, доводы А. Салимурзаева убеждают в целесообразности проведения дальнейших исследований. В пользу этого говорит также кумыкская песня (*йыр*) о Джавате.

«Йыр о Джавате» записан нами на магнитофонную пленку во время фольклорной экспедиции 1970 года в южную Кумыкию (ДАССР, Каякентский р-н, сел. Башлыкент) от 42-летнего сказителя Шерипова Нухкади³. Песня исполнялась под собственный аккомпанемент сказителя на агачкумузе, наигрывавшего традиционную кумыкскую мелодию, под которую обычно исполняются и другие йыры.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что зачин «Йыра о Джавате» насыщен русской лексикой:

*Мажалис округу элинде,
Башлыгент участканы еринде
Жалалгентли Жават деген сен эдинг...*

‘На земле Мажалисского округа,
На территории Башлыкентского участка
Джават из Джалалкента⁴ — это был ты...’.

¹ «Книга моего деда Коркута». М.—Л., 1962. (В дальнейшем сокращенно: «Книга...»).

² А. Салимурзаев. Бырингыя тюрк эпос ва кьумукь фольклор. — Альманах «Дослукуь». Махачкала, 1974, № 2, стр. 107—120.

³ Текст песни хранится в рукописном фонде Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР, ф. 9, оп. 1, д. 373.

⁴ Мажалис, Башлыкент, Джалалкент — дагестанские аулы.

Русская лексика обильно вводится и в традиционную для тюркского эпоса формулу восхваления коня героя, с чего обычно начинается эпический йыр. Несомненно, введение русской лексики — результат позднейших наслоений, встречающихся и в ряде других песен кумыков.

*Заманда бир айгырынга мине эдинг,
Атны башын Мирзасувга бура эдинг,
Ергалатсанг, таш кталаны буза эдинг,
Чандырсанг, «пассажирден» оза эдинг.*

‘Порою ты седлал своего жеребца
И направлял его в сторону Мирза-су.
Если рысью пускал, то каменную крепость разрушал,
Если галопом пускал, то «пассажира» (т. е. поезд) обгонял’.

Роль реки Мирза-су (Мурза-сув) из кумыкского йыра неясна. По-видимому, разъяснение можно найти в сказании из «Книги...» об удаале Домруле: «Он (Домрул. — А. А.) построил мост через высохший ручей; кто переходил — с того брал тридцать три монеты; кто не переходил — того бил и брал с него сорок монет. Почему он так делал? Он говорил: „Есть ли человек удалее меня, сильнее меня, кто вышел бы на бой со мной? Слава о моем мужестве, моем богатырстве, моем молодечестве, моем джигитстве доходит до Рума и Шама”»⁵. В кумыкском йыре также подчеркивается, что Джават «очень полагался (рассчитывал) на свой кинжал».

Еще яснее эта связь обнаруживается в переходе ко второй части песни, подводящем слушателя к повествованию о подвигах героя:

*Гъали буса бир башгъасын кюйлейим:
Жават бийни игитлигин сёйлейим.
‘А теперь перейду на другое:
Расскажу о геройстве бия Джавата’.*

Аналогичные «формулы перехода» встречаются и в «Книге...», в зачине песни об удаале Домруле.

Далее в йыре сообщается, что отца Джавата звали Адугу. Это — убедительное свидетельство связи кумыкского йыра со сказанием из «Книги...»: отца Домрула звали Дука-Коджа (варианты: Диха-Коса, Дуһа-Қоға)⁶. Компонент *Коджа* в данном огузском эпосе приставляется ко многим именам и связан с утверждением религии ислама. Отсутствие этого компонента в кумыкском йыре вполне закономерно, ибо, как будет видно из последующего, йыр кумыков свободен от влияния ислама. *Адугу* и *Дука* (*Диха*, *Дуһа*) — варианты одного и того же имени, встречающегося у разных тюркских народов. Следует учитывать также и то, что йыр записан на диалекте, самом отдаленном от литературного кумыкского языка. Возможно, что в других районах Кумыкии имя отца героя произносилось ближе к *Дука* (*Диха*, *Дуһа*).

Весьма интересна такая строка йыра:

«Оберегал он душу дорогую своего Бахмуда».

В современном турецком фольклоре известны сказания о Домруле, в которых имя *Домрул* заменено более обычным *Махмуд*⁷, распространенным и у кумыков⁸. Исходя из кумыкской и турецкой версий сюжета,

⁵ «Книга...», стр. 59.

⁶ Там же, стр. 272 (примечание).

⁷ Там же, стр. 200.

⁸ Каякентские кумыки испытали большое влияние соседних даргинцев, у которых в именах звук *м* часто заменяется звуком *б* (*Махмуд* — *Бахмуд*, *Магомед* — *Багомед*, *Рамадан* — *Рабдан*).

можно предположить существование некоего «архетипа» произведения, в котором фигурировал второстепенный персонаж, носивший имя *Махмуд*. В кумыкском йыре он со временем выпал, а в турецком сказании «более обычное имя» *Махмуд* заменило имя *Домрул*⁹. Подобные явления в эпосе нередки.

В кумыкской песне имеются такие строки:

*Артда кгалды этген алай шанжалы,
Амузили ктылавланган хынжалы.
'Остался после него сделанный им стул,
(И) амузгинский¹⁰ точеный кинжал'.*

Здесь содержится намек на смерть Джавата. Умирает и Домрул, но благодаря своему мужеству и благородству он смог «выхлопотать» у всевышнего «дополнительных» 140 лет жизни. В кумыкском йыре этот мотив отсутствует. В нем, как и в огузском эпосе или в еще более древних домусульманских сказаниях, к которым восходит сюжет йыра, излагаются перипетии борьбы героя со смертью.

Кумыкская песня поражает необычайным пафосом этой борьбы со смертью, олицетворенной в образе Азраила:

*Жават батыр авруп ятган оьмеге —
Азирейил гирип гелген гёрмеге.
Жават батыр савутларын толтурган —
Азирейил Жават бийни башлыгында олтурган.
— Гелсене, Азирейил, гелсене!
Савутларым — къара сават хынжалым!
Етмеген чи гъали де мени ажжалым!
Жават батыр къол узатган савутлагъа тешикке —
Азирейил гёз къаратган эшикке.
Жават батыр тартып алган савутларын тешикден —
Азирейил къачып чыкган эшикден.*

*'Батыр Джават, заболев, лег умирать —
Азраил зашел на него посмотреть.
Батыр Джават зарядил свое ружье —
Азраил подсел к изголовью бия Джавата.
— Подходи же, Азраил, подходи!
Мое оружие — мой кинжал с черной насечкой¹¹.
Не настигла же еще меня моя смерть!
Батыр Джават протянул руку за оружием в нишу —
Азраил стал озираться на дверь.
Батыр Джават выхватил оружие из ниши —
Азраил обратился в бегство через дверь'.*

На этом кумыкский йыр кончается.

Обратимся к описанию того же эпизода в «Книге...»:

«... он обнажил свой черный меч, взял его в руку, чтобы ударить Азраила, произвел нападение: Азраил превратился в голубя, вылетел из окна, исчез»¹².

Совпадение очевидное. Однако в кумыкском йыре Азраил убегает через дверь, а в огузском эпосе он превращается в голубя и вылетает в окно. Кумыкский йыр, по-видимому, ближе к изначальному варианту, ибо эпизод превращения Азраила в голубя в «Книге...», как отмечает В. М. Жирмунский, является искажением первоначального текста¹³.

⁹ Кстати, замена несколько необычного имени *Домрул* естественным *Джават*, очевидно, произошла и у кумыков.

¹⁰ Амузги — дагестанский аул, известный искусными оружейниками.

¹¹ Примечательно, что меч Домрула тоже черный.

¹² «Книга...», стр. 60.

¹³ Там же, стр. 200.

Нельзя не поражаться тому, что замечательная кумыкская песня каким-то чудом сохранила свои первозданные особенности, бытуя в народе, около тысячелетия исповедовавшего ислам¹⁴.

О непосредственной связи кумыкского йыра с песней о Дели Домруле из «Книги...» свидетельствует целый комплекс признаков: сходство уникального сюжета, наличие общих имен героев (Адугу — Дука, Бахмуд — Махмуд), общий пафос произведения и т. д.

Следует отметить, что кумыкский йыр предельно лаконичен и передает как бы суть сюжета из сказания о Домруле. В кумыкском йыре отсутствует эпизод подвига жены героя, предлагающей в качестве выкупа за жизнь мужа свою собственную, хотя сходные по сюжету притчи и бытуют у кумыков. Трудно сказать определенно, представляет ли собою кумыкский йыр некий «архетип» песни, впоследствии осложненной и вошедшей в эпос о Коркуте, или же, наоборот, это сохранившаяся часть некогда большого, но полузабытого эпоса, вариант которого зафиксирован в «Книге...». Мы склонны все же считать, что наша запись не является полной и не охватывает весь «Йыр о Джавате». Текст песни со временем, по-видимому, сократился. Подобный процесс вытеснения героического эпоса и эпических йыров малыми формами можно наблюдать на множестве других примеров. Тем не менее кумыкская песня лично нам представляется наиболее близким вариантом того архаического сюжета, который в измененном виде позднее вошел в «Книгу моего деда Коркута». В пользу такого предположения говорят нижеследующие доводы.

1. В отличие от сказания о Домруле кумыкский йыр свободен от влияния ислама (за исключением образа ангела смерти — Азраила). Как известно, сам сюжет о борьбе со смертью восходит к домусульманским временам¹⁵.

2. Вовлечение в эпический цикл фольклорного текста, как правило, связано с внесением в этот текст авторских изменений. Факт литературной обработки фольклорных текстов в «Книге моего деда Коркута» не вызывает сомнений. Вполне вероятно их сознательное осложнение или упрощение с привнесением ярко выраженной происламской авторской ориентации.

3. Исследователи отмечали, что пятое и шестое сказания «Книги...», следовательно, и песнь о Домруле, являются обособленными, не связанными с остальными сказаниями эпоса. Так, академик В. В. Бартольд писал: «...отличие 5-го и 6-го рассказов от всех других в том, что только в этих двух рассказах совершенно нет ни главы огузов „хана ханов“ Байюндур-хана, ни главного богатыря Салор-Казана, ни других действующих лиц остальных рассказов»¹⁶. На это обстоятельство обращает внимание и Х. Г. Кер-Оглы¹⁷. Поэтому логичен вывод о том, что эти два рассказа в «Книге...» «более позднего происхождения и сложились после переселения огузов в Закавказье и Малую Азию»¹⁸.

¹⁴ Отпадение в турецких сказаниях о Домруле части, повествующей о борьбе героя с Азраилом, вполне обоснованно объясняется влиянием ислама (см.: «Книга...», стр. 200).

¹⁵ Вряд ли случайно упоминание в «Йыре о Джавате» *Баилыкента (Баршлы)* — одного из древнейших аулов Дагестана, название которого связывают с проживавшим здесь древнетюркским племенем барсилов (См.: С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 37). Интересно, что этот топоним созвучен с названием среднеазиатского города *Барчынлыкент (Барчикент, Барчинкент)* и реки *Баршин-Дарья*, связываемых с легендарной девой Барчин из эпоса о Коркуте.

¹⁶ В. В. Бартольд. Сочинения, т. V. М., 1968, стр. 475.

¹⁷ Х. Кер-Оглы. Туркменская литература. М., 1972, стр. 38.

¹⁸ «Книга...», стр. 190.

Анализ кумыкского «Йыра о Джавате» свидетельствует о том, что историко-географические и этнические границы фольклорно-эпической традиции, на основе которой создана «Книга...», следует расширить, включив в них и Дагестан.

На основе сюжетных мотивов сказания о Дели Домруле, возводимых к греческому эпосу о борьбе Дигениса Акрита с Хароном (Дигенис по матери происходит из рода *Дука*; отец Домрула — *Дука-Коджа*) и других, некоторые ученые делают вывод о проявлении в «Песне о Дели Домруле»¹⁹ греческого влияния. Подобное предположение вполне закономерно хотя бы потому, что и в других памятниках кумыкского фольклора прослеживаются связи с греческими сказаниями²⁰. Однако популярность в кумыкском фольклоре сюжета о борьбе героя с ангелом смерти, ставшего «общим местом» кумыкских йыров²¹, а также сам «Йыр о Джавате» позволяют предположить, что Дагестан и, в частности, Кумыкия сыграли определенную роль в создании исследуемого сюжета, вошедшего в «Книгу моего деда Коркута».

¹⁹ «Книга...», стр. 190—200.

²⁰ А. М. Аджиев. Народная эпическая поэзия кумыков. Канд. дисс. Махачкала, 1972, стр. 78—88.

²¹ А. М. Аджиев. Кумыкская внеобрядовая лирика. Рукопись. Хранится в рукописном фонде ИИЯЛ Дагестанского филиала Академии наук СССР, ф. 8, оп. 1, л. 54—64.

ОНОМАСТИКА

Г. А. ГЕЙБУЛЛАЕВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ ГОРОДА «ЧОЛ» В КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Известно, что в первые века нашей эры в северо-восточной Албании, на территории, расположенной между нынешней горой Бармак¹ и Дербентом, существовало Маскутское княжество² с городом *Чол*³, название которого зафиксировано источниками⁴ в различных вариантах — *Чор*⁵, *Чог*⁶, *Тсуг*⁷ и *Сул*⁸.

Однако исконная форма этого топонима *Çol*, а варианты *Çor*, *Тсуг* с окончаниями *г* возникли в результате перехода сонорного *l* в *г*⁹. Это подтверждается также арабской формой данного названия — *Sul*¹⁰. Албанский историк, как было отмечено выше, также писал *Чог*, иначе *Чол*¹¹. Так зафиксирован этот топоним и в армянской версии труда Агафангела¹². Даргинцы и в наше время развалины этого города называют *Чулли*¹³.

В источниках нет никаких сведений относительно языковой принадлежности указанного топонима. И. Маркварт этот топоним отнес к иранским¹⁴. К. В. Тревер писала, что в этом названии можно видеть армянское *чол*, *чор* — ущелье¹⁵. Так же объяснил этимологию этого топонима и А. Р. Шихсаидов: *Чор* «по-армянски означает ущелье»¹⁶. По мнению А. П. Новосельцева, этот топоним восходит к ягнобскому языку Памира, в котором *чор* (*çor*) означает «узкое ущелье»¹⁷. Наконец, недавно В. Г. Котович также пытался его происхождение объяснить на почве иранских и кавказских языков¹⁸. Все эти объяснения, как нам кажется, односторонни и малоубедительны. Для определения языковой и этнической принадлежности албанского топонима *Чол* следует учесть сведения о тюркоязычном народе *чол*, жившем в это же время в Восточном Прикаспии.

И. Маркварт упоминал о существовании тюркского народа или племени *чол*¹⁹. В. В. Бартольд писал: «По-видимому, огузы частично остались в Монголии под властью уйгуров и постепенно растворились среди последних, частично же переселились на запад и на юг. К этим последним относится происходившее от западных тюрков племя *чоль*»²⁰. Видимо, переселившись на запад, эти *чолы* первоначально расположились в Приаралье, ибо известно, что в 50-е годы IV века тюркоязычные *чолы* (или часть их) из Приаралья продвинулись в Прикаспий²¹, и область в Восточном Прикаспии, где они осели, стала называться *Чор*, *Чол* (*Чул*), *Сул*²².

Н. В. Пигулевская отмечала, что встречающееся в одних источниках название *Чол*, а в других *Чор* или *Сул* в Прикаспийской области означает одно и то же, что во второй половине V века резиденция хагана чолов

«сулов») находилась на полуострове Балхана в зоне расположения современного Краснодарска²³. Чолы беспокоили шахов сасанидского Ирана своими набегами, и поэтому Ездегерд I (399—420) для защиты от них своего государства построил пограничную крепость в Хорасане²⁴. Известно, что Ездегерд II (439—456) в 442—449 годах предпринял ряд походов в Восточный Прикаспий против чулов, бывших в то время в союзе с кушанами²⁵. Хосров I также направлял свои войска в Прикаспий, населенный чолами²⁶. Там было убито и уведено в плен множество людей из народа по имени *сул*²⁷. Впоследствии чолы создали в Прикаспии сильное государство, просуществовавшее вплоть до арабского завоевания²⁸.

В VIII веке в этой области источниками отмечено село *Сур*, население которого говорило на языке тюркского типа²⁹.

Таким образом, этноним *чол* (*чул*), *чор*, *сул*, встречающийся в Восточном Прикаспии, является тюркским по происхождению. Обращает на себя внимание тождественность названий албанского города *Чор*, *Чол*, *Сул* и тюркской племенной общности в Восточном Прикаспии — *чор*, *чол*, *сул*, причем в обоих случаях в источниках употребляется выражение «народ *сул*», «племя *чол* (*чул*)», «провинция *чор*». Все это позволяет сделать вывод, что название албанского города *Чол*, *Чор*, *Сул* имеет общее происхождение с этнонимом *чор*, *чол*, *сул*, распространенным на восточном берегу Каспия, и топоним *Чол* в Албании отражает название жившей среди маскутов тюркской племенной общности *чол*. Можно предположить, что, двигаясь с Приаралья (см. выше), часть чолов в составе ираноязычных маскутов проникла в северо-восточную Албанию³⁰, а другая — осела в Восточном Прикаспии.

Ат-Табари (IX в.); сообщая о разделе сасанидом Ануширваном своей империи на четыре провинции, упоминает, что по соседству с Азербайджаном находится страна хазар, занятая народом, называемым *сул*³¹. Эти *сулы* (*чулы*), безусловно, относятся к албанским *чолам*, так как ат-Табари упоминает одновременно с ними аланов, обосновавшихся к тому времени на Северном Кавказе. В сообщении Якута Хамави читаем о Суле: «город в стране хазар в одном из близких к Дербенду районов»³². Следовательно, топоним *Чол* (*Чул*) в Албании тюркского происхождения и восходит к названию племенной общности *чол*. Это подтверждается рядом данных о тюркоязычных гуннах Албании в начале нашей эры.

Как известно, массагеты (маскуты) относились по языку к иранской племенной общности. Однако весьма вероятно, что среди них были и тюркоязычные племена, потому что еще во II—I веках до нашей эры в степи, простирающиеся к северу от областей Средней Азии, хлынули гунны и часть их смешалась с сако-массагетскими племенами³³.

Фавст Бузанд, описывая события 315—390 гг., рассказывает, что Григорис пришел в царство маскутов, представился царю гуннов и был убит ими на гуннской земле³⁴. По сообщениям Бузанда, маскутский царь с помощью гуннов создал царство и назвал себя царем гуннов. Он же указывает, что в походе маскутского царя в Армению участвовали и гунны³⁵. Эти сведения о проникновении гуннов в первые века нашей эры на Северный Кавказ и в Дагестан³⁶ подтверждаются и другими авторами. Еще Дионисий Периегет (II век) писал, что рядом с каспиями и албанами живут гунны³⁷. У Египта встречается название: «врата *нонов*», И. А. Орбели³⁸ и С. Т. Еремян³⁹ полагают, что в данном случае имеется в виду *Чол*.

Эти факты, как нам кажется, не оставляют сомнения относительно происхождения албанского топонима *Чол* от тюркского этнонима *чол*. Этноним *чол* (*чул*) с добавлением к нему аффикса принадлежности в

¹⁴ J. Marquart. *Ergänzhft nach der Geographie des Ps. Moses Xorenasi*. Berlin, 1901, стр. 101.

¹⁵ К. В. Тревер. Указ. раб., стр. 276.

¹⁶ А. Р. Шихсаидов. Указ. раб., стр. 30.

¹⁷ А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма. М., 1972, стр. 39, сноска 50.

¹⁸ См.: В. Г. Котович. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу. — «Древности Дагестана». Махачкала, 1974. Автор не привел веских аргументов в пользу этого мнения и вынужден был довольствоваться перечислением внешне сходных односложных слов из разных языков. Так, например, он приводит персидское слово *джер* 'щель, расщелина, трещина в земле' (см.: И. Д. Ягелло. Полный персидско-арабско-русский словарь. Ташкент, 1910, стр. 460), или азербайджанский топоним «Джар» в Закатальском районе (это слово является тюркским со значением «ущелье, свесная скала» и т. д. — См.: В. В. Радлов. Указ. словарь, т. II, ч. I, стр. 99; т. IV, ч. I, стр. 250. Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1871, т. II, стр. 323, 426), или дагестанское *хюр, кур* 'вода, река' (см.: «Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков». М., 1971, стр. 191), которые ничего общего с топонимом *Чол* не имеют.

¹⁹ И. Маркварт. Указ. раб., стр. 51, 73.

²⁰ В. В. Бартольд. Сочинения, т. V. М., 1968, стр. 580.

²¹ М. М. Дьяконов, А. М. Мандельштам. Средняя Азия в III—V вв. — «Очерки истории СССР», III—IX вв., стр. 340.

²² М. Е. Массон. Распространение местных находок чекана династии сасанидов на территории советских республик Средней Азии. — «История Иранского государства и культуры». М., 1971, стр. 220.

²³ Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 44—45.

²⁴ И. Маркварт. Указ. раб., стр. 51; А. И. Колесников. Иран в начале VII века. Л., 1970, стр. 98.

²⁵ М. М. Дьяконов, А. М. Мандельштам. Указ. раб., стр. 346.

²⁶ А. М. Мандельштам. Средняя Азия в VI—VII вв. — «Очерки истории СССР», стр. 354; А. И. Колесников. Указ. раб., стр. 97.

²⁷ Ат-Табари, II, стр. 91—92.

²⁸ Ата Джикиев. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад, 1961, стр. 12.

²⁹ Там же, стр. 13.

³⁰ Этноним *маскут* в форме *мушкур* сохранился в названии равнины в северо-восточном Азербайджане. В последний раз форма *маскут* встречается в дорожных записках Антония Дженкинсона (XVI в.). («Путешественники об Азербайджане», т. I. Баку, 1961, стр. 132). В начале XVII в. уже Адам Олеарий употребляет форму *мушкур* (там же, стр. 258).

³¹ Ат-Табари, I, стр. 896.

³² «Jacut's geographisches Wörterbuch.» hrsg. von V. F. Wüstenfeld, Bd. III, стр. 435.

³³ «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I. М., 1962, стр. 54; О смешении сако-массагетских племен с хлынувшими в Приаральские степи с востока гуннами (II в. до н. э. — IV в. н. э.) см.: «Очерки истории Каракалпакской АССР», т. I. Ташкент, 1964, стр. 93. У Прокопия читаем: «... из народа массагетов, который называется гуннами» (См.: Н. В. Тревер. Указ. раб., стр. 193).

³⁴ «История Армении Фавстоса Бузанда», стр. 13—14.

³⁵ Там же.

³⁶ См.: Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 52; Н. Я. Мерперт. Гунны в Восточной Европе. — «Очерки истории СССР», III—IX вв., М., 1958.

³⁷ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. I, вып. I. СПб., 1893, стр. 186.

³⁸ См.: Египше. Указ. раб., стр. 183.

³⁹ С. Т. Еремян. Политическая история Албании III—VII вв. — «Очерки истории СССР», стр. 315—316.

⁴⁰ До революции на Кавказе существовало пять топонимов *Чуллу* (Д. Д. Пагурев. Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края. Тифлис, 1913, стр. 288). В современном Азербайджане имеется три топонима *Чуллу*.

⁴¹ Зия Бунятов. Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965, стр. 51.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

П. И. КУЗНЕЦОВ

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ «И+Г³» И «И+Г⁰» В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

(НА ПРИМЕРЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ)

Предварительно уточним условные сокращения, заимствованные нами (с незначительными дополнениями) из монографии А. Н. Баскакова¹.

- И** — имя (существительное; при необходимости — местоимение),
 - И^{оп}** — имя в основном падеже,
 - И^{рп}** — имя в родительном падеже,
 - И³** — имя с аффиксом принадлежности (3-го лица),
 - Г** — глагол (формы типа -gan, -duk, -ug (-ar) и им подобные),
 - Г⁰** — глагольная форма без аффикса принадлежности,
 - Г³** — глагольная форма с аффиксом принадлежности (3-го лица),
 - Пс** — послелог,
 - +** — знак связи двух членов модели²,
 - — «переходит в...», «превращается в...»,
 - Г** — численно преобладающая
 - Г** — численно ущемленная
- } глагольная форма (или модель).

Имя и глагол в сочетании дают одну из трех возможных конструкций (моделей):

Модель первая: И^{рп}+Г³, пример: a-puη bil-gen-i.

Модель вторая: И^{оп}+Г³, пример: ol bil-gen-i.

Модель третья: И^{оп}+Г⁰, пример: ol bil-gen.

Приведем пример использования первой и третьей моделей:

Apuη bilgenini sizler bilmessizler 'Вы не знаете того, что знает он';
Ol bilgenini sizler bilmessizler (перевод тот же).

Модели первая и вторая могут в отдельных случаях рассматриваться как две разновидности одной конструкции. С другой стороны, доминантным членом каждой модели является глагол; имя (или местоимение) может быть в определенном контексте опущено. Сказанное демонстрирует следующая схема:

В данной рубрике публикуются материалы VII Тюркологической конференции в Ленинграде (июнь 1975), которой был целиком посвящен предыдущий, 5-й номер журнала. (Прим. редакции).

¹ А. Н. Баскаков. Словосочетания в современном турецком языке. М., 1974, стр. 177.

² У А. Н. Баскакова это — «знак связи определения и определяемого» (См.: А. Н. Баскаков. Указ. раб., стр. 178); учитывая имеющиеся по этому вопросу разногласия (о чем см. ниже), мы предпочитаем оперировать «нейтральными» терминами: *член модели* (или *конструкции*).

№	модель	обобщенная модель	возможные опущения (в скобках)	доминантный член модели
1	Ирп+Г ³	} И+Г ³	(И+)Г ³	Г ³
2	Иоп+Г ³			
3	Иоп+Г ⁰	И+Г ⁰	(И+)Г ⁰	Г ⁰

Трактовке названных конструкций был посвящен ряд публикаций тюркологов. Перечислим основные точки зрения.

Многие исследователи считают все упомянутые построения словосочетаниями, развернутыми членами простого предложения³.

Другая группа ученых, во главе с А. Н. Кононовым, причисляет к безусловным словосочетаниям лишь первые два построения — синтетического типа (*ануң билгені* и *ол билгені*), а третью, «аналитическую» конструкцию в некоторых случаях оценивает как придаточное предложение, ср.: *Atasy barıyan jarkä bagdy* 'Он пошел в [то] место, куда ушел его отец'⁴.

Еще одна представительная группа тюркологов называет придаточными предложениями (или, по крайней мере, квазипредложениями — термин, недавно возрожденный к жизни)⁵ все построения с основным падежом субъекта (в частности, *ол билгені*).

Наконец, есть ученые, относящие все перечисленные выше конструкции к придаточным предложениям (нами они были названы «придаточными предложениями тюркского типа»⁶).

Позиция сторонников третьей и четвертой точек зрения на анализируемые конструкции уязвима в одном пункте: обороты *ол билгені* и *ануң билгені* не могут быть выделены из состава предложения и функционировать самостоятельно (в качестве простого предложения). Между тем наличие такой возможности, при всех необходимых оговорках⁷, является одним из важных признаков сложного предложения. Если форма сказуемого главной части предложения не имеет ничего общего с формой сказуемого придаточного предложения, то критерии для выделения последнего становятся слишком шаткими и «произвольными». И поскольку для унификации взглядов необходимо, чтобы одна из сторон согласилась пойти на известные «уступки», то признаем, что две выше названные конструкции являются не придаточными предложениями, а развернутыми членами простого предложения. Впрочем, термин «простое предложение» употреблен здесь условно. Это предложение предвзятительно следовало бы назвать скорее *осложненным*.

Мы говорим «предварительно» потому, что вопрос о том, какая из двух конструкций — И+Г³ или И+Г⁰ — более древняя, остается пока

³ См., например: А. Н. Баскаков. Указ. раб., стр. 4 и сл.

⁴ А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази хана хивинского. М.—Л., 1958, стр. 162—163.

⁵ С. А. Соколов. Типология сложных синтаксических конструкций в турецком языке. — В сб.: «Вопросы тюркской филологии». М., 1966, стр. 155 и сл.

⁶ П. И. Кузнецов. Происхождение прошедшего времени на -ды и имен действия в тюркских языках. — В сб.: «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика». М., 1960, стр. 71.

⁷ См.: С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на -ган и ее производные). Л., 1959, стр. 87 и др.

открытым; между тем использование тех или иных терминов находится в зависимости от его решения.

Предположим, что изначально является модель $И^{рп}+Г^3$. В этом случае предложение, в состав которого входит оборот типа **teṅriñ jarlykaduku(n) ücün* 'по милости неба (ввиду приказа неба)', а также тот же оборот с отпавшим родительным падежом ($И^{оп}+Г^3$), зафиксированный в орхоно-енисейских памятниках (КТМ, 9), следует назвать осложненным. Что же касается третьего этапа развития — $И^{оп}+Г^0$ (*teṅri jarlykaduk ücün*), также зафиксированного в рунических текстах (КТБ, 15 и др.), то он может трактоваться двояко. Если форма на *-duk* выступала в конечной позиции (подобные примеры находим в «Словаре» Махмуда Кашгари), иначе говоря, если на каком-то этапе было возможно построение типа **teṅri jarlykaduk ücün men қаған олуртук* 'так как небо приказало, я сел каганом', то в *teṅri jarlykaduk (ücün)* следует видеть уже не развернутый оборот, а придаточное предложение, сказуемое которого идентично (по форме) сказуемому главного предложения. Если же такое построение было невозможно и обязательна была согласуемая форма сказуемого главного предложения (*teṅri jarlykaduk ücün қаған олуртум*), то в *teṅri jarlykaduk ücün* приходится усматривать опять-таки развернутый оборот осложненного предложения.

Предположим теперь, что изначально является модель $И^{оп}+Г^0$. Тогда этапы развития сложного единства рисуются в следующем виде: 1) **Teṅri jarlykaduk. Men қаған олуртук* 'Небо приказало, [и] я сел каганом' — группа простых предложений; 2) **Teṅri jarlykaduk ücün men қаған олуртук* 'Поскольку небо приказало, я сел каганом' — сложное предложение с придаточным причины; 3) *Teṅri jarlykaduk ücün (men) қаған олуртум* — в связи с появлением согласования между главными членами главной части предложения конструкция *teṅri jarlykaduk ücün* начинает постепенно «не удовлетворять» требованиям, предъявляемым к придаточным предложениям; 4) *Teṅri jarlykaduku(n) ücün қаған олуртум* — в зависимой конструкции также появилось согласование между субъектом и предикатом, однако форма этого согласования отлична от той, которая зафиксирована в главном предложении. Ввиду этого конструкция типа *teṅri jarlykaduku(n) ücün* уже не может быть названа придаточным предложением; в то же время предложение, в состав которого входит эта конструкция, является одним из дальнейших этапов развития сложного предложения (см. п. 2), и поэтому здесь неприемлем ни термин «простое предложение», ни термин «осложненное предложение». По-видимому, следует избрать термин *сверхосложненное (суперосложненное) предложение*, что должно означать: предложение, в котором придаточная часть превратилась в оборот, поскольку его предикат утратил форму, присущую сказуемому главной части предложения, хотя связь между главными элементами этого оборота продолжает оставаться предикативной.

Итак, мы видим, что при гипотезе $И^{рп}+Г^3 \rightarrow И^{оп}+Г^0$ достаточными являются термины: 1) «осложненное предложение» и 2) «сложное (сложноподчиненное) предложение» (в некоторых вариантах); при гипотезе же $И+Г^0 \rightarrow И+Г^3$ термин «осложненное предложение» отпадает, и остаются термины: 1) «сложное (сложноподчиненное) предложение» и 2) «суперосложненное (сверхосложненное) предложение» (на завершающем этапе).

Можно ли, однако, найти какое-то решающее доказательство правильности той или другой гипотезы? Пока это представляется сомнительным, поскольку известным древнейшим памятникам тюркской письменности все же недостает «древности». (Возможно, такое доказатель-

ство будет найдено в рамках урало-алтайской теории, хотя и это столь же проблематично). В сложившихся условиях не остается ничего иного, кроме дальнейшего накопления фактического материала. Однако «иллюстративный» метод анализа во многом уже исчерпал себя. Сейчас мы в основных чертах представляем себе «что», «где» и «когда» было. Но, как правило, не знаем точно, «сколько» было, «как часто» было. Между тем этот пункт может играть существенную роль. Вот почему хочется надеяться, что определенные результаты даст статистический метод исследования. Возможно, именно этот метод позволит когда-нибудь приблизиться к решению некоторых спорных вопросов грамматики тюркских языков.

В связи с этим нами было обследовано — в указанном направлении — несколько памятников тюркской письменности, в том числе — основные памятники орхон-енисейского периода⁸ (главным образом — по работам С. Е. Малова), а также сочинение второй половины XVII века «Родословная туркмен» — по работе А. Н. Кононова (Подсчеты производились по списку, который был положен в основу при составлении сводного критического текста⁹).

Попутно отметим, что нас мало интересовала проблема «преемственности» языка тех или иных памятников тюркоязычной письменности, тем более что эта преемственность весьма трудно доказуема. Нами учитывался только тип модели и время написания соответствующего текста, поскольку необходимо было проследить общую «линию развития», а возможность изначального существования в одних тюркских языках структурного типа И+Г⁰ (без аффиксов принадлежности), а в других — И+Г³ (с аффиксами принадлежности) нами в принципе отвергается. Однако полностью исключить эту возможность все же нельзя, так как может оказаться, что некоторые кажущиеся однотипными формы употреблялись первоначально в разных синтаксических позициях и, следовательно, не могут считаться абсолютно идентичными по своим функциям. Тем не менее на данном этапе мы не видим препятствий к сопоставлению оборотов с разными, но сходнофункциональными формами.

Приходится считать также и со следующим моментом, существенно затрудняющим анализ.

Примем, например, допущение, что развитие началось с модели И+Г⁰. В каких-то более поздних памятниках обнаруживается, что доминирует модель с аффиксами принадлежности (И+Г³). Естественно предположить, что между этими двумя крайними отметками простирается «полоса» времени, когда использовались (в различных, конечно, пропорциях) обе модели. Если затем допустить, что через какой-то определенный (пусть значительный) отрезок времени модель И+Г⁰ в анализируемых текстах опять начала явно преобладать, то это явление может быть объяснено двояко: либо здесь можно зафиксировать развитие «вспять», то есть возвращение к исходному («нулевому») типу:

(процесс типа «крыша»), либо переход Г⁰ → Г³ осуществил-

ся лишь частично, то есть охватил не все языки и диалекты II (или) не все возможные формы I (или) не все ожидаемые случаи, иначе говоря,

⁸ Датированные, согласно новым исследованиям, VIII—IX веками (см.: И. В. Кормушин. К основным понятиям тюркской рунической палеографии. — «Советская тюркология», 1975, № 2, стр. 25 и сл.).

⁹ См.: А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 26.

и 2) (более вероятный, учитывающий «относительность» языковых процессов) * $\Gamma^0 \begin{matrix} \nearrow \Gamma^3 \\ \dashrightarrow \Gamma^0 \\ \dashrightarrow \Gamma^0 \end{matrix}$, то есть для «Родословной туркмен»:

* $\Gamma^0 \begin{matrix} \nearrow \Gamma^3 \\ \dashrightarrow \Gamma^0 \\ \dashrightarrow \Gamma^0 \end{matrix}$, для узбекского языка — * $\Gamma^0 \begin{matrix} \dashrightarrow \Gamma^3 \\ \dashrightarrow \Gamma^0 \\ \dashrightarrow \Gamma^0 \end{matrix}$.

Обратимся к форме на -duk. В орхоно-енисейских памятниках преобладает модель (И+)Г⁰. По этой модели построено пять предложений из шести, например: (...barduγ) barduk jirde — КТб, 24 '(ты ходил...) в [той] стране, куда [ты] ходил...'. В шестом примере можно усмотреть модель И^{оп}+Г³: Qaγanum ben özüm bilge Toγuquq ötüntük ötüncümin esidü bertü — Тон, 15 'Мой каган выслушал (мою) просьбу, которую изложил (букв. просил) я сам, мудрый Тонгукук'. [Это, по-видимому, та же конструкция, что и названная несколько выше (barçanuγ baraturγan jurtu), но вместо родительного падежа здесь стоит основной].

Если теперь учесть, что, например, в современном турецком языке все 100% случаев употребления «определятельного -duk» относятся к типу И+Г³, то, судя по всему, процесс Г⁰ / Г³ прослеживается совершенно явственно, тем более что взяты чуть ли не крайние «точки» этого процесса.

Предположим теперь, что на начальном этапе была представлена модель И+Г³. В таком случае остается еще один вариант развития этой

конструкции: * $\Gamma^3 \begin{matrix} \dashrightarrow \Gamma^3 \\ \dashrightarrow \Gamma^0 \\ \dashrightarrow \Gamma^3 \end{matrix}$.

Итак, как мы видим, статистические данные, полученные в результате изучения определятельных конструкций по нескольким памятникам тюркской письменности, пока не позволяют сделать никаких выводов об исторически доминантной роли одной из двух «главных» моделей (И+Г⁰ и И+Г³). Полагаем, что это вполне естественно, ибо, только проанализировав значительное количество памятников, можно рассчитывать получить объективный и однозначный ответ на поставленный выше вопрос.

В заключение приведем таблицу, демонстрирующую употребление определятельных конструкций в названных памятниках и перечислим все зафиксированные нами случаи их употребления.

название памятника	форма	конструкций всего	И+Г ⁰				И+Г ³				
			форма субъекта			в % к общему числу	форма субъекта				в % к общему числу
			Иоп	?	итого		Иог	Ирп	?	итого	
орхоно-енисейские	-дук	6	1 ¹	4 ²¹	5	83	1 ³	0	0	1	17
«Родословная туркмен»	-ган	46	12 ⁴	5 ⁵	17	37	—	13 ⁶	16 ⁷	29	63
	-ыр	4	1 ⁸	0	1	25	1 ⁹	—	2 ¹⁰	3	75

Примечание к таблице:

Знак «---» указывает на то, что данная форма субъекта не обнаружена, но, возможно, имплицитно присутствует среди невыявленных («?») форм.

1. БХ Хв 11 (См.: П. И. Кузнецов. Форма на *-дык* и придаточные предложения тюркского типа. — «Иностранные языки». Сб. статей № 1. М., 1965, стр. 116).

2. КТб 6, 24, Тон 16, МЧ 46.

3. Тон 15.

4. 85, 102, 104, 190, 388, 497, 624, 672, 881, 1014, 1349, 1424.

5. 88, 433, 499, 500, 1226.

6. 39, 51, 162, 229, 456, 473 (И^{рп}+Г³+И⁰), 812, 950, 974, 977, 1082, 1194, 1225.

7. 3, 12, 171, 203, 219, 277, 363, 370, 383, 415, 441, 819, 950, 1070, 1191, 1392.

8. 426.

9. 988.

10. 94, 1393.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

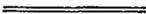
БХ — памятник Бильге (Могилян)-хану.

КТб — большой текст памятника Кюль-Тегину.

КТм — малый текст памятника Кюль-Тегину.

МЧ — памятник Моюн-Чуру.

Тон — памятник в честь Тонгукука (Тоньюкука).

Л. В. ДМИТРИЕВА

ОБЩЕАЛТАЙСКИЕ НАЗВАНИЯ И ОСНОВЫ В ТЮРКСКОЙ ФИТОНИМИКЕ

Установление общеалтайских названий и основ, от которых образовались наименования растений в наиболее распространенных и древних пластах тюркской фитонимики, очень сложно в связи с отсутствием соответствующих корневых и этимологических словарей, сравнительно-исторических грамматик с необходимым анализом словообразовательных формантов по всем группам алтайских языков.

В данной статье делается попытка установить такие названия и основы, используя для этого все виды основных материалов как по алтайским, так и соседним языкам ностратической общности. Прямых совпадений названий по всем группам алтайских языков почти нет. Связь прослеживается лишь на уровне основ, причем опосредованно и в немногих примерах, чаще всего между двумя группами алтайских языков.

Среди общих обозначений деревьев и кустарников можно было бы отметить названия березы, ивы (вербы — ветлы — тальника), черемухи; травянистых растений — гороха; злаков — проса, пшеницы; частей растений — листа, плода (фрукта), цветка. В ряду этих наименований встречаются иногда кажущиеся, чисто внешние совпадения. Названия березы, пшеницы уже рассматривались нами¹. Ниже остановимся на наименованиях *ивы, черемухи, проса, плода*.

Ива. Тюрк. *sögüt* в различных тюркских языках обозначает иву и ее разновидности — вербу, ветлу, тальник, а в древнетюркском — иву, дерево вообще. М. Рясänen соотносит тюрк. *sögüt* с эвенк. *sekta*, эвен. *hēt||sāt* 'ива', хант. *saγät*, манс. *s'aŋlə*, венг. *csigolya* вид. ивы². Д. Синор также отмечает для хант. *saγät||saxät||saxte (pai)* 'ива' тунгусо-маньчжурские параллели: эвенк. *sekta||xekta||šekta*, эвен. *xet*, нег. *sekta*, ороч. *siakta*, уд. *sakta id.*, вычленяя тунгусо-маньчжурский корень **svk* и аффикс *-la*. Хантыйские формы он считает вероятным тунгусо-маньчжуризмом³.

¹ См. о пшенице: Л. В. Дмитриева. К этимологии некоторых названий растений в тюркских языках (названия с корнем **боб-* ~ **боқ-*). — «Советская тюркология», 1973, № 6, стр. 41—43; о березе: Л. В. Дмитриева. *Қайың* 'береза' в этимологических словарях тюркских языков (находится в печати).

² М. Räsänen. Versuch eines Etymologischen Wörterbuch der Türk Sprachen. Helsinki, 1969, стр. 429 (далее — Räs. EW).

³ D. Sinor. Uralo-Tunguz Lexical Correspondences. — В сб.: «Researches in Altaic Languages. Papers read at the 14 th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference Held in Szeged, August 22—28, 1971». Edited by L. Ligeti. Budapest, 1975, № 26, стр. 256.

Эвенская форма *xel* 'ива' с известным аффиксом собирательного значения — *-t*, который обычно встречается в эвенских названиях растений (в других тунгусо-маньчжурских языках ему соответствует аффикс *-kta* с тем же значением и употреблением), позволяет выделить основу *xe-*. Ей (при выделении аффикса *-kta*) соответствуют эвенк. *se-||xe-||še-*, нгг. *se-*, ороч. *sia-*, уд. *sa-*. В тунгусо-маньчжурских языках есть глагол того же фонетического оформления со значением «жевать, есть». Можно полагать, что в этих языках «ива» = «собрание, совокупность того, что жуют, едят (животные)». Известно, и это отмечается тунгусо-маньчжурскими народами, что лоси любят жевать иву.

Однако в тюрк. *sögüt* основа с подобным значением не прослеживается. Мы предположительно выделяем *sök-* 'наклоняться, склоняться' и аффикс *-üt*, образующий в современных тюркских языках отглагольные имена абстрактного значения⁴, но в древности, возможно, этот аффикс обозначал собирательную множественность⁵, правда, в отыменных образованиях.

В монгольских языках ива — ветла — тальник обозначается следующей лексемой: п.-монг. *uda*, монг. *yд*, калм. *udn*, и, следовательно, не восходит к монгольскому глаголу *sök-||söked-* 'наклоняться, склоняться'. Як. *ÿöt* 'ива (*верба — ветла — тальник)' относится к тюрк. *sögüt id.*, а не к п.-монг. *uda*, так как исконное тюркское **s-* > як. *ø-*. То есть п.-монг. *uda* может быть обосновано, видимо, как древний якутизм или не связанное с тюркскими формами наименование.

Русское *ива* соотносят с другими славянскими языками, а также лит. *ieva*, латыш. *iēva* 'черемуха', кельт. **ivos*, ирл. *eo*, др.-в.-н. *iwa* 'тисс'⁶. С другой стороны, русск. *ветвь* возводят к *вѣтъ* 'ветвь' и 'ива', считая первичным значением *вѣтъ* 'выющееся дерево' «с дальнейшей специализацией, откуда 'ива', и сужением последнего, откуда 'ветвь'. В др.-русск. языке *вѣтъ*, очевидно, еще сохраняет значение 'ива', о чем говорит вост.-слав. слово *ветла*⁷.

Хант. *saxte* фонетически близко тунгусо-маньчжурским (эвенкийским) формам, а хант. *sayät||saxät* — тюркским. Возможно, они являются заимствованием из двух языковых групп — тюркской и тунгусо-маньчжурской. Сближение же М. Рясненем этих групп, в частности тюрк. *sögüt* и т.-маньчж. *sekta* и так далее, вероятно, произошло только на основе кажущейся близости.

Черемуха. Тюрк. *jumurt* 'черемуха' М. Ряснен соотносит с монг. *žimiyusun id.*, т.-маньчж. *inmēkte* 'молодая верба', фин. *tuomi* 'черемуха' (Räs. EW, 211). В. М. Иллич-Свитыч считает это название алтайско-уральским с праформой **лo/mH/Λ*: алт. **dytu* ~ урал. **δ'ōte*⁸. Предпо-

⁴ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1956, стр. 279 (далее — Сев. Афф. им.); Г. И. Рамstedt. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957, стр. 200 (далее — Рам.); «Philologiae Turcicae Fundamenta», I. Wiesbaden, 1959, стр. 807 (далее — РНТФ, I).

⁵ Б. А. Серебренников. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, стр. 159—165 (далее — Серебренников).

⁶ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Пер. с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева, II. М., 1967, стр. 113.

⁷ «Этимологический словарь русского языка». Под ред. Н. М. Шанского, I (вып. 3). М., 1972.

⁸ В. М. Иллич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарю нестратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семито-хамитский). — В сб.: «Этимология, 1967». М., 1969, стр. 372 (далее — И.-Св. Мат.).

ложительно данное наименование можно отнести к общеалтайскому глаголу: тюрк. *jum-* 'жмурить, сжимать', соотносимо М. Рясненю с монг. *žimiji-* 'сжимать, закрывать' (Räs. EW, 210), а нами — также с ульч. *ңуф-*, орок. *н'имми-* 'зажмуривать'.

В. М. Иллич-Свитыч рассматривает данный глагол как ностратический с праформой **ñomΛ* 'держатъ', и.е. **iem-* 'крепко держать, обуздывать' ~? алт. **(ñ)omΛ-||*(ñ)umΛ-* 'сжимать, сдерживать' ~ урал. **ñoma-* 'держатъ, хвататъ' ~ драв. **ñ(a)mΛ-* 'сжимать' (И.-Св. Мат., 339). В таком случае словообразование данного обозначения черемухи можно объяснить следующим образом: тюрк. *jum-* 'сжимать, закрывать' (вероятно, о цветках черемухи) и афф. *-ur* (побудительная форма или отглагольные имена признака, процесса, результата, — Сев. Афф. им., 340; Рам., 340; этот аффикс в древности, вероятно, мог обозначать собирательную множественность — Серебренников, 163) + афф. *-t* (отглагольные имена абстрактного значения, или, редко, отыменные имена, — об этом аффиксе см. выше); монг. *žimiyusun* < *žimiji-* 'сжимать, закрывать' и афф. *-γu* (отглагольные имена) + афф. *-sun* (отыменные имена с собирательным значением, обычно образует названия растений); т.-маньчж. *inmēkte* < *inmē-* (|| *нимми-* || *ңуф-* и т. д.) 'зажмурить' и афф. *-kte*. Возможно, что в слове *jomurt* аффиксы *-ur* + *-t* в древности обозначали собирательную множественность, тогда было бы интересно хотя бы предположительно объяснить причину употребления в одном названии вида дерева двух разных аффиксов одного значения. А. Н. Кононов отмечает, что «образование сложных аффиксов путем сращения однофункциональных формантов широко распространено в языках разных систем и является одной из многочисленных языковых универсалий»⁹.

Прежде всего каждый из этих аффиксов изначально мог выражать разные виды собирательной множественности, или же при общем значении эти аффиксы отражают лишь различные локально-временные ареалы распространения данного наименования.

Еще Н. Я. Марр отмечал, что названия деревьев, растений и их плодов образуются часто с помощью показателей множественного числа, что отражает своеобразное восприятие древними носителями данного языка деревьев и растений как сложных, состоящих из многих частей предметов (ствол или стебель, ветки, листья и т. д.), а плодов — как состоящих из массы чего-то однородного. Употребление в одном обозначении деревьев и растений двух разных показателей множественности Н. Я. Марр объяснял их различным локально-временным происхождением: первый такой суффикс-аффикс указывает на исконную племенную среду, а второй — на пути миграции этого наименования¹⁰.

Уместно вспомнить, что в ойр. *jodro*, сой., хак. *čodurā* 'черемуха' (Räs. EW, 211), вероятно, отражен тот локально-временной ареал, в котором рассматриваемое название черемухи употреблялось в тюркоязычном мире только с первым из двух словообразовательных аффиксов, возможно, означавших в древности собирательную множественность. Правда, в дошедших до нас формах этот первый аффикс уже снабжен вторым словообразовательным аффиксом — *-a||-ā*.

⁹ А. Н. Кононов. Актуальные тюркологические заметки. — «Советская тюркология», 1975, № 2, стр. 77 (далее — Кононов).

¹⁰ Н. Я. Марр. Яфетические названия деревьев и растений (Pluralia tantum). — «Известия Императорской Академии Наук», 1915, стр. 776.

Возможно, что сращение однофункциональных аффиксов¹¹ (двух аффиксов собирательной множественности в тюрк. *jomurt* 'черемуха') можно объяснить утраченной продуктивностью первого аффикса и появлением продуктивного второго аффикса, как это обычно наблюдается в тюркских языках¹².

Соответствия инициальных согласных в тюркских формах названия закономерны: *й-* (тат. *йомурт*) ~ *д'-* (алт. *д'ымырт*) ~ *ч-* (чул. *чумурт*) ~ *ш-* (тат. *шумурт*) ~ *с-* (як. *сымырт*) ~ *с'-* (чув. *с'емерт*) ~ *н-* (хак. *нымырт*) ~ *н'-* (тув. *н'ымырт*) ~ *м-* (койб. *мумурт*) ~ *ө-* (кыз. *умырт*).

В уральском лексическом слое (до IV тыс. до н. э.) специалисты восстанавливают праформу для фонетически близкого указанному выше алтайскому обозначению черемухи: **δ'eme* > фин. *tuoti*, саам. *diombá*, эст. *лём*, мокш. *лайма*, мар. *ломбо* (-*бо* 'дерево'), удм. *льём-пу*, коми *льём-пу* (*пу* 'дерево'), хант. *јот* ~ *јот*, манс. *l'ām*, ?самод., сельк. *џет* 'ягода черемухи'¹³. Это соотносится с восстанавливаемой В. М. Илличем-Свитычем алтайско-уральской праформой **ло/тН/Л* 'черемуха' (см. выше).

Интересно, что обозначения черемухи в уральских языках фонетически перекликаются с вариантами глагольной основы, предполагаемой нами в рассматриваемом названии черемухи в алтайских языках (то есть с тюрк. *јит-* ~ монг. *житији-* и т. д.). Может быть, в основе тюркского и других алтайских форм этого названия лежит наименование черемухи, заимствованное из уральских языков (например, хант. *јот* ~ *јот*) с прибавлением соответствующих словообразовательных аффиксов в тюркских и других алтайских языках (в тюркских и монгольских — сложные аффиксы, состоящие из двух простых: тюрк. *-ur-t*, монг. *-yi-sun*).

Аффикс *-r* (*-ur*) широко представлен в значении собирательной множественности в марийском языке (в других уральских языках — единично) часто в древесно-растительной лексике: *кож-ер* 'ельник' от *кож* 'ель', *ку-эр* 'березняк' от *куэ* 'береза', *ломб-ер* 'черемушник', от *ломбо* 'черемуха' (-*бо* 'дерево'). В связи с этим, возможно, что тюрк. *jomurt* представляет собой заимствование из уральских языков.

Аффикс *-t* мог возникнуть уже на тюркской почве. В ойр. *jodro*, сой., хак. *џодура* 'черемуха', соотносимыми М. Рясняном с тюрк. *jomurt* id. (Räs. EW, 211), можно в афф. *-o(-a)||-ā* предположить известный ныне в языке коми суффикс собирательной множественности *-a(-ja)*, часто встречающийся в древесно-кустарниковой лексике: *коз-ја* 'ельник', *рожим-а* 'сосняк' от *рожим* 'сосна'. Сохранен он и в финских названиях некоторых пород деревьев: *petä-jä* 'сосна', *pihla-ja* 'рябина'¹⁴. Тогда в

¹¹ А. Н. Кононов. О фузии в тюркских языках. — В сб.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 108—120; *его же*. Уменьшительные формы имен и словообразование (на материале тюркских языков). — В сб.: «Вопросы тюркологии. К шестидесятилетию академика Азербайджанской ССР М. Ш. Ширалиева». Баку, 1971, стр. 94—101; Г. Ф. Благова. Комбинация аффиксов множественности — исконно алтайская консонанта или типологический параллелизм? — В сб.: «Проблема общности алтайских языков». Л., 1971, стр. 351—361; И. В. Кормушин. Явление фузии в истории алтайских языков и его значение для решения проблемы общности алтайских языков. — Там же, стр. 362—365; Z. Korkmaz. Türkçede ek üyülmaz olaylarının meydana gelişi üzerine. — «Türk Dili Araştırmaları Yılığı. — Belleten». Ankara, 1960, стр. 173—180.

¹² W. Radloff. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie Türksprachen. St.-Pbg., 1906, стр. 22, 30—33; А. Н. Кононов. Актуальные тюркологические заметки, стр. 77.

¹³ «Основы финно-угорского языкознания». — «Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков». М., 1974, стр. 404.

¹⁴ Б. А. Серебрянников. Указ. раб., стр. 159, 161.

приведенных тюркских обозначениях черемухи следует выделить два одновременно употребленных словообразовательных, видимо, заимствованных из уральских языков аффикса: *-r||-ur + -o||-ā*. Может быть, второй аффикс возник и на тюркской почве. Нуждается в объяснении и наличие основы *jod||čod* в тюрк. *jodro||čodurā*.

Обо всем этом говорится здесь для того, чтобы показать сложность словообразовательных толкований, кажущуюся общность некоторых параллелей, возможность глубоких тюрко (~ алтайско)-уральских связей в фитонимике.

Просо. Тюрк. *taγu||taγu* 'просо' М. Рясянен соотносит с монг. *tarijan* 'зерно' и возводит эти наименования к глаголу: тюрк. *taγu-* ~ монг. *tari-* 'обрабатывать землю, сеять' (Räs. EW, 463). Встречается это слово и в тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. и др. *тари-*, уд. *тали-* id, в которых рассматривается как монголизм¹⁵.

Словообразовательная модель строится следующим образом: *taγu* < *taγu-* и афф. *-yγ* (отглагольное имя признака, результата, средства, носителя процесса действия, — Рам., 187; Сев. Афф. им., 200; PhTF, I, 794, 796; данный аффикс мог означать в прошлом собирательную множественность, правда, в отыменных образованиях, — Серебренников, 162)¹⁶ или, для монгольской формы, афф. *-an* (< *-гана*, образует отглагольные имена объекта и его признака, часто входит в названия растений и животных, — Рам., 134, 189; Котвич, 289).

Плод. Тюрк. *jemiš* М. Рясянен и другие соотносят с монг. *žemis* и возводят к тюркскому глаголу: **jē-* 'есть, кушать' (Räs. EW, 197)¹⁷ и афф. *-miš* (отглагольное имя объекта, процесса действия, — ДТС, 658; Сев. Афф. им., 348; Котвич, 312; PhTF, I, 800). В. Л. Котвич определял этот аффикс как составной: *-та + -yš*. Какой бы ни была первая часть этого сложного аффикса (*-та* или *-т* — оба образуют отглагольные имена; первый — процесса, результата действия — ДТС, 657; Рам., 101; второй — абстрактные, результата, объекта, меры — ДТС, 657; Сев. Афф. им., 294; Котвич, 310; Рам., 101; PhTF, I, 788, 799), вторая его часть — *-yš* служит в современных языках для образования отглагольных абстрактных имен, редко — отыменных (ДТС, 664; Сев. Афф. им., 140; Котвич, 310; PhTF, I, 807; в древности, вероятно, данный аффикс мог обозначать собирательную множественность, — Серебренников, 163). Тюрк. *jē-* ~ эвенк. *žew-||žer-*¹⁸. В тунгусо-маньчжурских языках от этого глагола образуется наименование голубики и черники, ягоды: эвенк. *žиктэ* 'ягода', 'голубика', нег. *žиктэ* 'голубика', 'черника', ороц., уд. *žиктэ* 'голубика' (СТМ) < *ži-* (< *žēw-||žer-*) 'есть, кушать' и афф. *-kte*.

В. М. Иллич-Свитыч считает данный глагол ностратическим: алт. **žē-* 'есть, кушать' ~ урал. **sēye-* id., и.-е. **seH-* 'насыщаться', 'сытый' ~ картв. **žey||žy-* 'насыщаться'¹⁹. Тогда очевидно, что основа, образовавшая указанное название, ностратическая, а само оно тюркское, на что указывает присутствие древнейшего тюркского словообразовательного аффикса (*-miš*), не имеющего аналогий в других алтайских языках.

¹⁵ «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков», II. (далее — СТМ; находится в печати).

¹⁶ А. Н. Кононов. Актуальные тюркологические заметки, стр. 83; см. также: «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 651, 660 (далее — ДТС); В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 310 (далее — Котвич).

¹⁷ См. также: В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 214.

¹⁸ N. Porre. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, I. Wiesbaden, 1960, стр. 27.

¹⁹ В. М. Иллич-Свитыч. Соответствия смычных в ностратических языках. — В сб.: «Этимология, 1966». М., 1968, стр. 378.

Монгольские языки заимствовали это название полностью, изменив лишь инициальный согласный на соответствующий тюркскому монгольский рефлекс. В тунгусо-маньчжурских языках данное наименование образовалось от того же общего корня, но с помощью своего словообразовательного аффикса (-*kla*).

В связи с указанием на возможность в древнем состоянии фиксации значения собирательной множественности для подавляющего числа отмеченных в статье словообразовательных аффиксов тюркской фитонимии встает вопрос об изначальном отыменном характере словообразовательных форм, обозначающих рассмотренные выше фитонимы, там, где названные аффиксы имели именно это значение. Кроме того, от данного древнего значения к современным указанные аффиксы, очевидно, могли перейти через отмеченные Б. А. Серебренниковым значения уменьшительных имен, имен прилагательных (ослабленной и повышенной степени качества, относительных прилагательных), абстрактных имен существительных²⁰.

Из изложенного очевидно, что в ряде случаев редкие общеалтайские фитонимы (на основе общетюркских древних обозначений) являются либо случайно совпадающими, либо взаимозаимствованиями. Среди общетюркских древних фитонимов есть восходящие к общеалтайским (чаще — в пределах двух алтайских языковых групп) и ностратическим основам. Следовательно, вхождение алтайской общности в более обширную и древнюю — ностратическую вполне вероятно. С этим, возможно, перекликаются факты структурно-типологической близости далеких и неродственных языков.

Хронологически исследуемая лексика тюркских и других алтайских языков неоднородна. В ней можно выделить пласт ранне- или протоалтайских основ, которые, вероятно, имеют устойчивые связи с другими ностратическими (на более поздних этапах) языками и не могут быть объяснены возможностями только праалтайского состояния. Для более поздних этапов данного пласта характерны случаи отражения одиночных основ некоторых групп ностратической общности — уральской, индоевропейской.

Затем следует пласт общеалтайских основ (на более древних этапах) или тюрко-монгольских основ (на более поздних этапах). Для самых поздних этапов этого пласта характерно наличие некоторых общих тюрко-монгольских и монголо-тунгусо-маньчжурских основ.

Наконец, последний пласт, включающий очень широкие хронологические рамки, характеризуется окончательным формированием тюркских так же, как монгольских и тунгусо-маньчжурских ботанических наименований (независимо друг от друга). Для этого пласта характерны большая дробность, многообразие в наименованиях, активное проникновение как алтайских, так и неалтайских заимствований. В заключительных этапах рассматриваемого пласта наблюдается сильное влияние литературных как тюркских, так и монгольских и тунгусо-маньчжурских языков на соответствующие диалекты и говоры, приведшее к значительному вытеснению диалектных и говорных наименований растений литературными.

В принципе выделение подобных типов хронологических пластов в истории растительной лексики характерно и для русского языка²¹ и, видимо, также для целого ряда других языковых групп.

²⁰ Б. А. Серебренников. Указ. раб., стр. 165—174.

²¹ В. А. Меркулова. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967, стр. 236—239.

Р. М. БИРЮКОВИЧ

О ПЕРВИЧНЫХ ДОЛГИХ ГЛАСНЫХ В ЧУЛЫМСКО-ТЮРКСКОМ ЯЗЫКЕ

Распространенный в центральной части Западно-Сибирской низменности, по течению реки Чулым (правый приток Оби), язык чулымских тюрков долгое время не был предметом специального исследования в связи с географической изоляцией его носителей.

Некоторые лингвистические данные по языку чулымских тюрков можно найти у П. С. Палласа¹ и В. В. Радлова².

С. Е. Малов побывал в местах проживания носителей среднечулымского диалекта и в 1903 году опубликовал результаты полевых записей³.

Всесторонним изучением бесписьменного чулымско-тюркского языка впервые начал заниматься А. П. Дульзон⁴. Именно им было отмечено наличие в чулымско-тюркском языке долгих гласных. Сравнительно-исторический метод исследования и экспериментальные данные позволяют часть из них считать реликтами тюркских первичных долгих гласных⁵.

В состав чулымско-тюркского языка входит ряд односложных и двусложных слов, отличающихся следующими особенностями: так называемой первичной долготой гласных; колеблющейся (первичной) долготой; долгими гласными, соответствующими долгим гласным в других языках, но отсутствующими в туркменском и якутском; долгими гласными (не являющимися вторичными), которым в других языках соответствуют краткие. Кроме того, в односложных словах имеются также рефлексы первичных долгих гласных.

¹ П. С. Паллас. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей высочайшей особы, ч. II. СПб., 1789, № 96.

² В. В. Радлов. Опыт словарей тюркских наречий. СПб., 1888—1911; *его же*. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, ч. II. СПб., 1868, стр. 689—705.

³ См.: «Известия русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», № 9, апрель, 1909, стр. 1—6.

⁴ А. П. Дульзон. Чулымские татары и их язык. — «Ученые записки Томского педагогического института», т. IX, 1952; *его же*. Диалекты и говоры тюрков Чулыма. — «Советская тюркология», 1973, № 2.

⁵ Мы не останавливаемся на сложном, и до сих пор остающемся дискуссионным, вопросе происхождения этих гласных. (Об этом см.: O. Böhling. Über die Sprache der Jakuten. SPb., 1851, стр. 39; W. W. Radloff. Phonetik der nördlichen Turksprachen. Leipzig, 1882, стр. 72—76, а также труды их многочисленных последователей). Понятие первичных долгих гласных объединяет все проявления долготы, не находящие пока своего объяснения.

Наличие выделенной аудитивно-индуктивным методом долготы было подтверждено экспериментально методом пограммирования⁶.

Расчленение элементов артикуляции (полости носа, рта и гортани) дало более точные и верные данные по сравнению с получаемыми при осциллографировании. Возникающие при осциллографировании трудности расчленения звуков (звонких согласных, особенно сонорных) полностью снимаются при пограммировании.

Для получения более объективных данных нами были использованы относительные длительности.

Относительная длительность определялась методом, описанным О. Эссенем⁷ с дополнительными уточнениями, предложенными В. М. Наделяевым⁸. Результаты абсолютных и относительных длительностей были нами сведены в таблицы.

Первичная долгота устанавливалась по соответствиям с туркменским, якутским, а также с другими языками, обнаруживающими в ряде случаев долготу⁹.

Первичная долгота сохранилась в чулымско-тюркском языке в следующих односложных словах: ö:t 'желчь', ö:ç 'злой, мечь', i:k 'веретено', ü:n 'голос', ka:t 'жена', e:t 'делать', to:s 'береста', k'e:r (в сочетании k'e:r giži 'старик'), ti:- 'говорить', sa:t 'разговор, слово', k'üögk' 'кузнечные меха', je:ŋ 'рукав', ä:y 'невод', ruas 'серый', ta:s 'лысый' в сочетании ta:s borragdum 'я стал лысым', ö:s в форме ö:zum 'я сам'.

Долгим является гласный также в следующих словах: o:ç 'ладонь', ü:s 'Чулым', ku: 'лебедь', rü: 'сеть'.

Для подтверждения наличия долготы в указанных словах нами приводятся данные абсолютной и относительной длительности гласных в некоторых из них (см. табл. 2).

Для установления пределов длительностей краткого и долгого гласных исследовались минимальные пары со вторичным долгим гласным, поскольку минимальных пар с первичными долгими, составляющими один из членов оппозиции, нами обнаружено не было. При этом мы исходили из того, что «... при сохранении в том или ином языке соответствующей общетюркской оппозиции никаких различий между первичными и вторичными гласными не наблюдается»¹⁰.

Ниже приводится таблица 1, иллюстрирующая относительную длительность долгого гласного, превышающую длительность краткого

⁶ Экспериментальные исследования были проведены в лаборатории экспериментальных фонетических исследований при Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР под руководством зав. ЛЭФИ В. М. Наделяева. Описание агрегата ПОГ-70 см.: И. Е. Алексеев. О. Н. Бётлингк и изучение словесного ударения в якутском языке. — В сб.: «О. Н. Бётлингк и его труд о языке якутов». Якутск, 1973, стр. 78. Для получения исходных данных были привлечены четыре информанта: информант № 1 — Тамычева Мария Андреевна, 1931 года рождения, уроженка села Старое Амачеево; информант № 2 — Будеев Василий Михайлович, 1901 года рождения, уроженец села Старое Шумилово; информант № 3 — Будеева Варвара Ивановна, 1908 года рождения, уроженка села Старое Шумилово; информант № 4 — Тарлаганова Лидия Ерофеевна, 1906 года рождения, уроженка села Туталы.

⁷ Otto von Essen. Allgemeine und angewandte Phonetik. Berlin, 1966, стр. 165—168.

⁸ В. М. Наделяев. Лекции по общей и экспериментальной фонетике. (Рукопись хранится в ИИФФ СО АН СССР). О реализации этих уточнений см.: М. Ч. Чумакаева. Консонантизм алтайского языка. Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1972, стр. 10.

⁹ См. библиографию по этому вопросу: А. Бишнев. Первичные долгие гласные в тюркских языках. Уфа, 1963; А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Ленинград, 1970; G. Doerfer. Khalaj Materials. — «Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series». Volume 115, Bloomington, 1971.

¹⁰ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика., стр. 48.

Таблица 1

Абсолютная и относительная длительность звуков
по пневмоосциллографическим данным в словах k'ök' 'синий',
k'ö:k' 'кукушка', ас 'голодный', а:с 'дерево'

Абсолютная длительность σ						Относительная длительность в % к средней длительности звука		
№№ измерений	Общая длительность слова	Средняя длительность звука	Звуки и их конкретные длительности			З в у к и		
			k'	ö	k'	k'	ö	k'
1.	687,8	229,2	247,0	133,0	307,8	107,9	58,0	134,5
2.	440,8	220,4	—	133,0	254,6	—	60,3	115,5
3.	589,0	196,3	231,8	125,4	231,8	118,0	64,0	118,0
4.	482,6	160,8	114,0	98,8	269,8	69,5	61,5	167,5
5.	665,0	221,6	330,6	87,4	247,0	149,5	39,5	112,0
6.	513,0	171,0	182,4	95,0	235,6	107,0	55,5	137,5
В средн.	564,7	199,8	221,1	46,8	125,4	110,0	56,4	130,8
1.	703,0	234,3	k'	ö:	k'	k'	ö:	k'
2.	376,2	188,1	209,0	193,8	300,2	89,5	82,7	128,0
3.	463,6	154,5	—	186,2	190,0	—	99,0	105,0
4.	513,0	171,0	296,4	167,2	190,0	192,0	108,0	123,0
5.	694,2	231,4	114,0	174,8	224,2	66,7	102,0	131,0
6.	573,8	191,2	224,2	155,8	319,2	95,7	67,4	138,0
В средн.	553,9	195,2	171,0	171,0	231,8	89,5	89,5	123,0
1.	345,8	173,0	a	č		a	č	
2.	323,0	161,5	144,4	201,4		83,0	116,0	
3.	454,1	227,0	140,6	152,0		87,0	94,1	
В средн.	374,3	187,1	106,4	347,7		46,8	152,0	
1.	304,0	152,0	a:	č		a:	č	
2.	391,4	195,7	228,0	76,0		151,0	50,0	
3.	528,2	264,1	304,0	87,4		155,3	44,7	
В средн.	407,8	203,7	222,3	305,9		84,2	115,8	
В средн.	407,8	203,7	251,4	156,4		130,1	70,1	

Таблица 2

Абсолютная и относительная длительность звуков
по пневмоосциллографическим данным в словах ka:t 'жена',
sa:t 'разговор', ü:n 'голос', i:k' 'веретено'

Абсолютная длительность σ						Относительная длительность в % к средней длительности звука		
№№ измерений	Общая длительность слова	Средняя длительность звука	Звуки и их конкретные длительности			З в у к и		
			k	a:	t	k	a:	t
1.	509,2	169,7	167,2	197,6	144,4	90,8	116,4	84,7
2.	338,2	169,1	—	178,6	159,6	—	106,0	94,7
3.	554,8	184,9	144,4	193,8	216,6	77,8	104,8	117,3
4.	505,4	168,4	133,0	163,4	209,0	79,0	97,0	124,4
5.	437,0	145,0	57,0	159,6	220,4	39,3	110,0	151,7
В средн.	468,9	155,5	125,5	178,6	190,0	71,2	106,8	114,5
			s	a:	t	s	a:	t
1.	186,2	186,2	—	186,2	—	—	100	—
2.	439,4	146,2	91,2	163,4	174,8	62,3	113,0	119,5
3.	463,6	154,5	102,6	163,4	197,6	66,5	105,8	128,0
4.	619,4	206,4	159,6	216,6	243,2	77,3	105,0	118,0
5.	566,2	188,7	171,0	178,6	216,6	90,5	94,5	114,5
6.	554,8	184,7	152,0	186,2	216,6	82,0	100,5	117,0
В средн.	471,6	177,7	135,2	182,4	209,7	76,0	103,2	119,4
			ü:	n		ü:	n	
1.	285,0	142,5	174,8	110,2		122,7	76,9	
2.	300,2	150,1	163,4	136,8		180,6	91,0	
3.	330,6	165,3	190,0	140,6		115,0	85,0	
4.	283,8	144,4	148,2	140,6		103,0	98,0	
5.	266,0	133,0	178,6	87,4		134,0	65,4	
В средн.	294,1	147,0	171,0	123,1		131,0	83,7	
			i:	k'		i:	k'	
1.	372,4	186,2	224,2	148,2		120,4	80,0	
2.	368,6	184,3	216,6	152,0		112,5	82,5	
3.	383,8	191,9	190,0	193,8		99,0	101,0	
4.	478,8	239,4	201,4	277,4		84,0	116,0	
5.	421,8	210,9	209,0	212,8		99,0	100,9	
В средн.	405,0	202,5	208,2	196,8		102,4	95,6	

гласного в два или в три раза, в зависимости от фонетической позиции. Нижний предел диапазона длительностей долгого гласного составляет 89,6 м/сек.

Таким образом, гласные слов, приведенных в таблице 2, длительность которых превышает 89,6 м/сек, квалифицируются как долгие.

Многие долгие гласные, относящиеся к тюркским первичным долгим, функционируют в чулымско-тюркском языке как полудолгие¹¹, например: *šo:k* 'нет', *šo:l* 'дорога', *ka:l* 'оставаться', *ča:p* 'бок', *sa:s* 'болото', *ö:l* 'умирать', *so:l* 'левый', *pa:š* 'голова', *tö:rt* 'четыре', *i:s* 'след', *sa:p* 'рукоятка', *ä:p* 'дом', *ta:s* 'камень', *o:t* 'огонь', *pu:s* 'лед', *ä:g* 'муж', *šo:p* 'тесать', *su:γ* 'вода', *ša:č* 'волосы', *k'ö:k* 'синий, зеленый', *ma:l* 'скот', *a:g* 'тяжело', *k'ö:l* 'зола'¹².

Следовательно, на современном этапе развития чулымско-тюркского языка в нем гласные по долготе имеют три ступени: краткие — полудолгие — долгие.

Важно отметить, что при наращении грамматических формантов данные лексемы у всех носителей языка выступают с долгим гласным, например: *šo:l*da 'на дороге', *ča:nda* 'на боку', *sa:sta* 'на болоте', *so:l*ža 'влево', *pa:žywlä* 'головой', *tö:rtünzö* 'четвертый'. В то же время в словах с этимологически кратким гласным длительность гласного при аффиксации не меняется, например: *pük* 'луг' — *püktä* 'на лугу', *kuš* 'птица' — *kušta* 'на птице'.

На данном этапе изучения звукового строя чулымско-тюркского языка трудно найти объяснение описанному явлению. По всей вероятности, необходимо проведение тщательного исследования его просодии.

В следующей группе слов первичная долгота восстанавливается при наращении грамматических формантов: *at* 'бросить, выстрелить' — *a:tyr* 'выстрелив' — *a:tyryshan* 'он выстрелил', *a:tyryshanna* 'они выстрелили'. Как правило, эта долгота восстанавливается в форме категории принадлежности: *kas* 'гусь' — *ka:žym* 'мой гусь', *äg* 'муж' — *e:rim* 'мой муж', *šop* 'одежда' — *šo:pum* 'моя одежда', *kap* 'мешок' — *ka:bym* 'мой мешок', *kaš* 'бровь' — *ka:žym* 'моя бровь' (*karak ka:že* 'ресницы'), *k'öl* 'озеро' — *k'ö:lem* 'мое озеро', *ot* 'огонь' — *o:dym* 'мой огонь', *at* 'имя' — *a:dym* 'мое имя'.

Аналогичное явление наблюдается в кумандинском диалекте алтайского языка, в шорском языке (по материалам полевых записей А. П. Дульзона¹³), в хакасском языке¹⁴.

Подобное же явление в туркменском языке отметил Н. К. Дмитриев¹⁵, указавший на удлинение конечного гласного именных основ перед аффиксами принадлежности первого и второго лица. В чулымско-тюркском языке удлинение гласного происходит не только перед аффиксами первого и второго лица, но и перед аффиксами третьего лица. Для иллюстрации ниже приводятся экспериментальные данные абсолютных и

¹¹ При двучленной оппозиции (краткие-долгие) их относят к долгим. См.: А. П. Дульзон. Установление архетипа фонем по межъязыковым рядам альтернатив. — «Советская тюркология», 1973, № 5, стр. 100.

¹² Этот вывод сделан нами на основании анализа магнитофонных записей девяти информантов, четверо из которых были названы выше; остальные: Мамонтов И. Н., 1911 г., Мамонтов А. П., 1908 г., Куразан Е. Д., 1901 г., Катомачева У. И., 1924 г., Махнева А. П., 1902 г.

¹³ Картотека топонимов и языков народов Сибири при Томском педагогическом институте им. Ленинского комсомола.

¹⁴ Д. Ф. Пагачакова. Система звуков качинского диалекта. Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, вып. VII, 1959, стр. 34.

¹⁵ Н. К. Дмитриев. Долгие гласные в туркменском языке. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I. М., 1955, стр. 190.

относительных длительностей гласных в словоформах: kol 'рука' — ko:lum 'моя рука' — koluŋ 'твоя рука' — kolu 'его рука' (см. табл. 3).

Эта особенность в чулымско-тюркском языке наблюдается не во всех односложных словах. По избирательности данного явления выделяются две группы слов:

1) с удлинением гласного, предшествующего аффиксу принадлежности: äg 'муж' — e:gem 'мой муж', ot 'огонь' — o:dum 'мой огонь', kaг 'снег' — ka:гum 'мой снег', kas 'гусь' — ka:zum 'мой гусь', çol 'дорога' — ço:lum 'моя дорога', kol 'рука' — ko:lum 'моя рука', ot 'трава' — o:dum 'моя трава', paş 'голова' — pa:zum 'моя голова', aş' 'еда' — a:zum 'моя еда', äp- 'дом' — e:bem 'мой дом';

2) без удлинения гласного, предшествующего аффиксу принадлежности: tün 'ночь' — tünüm 'моя ночь', kuş 'зима' — kužum 'моя зима', til 'язык' — tilim 'мой язык', kus 'дочь' — kuzum 'моя дочь', сüt 'молоко' — сүдүм 'мое молоко', үс 'три' — үžүм 'мои три', k'üç 'сила' — k'üžүм 'моя сила'.

Сравнение этих групп слов с их параллелями в чувашском языке показывает, что первой группе слов в чувашском языке соответствуют слова с кратким гласным, а второй — слова со сверхкратким гласным, то есть обнаруживается следующее противопоставление:

Чулымско-тюркский язык	Чувашский язык
Краткие, в категориальной форме принадлежности выступающие долгими	Краткие
Краткие, в категориальной форме принадлежности остающиеся краткими	Сверхкраткие

Приведем примеры:

1) для первой группы слов: чул. äg 'муж' — чув. ag; чул. at 'имя' — чув. at; чул. ot 'огонь' — чув. vut; чул. kaг 'снег' — чув. juг; чул. kas 'гусь' — чув. huг; чул. kol 'рука' — чув. huл; чул. aş 'еда' — чув. aš; чул. pał 'мёд' — чув. puл; чул. paş 'голова' — чув. puф; чул. çol 'дорога' — чув. çul; чул. kös 'глаз' — чув. kuф;

2) для второй группы слов: чул. tün 'ночь' — чув. сөг; чул. kuş 'зима' — чув. hěl; чул. til 'язык' — чув. сөлhe; чул. kus 'дочь' — чув. hөг; чул. сüt 'молоко' — чув. сөт; чул. үс 'три' — чув. viф; чул. tiş 'зуб' — чув. şäl¹⁶.

Подобное противопоставление количественных характеристик позволяет предположить, что краткие гласные в чулымско-тюркском языке восходят к различным по долготе звукам. Количественное противопоставление гласных в категориальной форме принадлежности, а именно, наличие долготы в одной группе слов и отсутствие ее в другой, указывает на проявление в данном случае рефлекса былой оппозиции в языке по краткости — длительности.

Таким образом, долгота, являющаяся на современном этапе развития языка избыточным явлением, некогда была дифференциальным качеством фонемного уровня.

Сравнение первой группы слов с их параллелями в других тюркских языках наводит на мысль о том, что слова чулымско-тюркского языка,

¹⁶ Чувашские примеры взяты из «Русско-чувашского словаря». М., 1971.

Таблица 3

Абсолютная и относительная длительность звуков
по пневмоосциллографическим данным в словах kol 'рука', ko:lum
'моя рука', ko:luŋ 'твоя рука', ko:lu 'его рука'

Абсолютная длительность σ							Относительная длительность в % к средней длительности звука					
№№ измере- ний	Общая дли- тельность слова	Средняя дли- тельность звуков	Звуки и их конкретные длительности				З в у к и					
			k	o	l		k	o	l			
1.	459,8	153,2	144,4	144,4	174,8		94,4	94,4	114,1			
2.	273,6	91,0	45,6	129,2	102,6		50,2	142,0	112,8			
3.	361,0	120,4	155,8	112,1	93,1		129,2	93,0	77,3			
4.	885,4	296,0	167,2	102,6	615,6		56,5	34,7	208,0			
5.	609,9	203,0	340,1	115,9	152,0		167,5	57,1	74,8			
В средн.	537,9	172,7	170,6	120,8	227,6		99,6	84,2	117,4			
			k	o:	l	u	m	k	o:	l	u	m
1.	590,9	118,2	129,2	163,4	79,8	83,6	136,8	109,2	138,2	67,5	70,6	115,7
2.	516,8	103,5	91,2	167,2	45,6	106,4	121,6	88,0	165,5	44,0	102,8	117,6
3.	405,7	81,2	85,5	134,9	64,6	22,8	96,6	105,3	166,0	79,5	28,1	119,0
4.	503,5	100,8	39,9	184,3	45,6	64,6	169,1	39,6	183,0	45,2	64,1	167,9
В средн.	504,2	100,9	58,9	162,5	58,9	69,3	131,0	85,5	162,2	59,1	66,4	130,1
			k	o:	l	u	ŋ	k	o:	l	u	ŋ
1.	594,7	119,0	53,2	171,0	178,6	53,2	144,4	44,7	143,7	150,0	44,7	121,3
2.	509,2	104,3	53,2	182,4	95,0	57,0	125,4	51,0	175,0	91,0	54,7	120,0
3.	607,3	101,5	24,7	163,4	68,4	58,9	191,9	24,3	161,0	67,4	58,1	189,0
4.	571,9	114,5	43,7	172,9	51,3	93,1	210,5	98,1	165,5	44,8	81,2	201,9
5.	598,5	119,8	165,3	144,4	49,4	81,7	155,8	138,2	120,8	41,3	63,0	130,0
В средн.	556,3	111,8	68,0	166,8	88,5	68,8	166,1	71,1	153,2	50,9	60,3	152,2
			k	o:	l	u		k	o:	l	u	
1.	452,8	100,8	57,0	171,0	110,2	68,4		56,6	169,8	109,5	67,9	
2.	425,6	106,1	49,4	186,2	95,0	91,0		46,5	175,5	89,5	85,7	
3.	343,9	86,0	51,3	152,0	45,6	95,0		59,7	176,8	529,1	110,4	
4.	387,6	96,8	43,7	214,7	60,8	68,4		45,1	221,9	628	70,7	
5.	345,8	86,4	20,9	212,8	55,1	57,0		24,2	246,3	63,7	65,9	
В средн.	381,1	95,2	44,5	187,3	73,3	76,0		46,4	198,1	75,6	80,1	

приобретающие долготу в категориальной форме принадлежности, относятся к словам с пратюркскими долгими гласными. Многие из них в этом отношении не вызывают сомнения, так как имеют соответствия в туркменском или якутском языках; например: *äg* 'муж', *ot* 'огонь', *kağ* 'снег', *kaş* 'гусь', *çol* 'дорога'.

Привлекая материалы Махмуда Кашгари, западно-турецких диалектов и халаджского языка¹⁷, можно установить долготу и для других слов: чул. *kol* 'рука' (*ko:lum* 'моя рука'), Кашг. *ko:l*, халадж. *kuol*; чул. *aş* (*a:žum* 'моя еда'), Кашг. *a:š*, халадж. *a:š*; чул. *paš* 'голова' (*pa:žum* 'моя голова'), Кашг. *ba:š*, халадж. *ba:š*; чул. *pal* 'мёд' (*pa:lum* 'мой мёд'), Кашг. *ba:l*; чул. *ot* 'трава', (*o:dum* 'моя трава'), халадж. *o:t*, *uot*; чул. *çal* 'ветер' (*če:le* 'его ветер'), Кашг. *je:l*; чул. *är* 'дом' (*e:be* 'его дом'), зап. турец. *ä:v*; *çäg* 'земля' (*če:ge* 'его земля'), зап. турец. *je:g*.

В этой группе имеются слова с фарингализованным гласным корня в тувинском и тофаларском языках: тув. *pa's* 'голова', *o't* 'трава'. А. П. Дульзон¹⁸, основываясь на кетско-тюркских параллелях, считал, что тюркские фарингализованные гласные представляют собой рефлекс енисейского ровного низкого тона, соответствующий второй количественной ступени гласных в халаджском языке, а именно, долготу гласному без движения тона. Гласные в словах, приведенных выше, как не вызывающие сомнения в принадлежности их к первичным долгим, согласно Г. Дёрферу¹⁹, характеризуются движением тона.

Следовательно, в первой группе представлены слова с этимологически долгими гласными, однако, имеющими различные просодические характеристики, а именно: долгие, восходящие к долгим с движением тона, и долгие, восходящие к долгим без движения тона.

Во второй группе слов, в которых кратким гласным чулымско-тюркского языка соответствуют сверхкраткие гласные чувашского языка, выделяются краткие гласные, восходящие к кратким же (*tün* 'ночь', *kuš* 'птица'), и краткие гласные, восходящие к долгим (чул. *kus* 'дочь' — якут. *ku:z*; чул. *til* 'язык' — Кашг. *ti:l*, *til*, халадж. *ti:l*; чул. *süt* 'молоко' — Кашг. *sü:t*, туркм. *suit*; чул. *üç* 'три' — уйг. *ü:ç*, зап.-турец. диалектн. *ü:ð*, халадж. *u:ç*²⁰).

Г. Дёрфер обращает внимание на то, что Махмуд Кашгари приводит иногда два варианта слова: с долгим и кратким гласным. Долгие в быстрой речи могли произноситься как полудолгие²¹, то есть долгие, к которым восходят краткие второй группы слов, отличаются от долгих первой группы слов. На иной статус этих восстанавливаемых долгих гласных указывает и другая ступень соответствий чулымско-тюркского и чувашского языков.

Таким образом, при анализе рефлексов пратюркских долгих гласных мы старались следовать правилу: «Для каждого устанавливаемого звукового соответствия следует реконструировать особую фонему или отдельный звуковой образ иного содержания в языке»²². Рефлексы

¹⁷ Соответствия по этим языкам даются по работе: *G. Doerfer*. Указ. раб., стр. 232, 209, 215, 229.

¹⁸ А. П. Дульзон. Установление архетипа фонем по межъязыковым рядам альтернатив. — «Советская тюркология», 1973, № 5, стр. 103.

¹⁹ Г. Дёрфер. О состоянии исследования халаджской группы языков. — «Вопросы языкознания», 1972, № 1, стр. 94.

²⁰ *G. Doerfer*. *Khalaj Materials*..., стр. 200—201.

²¹ Там же, стр. 215.

²² Г. Герценберг. Алтанстика с точки зрения индоевропеиста. — В сб.: «Проблема общности алтайских языков». Л., 1971, стр. 45.

первичных долгих гласных в односложных словах чулымско-тюркского языка могли бы способствовать уточнению и расширению списка слов с так называемыми первичными долгими гласными, поскольку данные исследуемого языка подтверждаются долготой соответствующих гласных в отдельных словах халаджского языка, западно-турецких диалектов, представленных у Махмуда Кашгари.

Кроме упомянутых групп, в среднечулымском диалекте имеются слова с долгими гласными, которым соответствуют краткие восходящие дифтонги в нижнечулымском диалекте. В качестве примера приведем следующие параллели:

<i>ср.-чул.</i>	<i>н.-чул.</i>
ko:s 'красивый'	kuas
so:k 'холодный'	suak,
se:k' 'комар'	siek'.
sö:k' 'кость'	süök'.

В хакасском и алтайском языках слова, относящиеся к этой же группе, также имеют долгие гласные. Объяснения данному явлению может быть дано два: либо произошла трансформация дифтонгов в долгие гласные (в результате выпадения согласного и стяжения кратких гласных в долгий), либо долгие гласные развились в дифтонги. Первое объяснение широко представлено в тюркологической литературе. Вторая точка зрения была высказана А. П. Дульзоном, убедительно доказывавшим, что долгие гласные в этой группе слов являются первичными. Это подтверждается и приводимыми ученым многочисленными кетско-тюркскими соответствиями.

«Пратюркским долгим гласным в кетском языке, — пишет А. П. Дульзон, — соответствуют долгие же гласные или краткие с гортанным смычным в отступе. В современном кетском языке гортанный смычный часто выпадает, переходя при этом в *z*, *γ* или гласный со сниженным подъемом (нисходящие дифтонги *úe*, *éa*, *ýo*, *óa*), а возникший вторичный гласный может слиться с основным в один долгий»²³.

Аналогичное явление можно наблюдать и в чулымско-тюркском языке. В среднечулымском диалекте, кроме долгих гласных в указанной выше группе слов, как правило, встречающихся в мелетском говоре, имеются и фонетические варианты со звуком *γ*, широко употребляющиеся в тутальском говоре среднечулымского диалекта. Этот говор является переходным звеном между нижнечулымским диалектом и мелетским говором среднечулымского диалекта.

Лингвогеографическое распределение фонетических вариантов следующее:

- ko:s — 'красивый' (мелет. гов. ср.-чул. диалекта),
- kuγas — (тут. гов. ср.-чул. диалекта),
- kuas — (н.-чул. диалект),
- so:k — 'холодный' (мелет. гов. ср.-чул. диалекта),
- suγak — (тут. гов. ср.-чул. диалекта),
- suak — (н.-чул. диалект).

²³ А. П. Дульзон. Установление архетипа..., стр. 101.

Диалектографические данные, таким образом, подтверждают возможность процесса, аналогично наблюдаемому в кетском языке и прошедшего два этапа:

- 1) ko:s < *koʔs, *kuʔs;
- 2) *koʔs, *kuʔs > kuʔas;
- 1) so:k < *soʔk, *suʔk,
- 2) *soʔk, *suʔk > suʔak, suak.

Первичные долгие имеются в рассматриваемом языке не только в односложных, но и в двусложных словах, например: pa:lyk 'рыба', sa:ɣyʉ 'желтый', ta:dlyʉ 'сладкий', pe:žik 'колыбель', o:duŋ 'дрова', ča:ɣyʉ 'половина', a:ra 'оса', ср. гаг. a:ɣy 'пчела', pö:ɣük 'шапка', mö:gä 'волк', či:ye 'есть, кушать', e:žik 'дверь', ö:dük 'обувь', k'e:li 'тень', ср. k'ö:lik' 'тень' (Кашг.), i:ziy 'жаркий' ср. койб. i:ziy 'жарко', a:šyʉ 'переход', a:čyʉ 'горький'.

Как видно из приведенного списка, в чулымско-тюркском встречаются двусложные слова с долгими гласными, отсутствующими в туркменском и якутском. Некоторые двусложные слова с долгими гласными, выявленные нами в чулымско-тюркском языке, имеют параллели в других языках (за исключением якутского и туркменского), например: чул. a:ra 'пчела' — гаг. a:ɣy; i:ziy 'горячий' — койб. i:ziy; ср.-чул. ča:ɣyʉ 'половина' — хорезм. ja:ɣy, н.-чул. ja:ɣyʉ; чул. k'e:li 'тень' — Кашг. k'ö:lik'; чул. se:de 'семь', болгар. (13—14в) jīāti²⁴.

В таблице 4 иллюстрируются абсолютные и относительные длительности долгих гласных в словах o:duŋ 'дрова', mö:gä 'волк', pö:ɣük 'шапка', pe:žik 'колыбель'. Как видно из этой таблицы, относительная долгота гласных первых слогов приведенных слов достигает от 133 до 155 м/сек, то есть соответствует долготу звуку. Согласно экспериментальным данным по чулымско-тюркскому языку, долгота краткого гласного в аналогичных фонетических позициях находится в пределах: а) для широких звуков в неударной позиции 50—57 м/сек, в ударной позиции 77—99 м/сек; б) для узких 35—46 м/сек²⁵.

Чулымско-тюркский язык обнаруживает ряд слов с долгими гласными, которым в туркменском, якутском и древнетюркском соответствуют краткие: чул. se:mis 'жирный', туркм. semis, якут. amis, др.-тюрк. sämis; чул. te:miɣ 'железо', туркм. demir, якут. timir, др.-тюрк. temir, чул. ka:zyŋ 'береза', якут. hatyŋ, др.-тюрк. kajyŋ; чул. ta:vɣak 'быстро', др.-тюрк. tavɣak; чул. e:zerek 'пьяный', др.-тюрк. esür (см. табл. 5).

Слуховой анализ выделяет долгие гласные и в следующих словах: se:ŋer 'угол', če:gerbe 'двадцать', tö:ɣoɣa 'дятел', to:ɣyʉ 'девять', o:tus 'тринадцать', to:ɣyʉj 'жаворонок', ko:juʉ 'густой', o:ŋeɣa 'хребет позвоночный', ka:baš 'помощь', ča:žak 'дуга (лука)', ča:ɣyʉk 'светло', sö:sk'äj 'червь', pö:zyk 'высоко', tö:bün 'вниз', tö:dür 'навстречу', sa:zyʉ 'зловонный', ta:myr 'корень', ta:nyš 'знакомый', ta:byš 'шум', ko:ɣyʉr 'гроб', čo:ɣyʉl 'нет', a:lyš 'зверь', to:ɣyʉ 'гнедой'.

Следует отметить, что при изменении структуры слова, то есть при наращении аффиксов (вплоть до нескольких) долгота не исчезает. Это подтверждается и экспериментально. Например: pa:lyk 'рыба' — pa:lyk-tar 'рыбы', mö:gä 'волк' — mö:rulär 'волки', sa:t 'разговор, слово' — sa:tyɣtyɣ 'он рассказывает', — sa:tyɣyshan 'он рассказал' — sa:tyɣyshan-par 'они рассказали'.

²⁴ G. Doerfer. Указ. раб., стр. 265.

²⁵ См.: Р. М. Бирюкович. Звуковой строй среднечулымского диалекта чулымско-тюркского языка. Канд. дисс. Томск, 1973, стр. 45.

Таблица 4

Абсолютная и относительная длительность звуков
по пневмоосциллографическим данным в словах о:duŋ 'дрова', тō:гä
'волк', рō:гүк 'шапка' и ре:žik 'колыбель'

Абсолютная длительность σ							Относительная длительность в % к средней длительности звука					
№№ измерений	Общая длительность слова	Средняя длительность звуков	Звуки и их конкретные длительности				Звуки					
			о:	d	u	ŋ	о:	d	u	ŋ		
1.	710,5	177,0	247,0	136,8	114,0	216,6	139,1	77,5	64,2	121,5		
2.	558,6	139,2	201,4	114,0	91,0	155,8	144,5	81,8	65,2	112,0		
3.	594,7	148,7	178,6	96,9	55,1	264,1	120,1	65,2	37,1	177,7		
4.	552,9	138,2	162,4	98,8	36,1	254,6	118,2	71,5	26,1	184,0		
5.	570,0	142,5	169,1	62,7	43,7	294,5	118,8	44,0	30,6	207,0		
6.	463,6	116,0	207,1	98,8	72,2	836,0	178,5	85,2	62,2	72,1		
В средн.	575,0	143,6	194,2	101,3	68,2	211,5	136,5	70,8	47,5	145,7		
			m	о:	г	ä		m	ō:	г	ä	
1.	687,8	171,6	133,0	250,0	91,2	212,8	75,8	145,5	53,2	127,0		
2.	528,2	132,0	110,2	258,4	72,2	110,2	83,5	196,0	54,7	83,5		
3.	475,0	118,3	146,3	172,9	57,0	102,6	123,2	145,5	48,0	86,3		
4.	355,3	118,3	112,1	159,6	83,6	—	94,7	124,2	70,6	—		
5.	389,5	130,0	129,2	182,4	77,9	—	99,4	140,2	59,9	—		
6.	343,9	114,6	95,0	182,4	64,6	—	82,9	159,2	56,3	—		
В средн.	479,9	130,8	120,9	200,9	74,4	141,8	83,2	151,7	57,7	98,9		
			p	ō:	г	ü	k'	p	ō:	г	ü	k'
1.	623,2	124,5	121,6	186,6	83,6	83,6	144,4	97,6	149,5	67,1	67,1	116,0
2.	452,5	90,6	106,4	129,2	53,2	41,8	121,6	107,6	142,8	58,8	46,2	134,2
3.	592,8	118,5	148,2	171,0	57,0	76,0	148,2	125,0	144,3	43,8	64,2	125,1
4.	799,9	160,0	321,1	167,2	19,0	64,6	228,0	205,0	104,4	11,8	40,3	142,5
5.	765,7	153,2	330,6	176,7	24,7	43,7	190,0	215,3	115,2	16,1	28,5	124,0
6.	604,2	120,8	133,0	176,7	15,2	66,5	212,8	110,2	146,2	12,6	55,2	176,2
В средн.	639,7	127,9	193,6	167,9	42,1	62,7	174,1	143,4	133,7	35,0	50,2	136,3
			p	e:	ž	i	k	p	e:	ž	i	k
1.	923,4	184,5	205,2	319,2	140,6	114,0	148,2	135,5	173,0	75,8	61,7	80,2
2.	832,2	166,5	182,4	243,2	148,2	72,2	190,0	109,5	146,0	89,0	43,3	114,0
3.	543,3	109,1	76,0	201,4	106,4	58,9	106,4	69,7	184,6	97,6	54,0	97,6
4.	665,0	133,0	138,7	188,1	104,5	32,3	201,4	104,1	141,5	78,6	24,3	151,5
5.	674,5	134,9	182,4	171,0	110,2	32,3	178,6	135,2	126,8	81,7	23,9	132,3
6.	722,0	144,5	150,1	197,6	112,1	38,0	224,2	103,8	136,8	77,6	26,3	155,1
В средн.	727,1	143,5	155,8	220,1	120,3	57,9	174,8	98,0	151,4	81,7	38,5	121,7

Абсолютная и относительная длительность звуков
по пневмоосциллографическим данным в словах та:vrak 'быстро', ka:zyη 'береза'

Абсолютная длительность σ									Относительная длительность в % к средней длительности звука					
№№ измере- ний	Общая дли- тельность слова	Средняя дли- тельность звуков	Звуки и их конкретные длительности						Звукн					
			t	a:	v	г	a	k	t	a:	v	г	a	k
1.	647,9	108,0	129,2	167,2	64,6	79,8	77,9	129,4	119,8	154,9	59,8	74,0	72,2	119,9
2.	663,1	110,5	131,1	153,9	91,2	53,2	91,2	142,5	118,8	139,4	82,6	48,2	82,6	129,0
3.	703,0	117,2	142,5	123,5	28,5	96,9	64,6	248,9	121,5	105,4	24,3	82,6	55,1	212,8
4.	651,7	108,7	127,3	190,0	100,7	17,1	72,2	144,4	117,2	175,0	92,6	15,7	66,5	133,0
5.	779,0	129,9	277,4	159,6	98,8	15,2	74,1	152,0	213,5	122,8	76,1	17,0	57,0	170,0
6.	870,2	145,0	313,5	176,7	110,2	19,0	53,2	197,6	216,0	121,8	76,0	13,1	36,7	136,3
В средн.	719,1	119,8	186,8	161,8	82,3	46,8	72,2	172,4	151,1	138,3	68,5	41,7	61,6	150,1
1.	609,9	107,8	k 106,4	a: 201,4	z 114,0	y 74,1	η 114,0		k 98,8	a: 187,0	z 105,8	y 68,8	η 105,8	
2.	665,0	133,0	159,6	191,6	110,2	79,8	121,6		120,0	144,3	82,9	60,0	91,3	
3.	653,6	130,7	131,1	155,8	96,9	47,5	224,2		100,3	119,3	74,2	36,4	171,6	
4.	803,7	160,8	188,1	210,9	106,4	74,1	224,2		117,0	131,1	66,2	46,1	139,5	
5.	750,5	150,1	218,5	214,7	92,2	53,2	171,0		145,5	143,2	60,7	35,4	113,9	
6.	843,6	168,6	385,7	186,2	123,5	41,8	106,4		228,7	110,5	73,2	24,8	63,2	
В средн.	721,1	141,8	198,2	193,3	107,0	61,7	160,2		135,0	139,2	77,1	45,2	114,2	

Что касается долготы в двусложных словах, то существует предположение о ее позиционном характере²⁶. Отмечается, что широкие гласные становятся долгими в позиции перед слогом с узким редуцированным гласным. Однако не все случаи появления долгих гласных могут быть объяснены позиционными условиями, например: *mö:ra* 'волк', *ta:vrak* 'быстро', *to:yoɣa* 'дятел', *ka:baš* 'помощь', *sö:sk'äj* 'червь', *ša:žak* 'дуга (лука)', с другой стороны, в указанной позиции удлиняются не только широкие гласные, например: *še:de* 'семь', *e:zerek'* 'пьяный', *te:mir* 'железо', *se:mis* 'жирный', *re:žik* 'колыбель', *še:yerbe* 'двадцать' и т. д.

По всей вероятности, существующие долгие гласные (не являющиеся результатом компенсирующего удлинения) могут быть объяснены с позиций диахронической тюркологии после тщательного исследования просодии тюркских языков, поскольку эта долгота в рассмотренных выше группах слов на современном этапе развития языка на сегментном уровне избыточна и не является дифференциальным фонематическим признаком.

Наличие первичных долгих гласных, обнаруженных в ряде односложных и двусложных слов, восстановление первичных долгих гласных при наращении грамматических формантов, существование группы слов с долгими гласными, которым в якутском и туркменском соответствуют краткие, имеющие, однако, аналогию с долгими гласными в некоторых других тюркских языках, рефлексы первичных долгих в односложных словах — все это, как и другие упоминавшиеся выше особенности, свидетельствует о проявлении древнейших черт тюркского вокализма в чулымско-тюркском языке.

²⁶ М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 42, 58; Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. М., 1964, стр. 37—38; М. И. Бурgeois. Об образовании и развитии некоторых долгих гласных в хакасском языке. — «Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», XII. Абакан, 1966, стр. 82—83.

А. Ш. САДЫХОВ

ЗНАЧЕНИЕ ДИАЛЕКТНЫХ ФАКТОВ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО СИНТАКСИСА АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

Как известно, прозаические памятники по сравнению с поэтическими являются более надежным и полным источником информации о синтаксическом строе зафиксированного в них языка. Однако в силу известных исторических причин большинство средневековых памятников азербайджанского языка написаны стихами, проза же представлена главным образом переводами («Шухаданама»¹, «Шейх Сефи»²), язык которых обнаруживает сильное влияние персидских синтаксических конструкций. В качестве подтверждения приведем фрагменты из тезкире «Шейх Сефи» — памятника XVI века: *Mänüm mäqsudum ol idi kim bu agçälär häzrät šejxünki olä, joq kim topraqä saçä* (50) 'Моя цель [состояла] в том, чтобы эти деньги стали принадлежать хазрату шейху, а не были разбросаны по земле'; *G'ežä häzrät šejxi düšdä g'ördüm häm ol mänzildä kim andän hälva g'ötürmüš idim, durmiš olä idi* (871) 'Ночью я видел во сне хазрата шейха, он стоял в той самой квартире, откуда я взял халву'.

От влияния арабских и персидских оборотов не свободны и дошедшие до нас немногочисленные оригинальные прозаические произведения XVII, XVIII и XIX веков. Например:

...*vükäläji — alimigdarunuzi ol žämi bädkirdarun ki, bu iki silsileji — äzimänün mähäbbät vä ülfätlärinä baisi-xäläldürlär, däf' vä räf'lärinä ämr edäsiz* (XVII в.)³ '...вы бы дали приказ о пресечении всех злонamerенных, мешающих любви между двумя этими большими народами'; ...*ol usta ki, mäžlis düzüb söhbät edirdi, nežä ola idi?* («Шәһрияр», XVIII в.) '...тот мастер, который устроил пир и вел беседу, что с ним стало?'; *Tämsili — qisseji vaqiä ki, keffijjätü dörd mäžlisdä bäjan olub, itmamä jetir* (М. Ф. Ахундов, XIX в.) 'То событие, которое изображалось в четырех сценах, завершилось'.

В приведенных нами предложениях из тезкире «Шейх Сефи» персидское слово *pä* (پا), играющее главную роль в образовании подобной синтаксической конструкции, переведено на азербайджанский язык словом *jox*, тогда как М. Ф. Ахундов (XIX в.) в аналогичных случаях

¹ Сектор восточных рукописей Академии наук Азербайджанской ССР; инв. № Д-535. 13659

² Ленинградская государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; каталог Ханькова, 91.

³ Пример взят из письма Шаха Сефи I (1629—1642), направленного русскому царю Михаилу Романову. См.: С. М. Онуллаһи, А. Г. Хәсəнов. Сəфəви һөкүмдарларынын даһа ики намə'лум мəkтүбу һаггында. — «Ученые записки Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова. Серия истории и философии», 1974, № 4, стр. 84—93.

оставлял слово *nä* без перевода его на родной язык. Например: *Bu hädisi män onlagın öz ähvalyna isnad ediräm, nä elmläginä* (Ахундов, I, 307) 'Этот рассказ я отношу за счет их положения, а не [их] учености'.

При установлении характерных особенностей той или иной синтаксической конструкции, встречающейся в азербайджанских письменных памятниках, исключительное значение приобретают диалектные факты. Зафиксированные в письменных памятниках определительные словосочетания и способы синтаксической связи, а также своеобразный порядок членов предложения, не встречающиеся в современном литературном языке, сохранились в азербайджанских диалектах и говорах. Они вполне согласуются с внутренними закономерностями синтаксического строя азербайджанского языка. Кроме того, в диалектах и говорах часто встречаются такие синтаксические элементы, которые не зафиксированы и в письменных памятниках. Выявление этих элементов может оказать большую услугу исследователю исторического синтаксиса азербайджанского языка.

Диалекты азербайджанского языка широко изучались с точки зрения их лексики, фонетики и морфологии, синтаксис же диалектов до сих пор не стал предметом специального монографического изучения.

При исследовании исторической грамматики возникают трудности, связанные с анализом диалектных данных. Приводимые в диалектологических работах тексты не всегда удовлетворяют необходимым требованиям. Значительную часть этих текстов составляют поэтические отрывки, не поддающиеся серьезному синтаксическому анализу. Часто цитируемые диалектные тексты представляют собой фактически записи более или менее образованных людей, стремящихся выразить свои мысли на языке, близком к литературному. Нередко эти записи состоят из слишком коротких фрагментов речи, пригодных для изучения фонетики, лексики и морфологии, но недостаточных для анализа синтаксической системы диалекта.

Нам кажется, что сам процесс собирания диалектных материалов должен производиться на основе определенных научно разработанных принципов, а тексты — отражать все богатство и многообразие языка. Опыт лингвистических исследований указывает на то, что целый ряд языков изучался именно по таким текстам. Справедливо сказано, что «надо сделать так, чтобы наши историки могли использовать работы по диалектологии...»⁴.

В диалектах и говорах азербайджанского языка широко отражено такое синтаксическое явление, как инверсия определения и определяемого, зафиксированная в письменных памятниках. Обратимся к примерам. В письменных памятниках: *Amma Näzu Nuru šair ittifaqān çayğyltmuş g'älibdir* (Ахундов, I, 37) 'А Гаджи Нуру, поэт, пришел случайно, без приглашения'.

В диалектах и говорах: *Näsif, doxdur di:r sâ turšu jimax jaramaz* (Нуха, 165) 'Насиф, доктор говорит, что тебе нельзя есть кислое'.

В письменных памятниках встречаются случаи, когда группа определения употребляется после определяемого. Например: *Bunun Guzylkändin janunda bir neçä jeri var, bir balaža davalı* (Вэзиров, 322) 'У него есть несколько усадеб у Кызылкенда, [но они] несколько спорные'.

Такие же факты имеются и в бакинском диалекте. Например: *Irağ olsun, Balaxanımın bir oğlu olub, sol älinün bärmayi bir-birinä bitişig'* 'У Балаханум родился сын, пальцы левой руки [его] срослись вместе'.

⁴ Из выступления М. Ш. Рагимова на координационном совещании по вопросам диалектологии тюркских языков, состоявшемся в г. Баку 10—13 декабря 1956 г. (см.: «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. XII. Баку, 1958, стр. 152).

Известно, что первый тип определительного словосочетания в сравнении со вторым и третьим типами более древний; когда-то первый тип выражал содержание и второго, и третьего типов. Это можно наблюдать и в диалектах азербайджанского языка. Например:

В письменных памятниках: *Säpin kimi sahibi olän män g'ünä galar* (Вэзиров, 68) 'У кого такой хозяин, как ты, [тот] окажется в моем положении'.

В диалектах и говорах: *Ujezd näčälnix olurdu, hämi šä:rä baxyrdu, hämi ujezdä* (Нуха, 165) 'Начальник уезда, бывало, управлял и городом, и уездом'.

Как в письменных памятниках, так и в диалектах и говорах азербайджанского языка иногда второй компонент второго и третьего типа определительного словосочетания употребляется с двойным аффиксом принадлежности. Остановимся на примерах.

В письменных памятниках: *Arvadlar tamam alaçuyun dalysyndan qulaq asurdylar* (Ахундов, I, 175) 'Все женщины подслушивали [их] из-за шатра'.

В диалектах и говорах: *Sifdä ilisi üş manyt jarym alyllar* (Нуха, 166) 'В первый год берут три с половиной рубля'.

В современном азербайджанском литературном языке имеются определительные словосочетания, в которых первый компонент употребляется с личным местоимением первого и второго лица множественного числа в родительном падеже, а второй компонент — без аффикса принадлежности. Например: *bizim ölkä* 'наша страна', *sizin ev* 'ваш дом'.

В диалектах и говорах азербайджанского языка встречаются определительные словосочетания, в которых первый компонент употребляется с личным местоимением первого и второго лица единственного числа в родительном падеже, второй компонент — также без аффикса принадлежности. Например: *Mä:m bešäžän qojun varđi* 'У меня было около пяти овец'; *Sänün jer mänimdi* (Муған, 152) 'Твоя земля — моя'.

Такие факты не могут оставаться вне поля зрения ученых, исследующих историческую грамматику языка. Как известно, подобные сочетания существовали еще во времена Махмуда Кашгари. Например:

Мәниң йүздин ытлын 'Уходи прочь с моих глаз'⁵.

Қанды мәниң қанығ 'Удовлетворено мое желание'⁶.

Ол мәниң таварығ саттурды 'Он заставил продавать мои товары'⁷.

В письменных памятниках азербайджанского языка распространен случай, когда второй или третий тип определительного словосочетания, употребленный с переходным глаголом, выступает с неполными формами аффикса винительного падежа. Например: *Eşq žamun nuş qyl huşjar isän* (Нәсими, II, 428) 'Если ты в своем уме [в сознании], то выпей бокал любви'; *Songrä padšah bujurdi, Kiş gäl'äsin söküb xərab ejlädilär* (Шәки хан..., 3) 'Потом падишах приказал, [и они] разрушили крепость Киш'.

Подобные факты отмечаются и в диалектах азербайджанского языка. Например: *Joldaşym pambyu alasyn vugmaуа g'etdi* (Гәрб групу, 164) 'Моя супруга пошла выдолоть дикорастущие травы на хлопковом поле'; *Altanun sarlaуun jemillär* (Нахчыван, 160) 'Черенок яблока не едят'.

Известно, что управление с послелогами — явление более позднее. В письменных памятниках, так же как и в диалектах и говорах азербайджанского языка, встречается управление и без послелогов. В совре-

⁵ Махмуд Кашгарий. Дивāну луғāt-ит турк. Ташкент, 1960, т. I, стр. 256.

⁶ Там же, стр. 357—358.

⁷ Махмуд Кашгарий. Дивāну луғāt-ит турк. Ташкент, 1961, т. II, стр. 213.

менном же литературном языке наличие послелога обязательно. Например: *Özi danišairdyуна danišdim* (Нуха, 163) 'Я говорил потому, что он сам заставлял говорить'.

Управление в диалектах азербайджанского языка во многом отличается от управления в современном литературном азербайджанском языке, и поэтому диалектный материал представляет исключительный интерес для изучения исторической грамматики. Так, например, в западной группе диалектов и говоров азербайджанского языка слово *vaxt* иногда, даже будучи не управляемым переходными глаголами, употребляется с аффиксом винительного падежа. Например: *Indi bu vaxty jetiſer tut, sonğa g'ilas* (Гэрб групы, 163) 'Теперь в это время созревает [сначала] тута, а потом — черешня'.

Это связано с явлениями, характерными для ранних этапов развития языка. Дело в том, что в соответствии с принципом экономии здесь опущено слово *il*; слово *vaxt*, когда-то составлявшее со словом *il* (в родительном падеже) третий тип определительного словосочетания, утратив первый компонент, при сохранении аффикса принадлежности, смогло сохранить и его значение. Сравним: *Indi ilin bu vaxty jetiſer tut, sonğa g'ilas* 'Теперь, в это время года созревает [сначала] тута, а потом — черешня'.

Приведенные ниже предложения, встречающиеся в нахичеванском диалекте и говорах, претерпели аналогичное изменение и в структуре. Например: *Indi bu sahadı qalxozun malčysuям* (Нахчыван, 179) 'Теперь, в данное время, я скотовод колхоза'.

Таким образом, диалектологические данные позволили выявить некоторые особенности развития, некогда имевшиеся в языке.

В диалектах и говорах азербайджанского языка немало интересных фактов, связанных с частым нарушением согласования в числе.

В письменных памятниках: *Züda düſdi bir-birindän onlar* (Фэдаи) 'Разлучились они друг с другом'.

В диалектах и говорах: *Ular süzün öjä g'idibmi?* (Губа, 192) 'Приходили ли они в ваш дом?'; *Üç adam orda durollar* (Дманиси, 89) 'Трое [букв. три человека] стоят там'.

Как известно, деепричастия образуются от самостоятельных глаголов. В диалектах и говорах азербайджанского языка можно найти этому множество подтверждений.

Слова, которые, согласно нормам современного азербайджанского литературного языка, должны были бы выступать в предложении как деепричастия, в диалектах употребляются с аффиксами сказуемости, то есть морфологически оформляются как самостоятельные сказуемые. Например: *Agäbäpün oxı ulda sindi qaldi* (Губа, 189) 'Ось арбы в пути сломалась и застряла [арба]'.

В письменных памятниках: *Azrail bir g'öjärçin oldu, pänžägädän uçdu, g'etdi* (КДГ, 86) 'Азраил превратился в голубя и улетел, ушел через окно'.

В кубинском диалекте азербайджанского языка сказуемое, выраженное глаголом в некатегорическом будущем времени, не имеет личного аффикса. Это относится в основном к тем случаям, когда подлежащее выражается личным местоимением первого лица, множественного числа. Например: *(biz) sarı g'ül dijär, aү g'ül dijär* (Губа, 189) 'Мы говорим желтый цветок, белый цветок'.

В письменных памятниках азербайджанского языка встречаются такие синтаксические конструкции, в которых определенный член, выраженный указательным местоимением, определяется посредством стояще-

го перед ним добавочного предложения — приложения. Сказуемое таких предложений обычно выражается словами *var* или *de*. Например: *Amma Häsän Soltanyn qäjäsı, Alämi-ara adlu bir tarix kitabı var, o kitabda böjlä jazubdur...* (Шәки хан..., 1) 'А происшедшее с Гасан-Султаном, в существующей книге по истории, именуемой «Алами-ара», описано так'; *Daşbulay kändinin janında Kotandüzü dijärlär, orada ordıny qojub bir para zıbdä qoşun g'ötürüb G'äläsän-G'öräsän täräinä g'edar* (Шәки хан..., 7) 'У деревни Дашбулак, [в местности], называемой Котандюзю, оставил армию, и, отобрав некоторое число сильных воинов, пошел в сторону Гяласан-Гёрасан'.

Адекватная синтаксическая конструкция встречается и в диалектах азербайджанского языка. Например: *Biz byrdan g'edırx Şırunä kändı var, ora...* (Нахчыван, 284) 'Мы идем отсюда туда, в село Шируне'; *O, Värädüz çajı dejäryx, oräda işlijir* (Нахчыван, 284) 'Он работает там, у реки, называемой Вередюз'.

А в «Китаби-Деде Коркуд» добавочное предложение обычно выражает собственное имя нарицательного существительного, перед которым ставится слово *bir*. Например: *Oyuzda Duxa Goşa oylu Däli Domruı derlärdı bir är vardu* (КДГ, 84) 'В Огузе, как говорили, был Дели Домрул, сын Духа Коджи, [большой] удалец'.

Эти факты еще раз свидетельствуют о том, что в диалектах и говорах азербайджанского языка содержится богатый материал о синтаксических особенностях тюркских языков в древности.

Начиная с XIX в., после того как Азербайджан вошел в состав России, и культура азербайджанского народа вступила в тесный контакт с русской демократической культурой, лексика и синтаксис азербайджанского языка начали испытывать сильнейшее воздействие русского языка. К проявлениям этого воздействия следует отнести и начавшийся процесс калькирования русских синтаксических форм. Так, например, широкое распространение получает калькированное сложноподчиненное предложение с союзом *hansy ki*, часто встречающееся у Н. Везирова, получившего высшее образование в Петербурге и Москве. Например: *O arvaddan häzär etmäk g'äräk, hansy ki, äri evä qäländä symsyuyun sallaja, äri evdär g'edändän songa şallaq ata* (Везиров, 192) 'Надо остерегаться такой жены, которая вешает нос, когда в дом приходит муж, а после ухода мужа из дома предается веселью'.

Подобные обороты становятся общеупотребительными в письменном языке. Например: *Seretelinin ävvälınzi müällimäsi mehriban anasy olubdur, hansy ki, öz äsrindä bilikli vä elmlı arvadlardan birisi hesab olunurdu* (Көчәрли, 178) 'Первым учителем Церетели была его любящая мать, которая считалась одной из знающих и ученых женщин своего времени'; *[Baloylan] Gärar belädir ki, Almaz, hansy ki, bir nežä bid'ät işlärdä olub vä kändä dava salyr, hökumät onu müällimlikdän çuxartsyn...* (Чаббарлы, 46) '[Балоглан:] Решение таково, что Алмаз, которая была причастна к некоторым неблагоприятным поступкам и способствовала [возникновению] драки в селе, отстраняется от преподавательской работы администрации'.

Сложноподчиненные предложения с союзом *hansy ki* встречаются и в диалектах. Например: *... anzaq bylardan biri, hansy ki, çox fyndyx çuxdu, o sečilärdı* (Нахчыван, 288) '... а из этих [двух] тот, который набрал больше орехов, считается избранным'⁸.

⁸ В свое время в азербайджанской деревне баллотировка производилась при помощи орехов, которые опускались в специально предназначенный для этого сосуд. Избранным считался тот, кто набрал наибольшее количество орехов.

По нашему мнению, калькированные сложноподчиненные предложения с союзом *hansu ki* перешли в диалекты из разговорного языка интеллигенции. Кстати, и в настоящее время подобные предложения широко распространены в разговорной речи, однако для диалектов и письменного языка они не характерны. Очевидно, консервативность норм письменного языка этому препятствует.

Изучение диалектных материалов приобретает особую актуальность в связи со все усиливающимся со временем нивелированием диалектных различий под воздействием литературного языка.

Публикация текстов, отражающих особенности азербайджанских диалектов и говоров, — задача, несомненно, не менее важная, чем публикация письменных памятников.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Ахундов* — М. Ф. Ахундов. Эсэрлэри. Азерб. ССР ЕА Нəшријјаты, I чилд, 1958, II чилд, 1961.
- Бакы* — М. Ш. Ширəлијев. Бакы диалекти. Бакы, 1957.
- Вəзиров* — Н. б. Вəзиров. Эсэрлэри. Бакы, 1935.
- Губа* — Р. Э. Рүстəмов. Губа диалекти. Бакы, 1961.
- Гəрб групу* — Азербайжан дилинин гəрб групу диалект вə шивəлэри. Бакы, 1967.
- Дманиси* — В. П. Джангидзе. Дманисский говор казахского диалекта азербайджанского языка. Баку, 1965.
- Кəчэрли* — Ф. Кəчэрли. Сечилмиш эсэрлэри. Бакы, 1963.
- КДГ* — Китаби-Дəдə Горгуд. Бакы, 1962.
- Муған* — Азербайжан дилинин Муған групу шивəлэри. Бакы, 1955.
- Нахчыван* — Нахчыван МССР-ин диалект вə шивəлэри. Бакы, 1962.
- Нуха* — Муса Исламов. Азербайжан дилинин Нуха диалекти. Бакы, 1968.
- Нəсими* — Нəсими. Эсэрлэри (Елми-тəнгиди мəтн). I, II, III чилдлэр. Бакы, 1973.
- Чаббарлы* — Ч. Чаббарлы. Эсэрлэри. Бакы, 1968.
- Шəки хан...* — «Шəки ханларынын ихтисар үзрə тарихи». Рукопись XIX века. Рукописный фонд ЛОИВАН СССР; шифр: Б. 748.

А. А. ЦАЛКАЛАМАНИДЗЕ

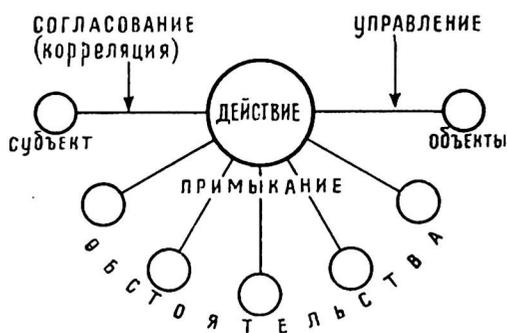
ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕСТА В ЯЗЫКЕ «АТЕБАТ-УЛ-ХАҚАЙЫҚ»

В тюркском языкознании в течение длительного времени управляющие единицы, в частности глаголы и управляемые элементы — падежные и послеложно-падежные формы имени, изучались изолированно друг от друга, несмотря на существующую между ними тесную взаимосвязь. В настоящее время назрела необходимость в обобщении отдельно изученных фактов и раскрытии взаимосвязей между различными единицами языка.

Данное сообщение посвящено анализу одного из таких явлений — валентности лексико-семантических групп глаголов и функционированию падежных и послеложно-падежных форм при них, то есть вопросам взаимодействия между значениями глагола и управляемых форм.

Под валентностью глагола понимаются его потенциальные способности быть распространенным с помощью тех или иных групп слов и их форм¹.

Лексическое значение глагола может быть распространено с помощью следующих синтаксических категорий:

Как убедительно показал С. Н. Иванов, «... различия семантические и, как следствие, синтаксические — между глаголами вообще затрагивают сферу дополнений и проявляются в ней: все глаголы могут иметь при себе подлежащее и различные определения — обстоятельства, но сфера

¹ См. об этом: М. Д. Степанова. Теория валентности и валентный анализ. М., 1973; Т. В. Король. Валентность как лингвистическое понятие. Рязань, 1972; С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка. Л., 1959; L. Tesnière. Comment construire une syntaxe. — «Bulletin de la Faculté des lettres de Strasbourg», 1934, № 7.

дополнений для каждого глагола специфична². Все без исключения полнозначные глаголы могут распространяться обстоятельствами места, времени и образа действия, выраженными наречиями, числительными и послеложно-падежными, а иногда также деепричастными и причастными формами. Поэтому в случаях, когда в качестве обстоятельства места, времени, образа действия функционируют послеложно-падежные формы, они должны рассматриваться как формы неуправляемые, примыкающие к глаголу, то есть как самостоятельный детерминант предложения³: *tiling bekte tutgil* (131)⁴ 'придерживай язык за замком'; *bir ilgin tutup şehd birin zehr қатар* (206) 'держа в одной руке мед, другой он подмешивает яд'; *künde arta turur bu bida* (404) 'с каждым годом множатся эти ереси'; *bilig birle alim уоқар уоқlade* (101) 'благодаря знанию ученый вознесся'. Однако характер обстоятельства места при глаголах, выражающих местонахождение и движение, несколько отличается от такового при других глаголах.

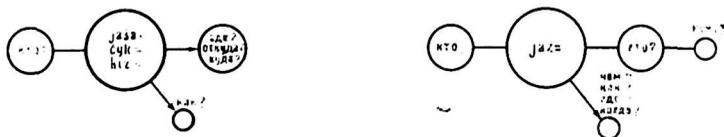
Глаголы местонахождения и ряд глаголов движения, обозначающих направление и исходный пункт действия, требуют для раскрытия своего лексического значения наличия обстоятельств места: *ajunda ati қalsu* (70) 'чтобы его имя осталось в (этом) мире'; *tili yalğan erdin yiraқ tur* (153) 'стой подальше от обманщиков'; *қали çikса bektin* (132) 'если выйдет из-под замка'; *қafасқа кирir* (460) 'войдет в клетку'; *ribatka түsügli* (178) 'тот, который останавливается в Рабате'.

Таким образом, здесь обнаруживается двойственность природы взаимоотношения значения и функций послеложно-падежных форм, а также взаимодействия обстоятельства места с семантическими классами глаголов. Двойственность значения и функционирования послеложно-падежных форм проявляется в следующем:

во-первых, при всех глаголах в позиции обстоятельства места формы местного, дательного и исходного падежей имеют самостоятельное обстоятельственное значение и могут быть заменены наречиями;

во-вторых, эти формы, сохраняя самостоятельное обстоятельственное значение, при значительном числе глаголов выступают, примыкая к ним, в качестве факультативных элементов и самостоятельных распространителей предложения;

в-третьих, эти же формы, сохраняя самостоятельные обстоятельственные значения, становятся элементами, необходимыми для вскрытия лексического значения слова при определенном классе глаголов, что можно показать следующей таблицей:

Если исходить из того, что управляемым элементом является форма, необходимая для выражения лексического значения управляющего сло-

² С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абу-л-гази-хана. Грамматический очерк (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент, 1969, стр. 121.

³ См.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962; Ю. Ю. Шведова. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. — «Вопросы языкознания», 1964, № 6, стр. 77—93; *её же*. Существуют ли все-таки детерминантные распространители предложения. — «Вопросы языкознания», 1968, № 2.

⁴ Ссылки даются на следующее издание: Edip Ahmed b. Mahmud Jügneki. Atebetü'i-hakayık. Istanbul, 1951. В скобках при примерах указывается порядковый номер строки.

ва, то следует признать, что глаголы лексико-семантической группы местонахождения и движения управляют послеложно-падежными формами в обстоятельственном значении. А. Н. Кононов справедливо утверждает, что послеложно-падежные формы выступают при этих глаголах как обстоятельственное дополнение⁵. На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Вопреки мнению Е. Куриловича, так называемые пространственные падежи в первичной функции (в обстоятельственном значении) могут функционировать как управляемые формы и становятся необходимым элементом, из возможных валентностей глагола, для вскрытия его лексического значения.

2. При глаголах движения и местонахождения снимается противопоставление обстоятельства (примыкающей формы с самостоятельным значением) и дополнения (управляемой формы) — при этих глаголах послеложно-падежные формы выступают как управляемые формы и как дополнения с обстоятельными типами значения.

3. Управляемая и самостоятельно-номинативная функции в послеложно-падежных формах находятся в диалектическом единстве; одна и та же форма, в определенном значении примыкающая к одним лексико-семантическим группам глаголов, в том же значении выступает как управляемая при другой лексико-семантической группе.

Выше была рассмотрена только позиция обстоятельства места при некоторых лексико-семантических группах глаголов. Сложный и диалектический характер носят значения управляемого адресатного дополнения в дативе при глаголах давания, обстоятельства цели при различных лексико-семантических группах глаголов, значения объекта-источника и обстоятельства причины в исходном падеже и многие другие стороны взаимоотношений членов глагольной валентности. Все эти и многие другие вопросы могут стать предметом специального исследования.

⁵ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, § 122, стр. 86.

А. И. ЧАЙКОВСКАЯ

ОБ АРАБОЯЗЫЧНЫХ ГРАММАТИКАХ СТАРОТЮРКСКОГО ЯЗЫКА

Сравнительный анализ структуры и грамматических частей арабоязычных филологических сочинений, посвященных старотюркскому языку, проводится в настоящей статье на материалах «Китаб маджму' тарджуман турки ва 'аджами ва мугали» анонимного автора¹, «Китаб тарджуман фарси ва турки ва мугули»², «Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атрак» Абу Хайяна ал-Андалуси³, «Китаб ат-тухфа аз-закийя фи-л-луга ат-туркийя» анонимного автора⁴. Транскрипция этих сочинений у различных авторов различна, даже названия приводятся каждым из них по-своему.

В тюркологической литературе рассматриваемые памятники и некоторые другие, подобные им, известны под общим названием «словари»: арабо-кыпчакские, арабо-турецкие и т. п. Однако по отношению к упомянутым выше четырём сочинениям этот термин не может быть применен по следующим двум причинам: 1) кроме словарной, в памятниках имеется и самостоятельная грамматическая часть, причем в двух книгах — втором «Тарджумане» и «Ат-тухфа» — словарная часть включена в состав грамматической в виде некоторых ее подразделов, а в двух других — грамматическая часть по значению не уступает словарной — в «Тарджумане» М. Хоутсмы два первых раздела — словарная часть, а два последующих — грамматическая, в «Китаб ал-идрак» первая часть представляет собой словарь, а вторая — грамматику; 2) списки глоссариев иног-

¹ См.: *M. Th. Houtsma. Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894.*

² *П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900.* Мы привели название сочинения, указанное П. М. Мелиоранским на основании пяти исследованных им списков трактата. Позднее был обнаружен шестой список этого сочинения и опубликован Муаллимом Рифатом *معلم رفعت — کتاب حلیة الانسان و حلیة اللسان* (Istanbul, 1921), где название трактата дается иначе: «Китабу Хуллийят ул-инсан ва Хулбят ул-лисан» и называется имя автора — Ибн Муханна. С. Е. Малов осуществил сравнительный анализ последнего списка и публикации П. М. Мелиоранского [см.: «Ибн Муханна о турецком языке». — «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук (Академии наук СССР)», III. Л., 1928]. Сделанные им уточнения касались в основном форм слов и их перевода.

³ «*Kitab al-Idrak li-lisan al-Atrak*». Endülüsülü Esiriddin Abu Hayyan eseri. Istanbul, 1931. Впервые этот памятник был опубликован в 1891 г.

محمد بن يوسف غرنتى — كتاب الادراك للسان الاتراك، اثر اعداى مديرى مصطفى بك، استانبول ۱۳۰۹

⁴ *Ettühiet-üz-Zekiyye fil-lugat-it-Türkiyye, Çeviren Besim Atalay. Istanbul, 1945.* Имеется также узбекский перевод этого памятника С. М. Муталлибова — «Аттухфатуз закияту филлугатит туркия [туркий тил (кипчоқ тили) ҳақида ноёб тухфа]». Тошкент, 1968.

да приводятся по первому тюркскому, а не арабскому слову («Китаб ал-идрак») ⁵.

Сам факт, что эти сочинения известны под названием «словари», весьма показателен. Тюркологи черпали и черпают из них почти исключительно лексический материал или же лексико-грамматический, обычно привлекая для сравнения примеры из словарной или грамматической части, зачастую игнорируя при этом грамматические трактовки самих авторов сочинений.

В настоящее время имеются работы, посвященные изучению каждого из вышеназванных памятников в отдельности ⁶. Исследовательская часть этих трудов построена также, как правило, на анализе лексического и лексико-грамматического материала памятников, изложенного, по выражению П. М. Мелиоранского, в «доступной для европейца форме». Кроме того, материалы этих сочинений привлекались для исследования в тех или иных аспектах многими учеными ⁷.

Что же касается филологических учений арабских грамматиков, то они до сих пор не были никем специально изучены, хотя на необходимость и полезность такого исследования, особенно в сравнении со взгля-

⁵ А. К. Курышжанов в своей книге «Исследование по лексике „Тюркско-арабского словаря“» называет вслед за М. Хоутсма «тюркско-арабским» словарем первый из приведенных здесь «тарджуманов». (Алма-Ата, 1970). Но в списках глоссариев этого сочинения слова приводятся по первому арабскому, а не тюркскому слову [см.: А. К. Курышжанов. Указ. раб., стр. 16].

⁶ L. Bouvat. Une Grammaire turque du Huitième siècle de l'Hégire. — Actes du XIVe congrès international des orientalistes etc, pt. 3. Paris, 1907; A. Battal. Ibnü-Mühenna luğati. Istanbul, 1934; М. Н. Маженова. Абу-Хайян — исследователь кипчакского языка. Материалы к истории казахского языка. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1969; Н. А. Расулова. Исследование языка «Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атрак» Абу Хайяна. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1969; А. К. Курышжанов. Исследование по лексике «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата, 1970; М. Т. Зияева. Исследование памятника XIV в. «Китаб ат-тухфат уз-закыйя фил-лугат-ит-туркийя» (лексика, морфология, словообразование). Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1972; А. Ю. Юнусов. Исследование памятника XIV в. «Тарджуман турки ва 'аджами ва мугали» (морфология, лексика, словарь, перевод). Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1973.

⁷ A. Inan. XIII—XIV yüzyıllarda Mısır'da oğuz-türkmen ve kırçak lehçeleri ve «halis türkçe». — TDAYB. Ankara, 1953; K. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954; М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955; Э. Н. Наджип. Кипчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV в. Автореф. докт. дисс. М., 1965; ego же. Заслуги арабских филологов в области изучения тюркских языков. — В сб.: «Семитские языки», вып. 2, ч. 2. М., 1965; A. Zajczkowski. Vocabulaire arabe-kiptchak de l'époque de l'Etat Mamelouk. — «Bulgat al-Muštaq fi lugat at-Türk wa-l-Qifzaq», I-ere partie. Le Nom, Warszawa, 1958, II-ere partie. Le Verbe, Warszawa, 1954; ego же. Chapitres choisis du vocabulaire arabe-kiptchak. Warszawa, 1965; O. Pritsak. Das Kiptschakisch. Philologiae Turcicae Fundamenta, t. I. Wiesbaden, 1959; Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962; J. Eckmann. Chagatai Manual. Bloomington, 1966; М. Ш. Рагимов. История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке. Автореф. докт. дисс. Баку, 1966; Э. И. Фазылов. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV в. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1967; В. А. Звегинцев. История арабского языкознания. М., 1968; B. Flemming. Ein alter Irrtum bei der chronologischen Einordnung des Tarğuman turki wa 'ağamı wa mugalı, Der Islam, 44. Hamburg, 1968, стр. 226—229; З. Б. Мухамедова. Исследования по истории туркменского языка XI—XIV вв. по данным арабоязычных филологических сочинений. Автореф. докт. дисс. М., 1969; Ш. А. Файзуллаева. Исследование языка памятника XIV в. «Китабу булгат ал-муштак фи-л-лугат ат-турк ва-л-кифчак» Джамал ад-Дина Турки (грамматика, лексика, глоссарий и перевод памятника). Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1969; Ш. Ш. Шукуров. Фешъ тарихидаи (кадимги туркий ёдгорликлар тилида майл ва замон формалари). Тошкент, 1970; A. Bodrogligeti. A grammar of mameluke-kiptchak. — «Studia Turcica». Budapest, 1971, стр. 89—102.

дами современных лингвистов, еще в 1900 г. указывал П. М. Мелиоранский⁸.

Грамматические классификации в арабоязычных филологических трактатах не только принципиально отличаются от известных нам европейских, но имеют и другие, индивидуальные для каждого сочинения особенности, в разной степени отличающие их также и от традиционных арабских грамматик.

Бесспорно, что все рассматриваемые сочинения, будучи написанными арабоязычными авторами на территории арабских государств Египта и Сирии, создавались под влиянием или на основе традиционной арабской грамматики. Однако, как показывает анализ, говорить о строгом и бескомпромиссном следовании их авторов арабскому образцу было бы несправедливо. Так, В. А. Звегинцев, первым предпринявший попытку сравнительно-исторического изучения процесса формирования и основных свойств арабской грамматической системы, пишет, в частности, что арабскими грамматиками «иные языки рассматриваются сквозь призму арабского языка и подгоняются под существующие в нем грамматические категории без всякого снисхождения к их структурным особенностям»⁹. И далее: «Идея сравнения абсолютно чужда арабской лингвистической мысли, вследствие чего многие явления ускользнули от ее внимания или были поняты неправильно. Так, воспитанные на арабской грамматике филологи, описывая грамматику турецкого (sic!) языка, не заметили или не придали никакого значения такому характерному явлению турецкого языка, как сингармонизм гласных... Все создаваемые арабами иноязычные грамматики имели узко практические цели»¹⁰. Вопрос о характере трактовки и классификации грамматических явлений тюркского языка арабскими филологами до сих пор в тюркологии специально не исследовался, чем и объясняются приведенные выше выводы. Результаты же нашего анализа показывают иное.

Упомянутые арабоязычные филологические трактаты по старотюркскому языку неоднотипны ни по своей структуре, ни по характеру изложения материала, ни по его объему и уровню грамматических классификаций.

Наименее полным в этом отношении является «Тарджуман», изданный М. Т. Хоутсма¹¹. Книга состоит из четырех разделов, которым предшествует авторское вступление, содержащее отдельные сведения о фонетике (кыпчакский диалект) и план сочинения по разделам, весьма, кстати, отличный от действительного. Первый раздел, посвященный именам, представляет собой список различных названий, сгруппированных по значениям в несколько глав, и не содержит ни одного грамматического правила касательно имен. Второй раздел включает другой список слов — глаголы в форме повелительного наклонения с показателем *كل، غل، قل* расположенные в порядке арабского алфавита по первому арабскому слову. В начале раздела указывается, что такая форма глагола обозначает повеление по отношению ко 2-му лицу. Третий раздел посвящен спряжению глагола по трем временам: прошедшему, настоящему-будущему и будущему, по трем лицам, единственному и множественному числам в положительной и отрицательной формах, однако показатели лица

⁸ П. М. Мелиоранский. Указ. раб., стр. IV.

⁹ В. А. Звегинцев. Указ. раб., стр. 6.

¹⁰ Там же, стр. 80.

¹¹ Вопрос о датировке этого памятника является спорным. Согласно прочтению М. Т. Хоутсма, дата написания — 27 шаъбана 643 г. х. (28 января 1245), что в 1968 г. было оспорено Б. Флемминг, согласно доказательствам которой памятник датируется 27 шаъбан 743 г. х. (25 января 1343 г.), см.: В. Flemming. Указ. раб., стр. 227.

и времени при этом не расчлняются. Основой для образования всех форм глагола автор считает повелительную его форму с упомянутым выше показателем. Для образования любой формы глагола он рекомендует заменить этот показатель другим требуемым формантом. Четвертый раздел содержит сравнительно небольшой перечень отдельных аффиксов, послелогов, местоимений с указанием их значений и тюркские переводы арабских частиц. В разделе частиц рассматривается и «неизменяемый» глагол *idi*. О каждой из частиц сообщается, что она присоединяется к концу любого слова, то есть глагол и имя здесь не дифференцируются. Грамматический материал, таким образом, распределен по двум разделам по принципу изменяемости или неизменяемости форм: изменяемые глагольные формы структурно противопоставлены всем остальным языковым единицам, по мнению автора, неизменяемым.

Итак, хотя грамматическая часть этого сочинения выглядит явно фрагментарной по сравнению с остальными тремя, отдельные элементы сравнительного подхода в исследовании тюркского языка здесь все-таки можно отметить: а) указание на наличие диалектального различия в фонетике и лексике старотюркского языка (хотя в наибольшей степени это характерно для сочинения Абу Хаййана); б) трехвариантный показатель повелительной формы глагола *كل، غل، قل* с иллюстративными примерами на каждый случай; в) спряжение глагола по трем временным аспектам, что совершенно не свойственно системе арабского глагола; г) приведены тюркские соответствия значениям арабских частиц, которые можно было определить только путем сравнительного анализа тюркских и арабских синтаксических конструкций.

«Тарджуман»¹², опубликованный П. М. Мелиоранским, пожалуй, занимает промежуточное положение между «Тарджуманом», опубликованным М. Т. Хоутсма, и двумя другими исследуемыми сочинениями как по уровню классификации грамматических явлений, так и по объему трактуемых понятий.

Часть книги, посвященная тюркскому языку, делится на два раздела. Первый из них содержит основоположения с примечаниями, а также двадцать небольших глав, где рассматриваются образование отдельных форм имен и наречий, некоторые синтаксические образования, употребление частиц и т. п., и семь глав, трактующих об изменениях форм глагола. Второй раздел — о простых именах, летосчислении, весе, числах и счете — представляет собой в основном список имен, сгруппированных по значениям в главы и отделы. Автор сочинения следующим образом характеризует свой способ изложения материала: «... при изложении же каждой части я распределял материал так (хорошо), как, насколько я знаю, никто до меня и с таким развитием (основных положений), какому нет соответствующего (нигде), кроме этих листов...»¹³. О степени объективности этой самооценки мы пока не можем судить. Действительно ли в тот период еще не было более совершенных и полных трудов по тюркской грамматике, или же таковые просто не были известны автору вышеприведенных строк, решить пока невозможно.

Основные характеристики трактата в сравнительном плане следующие: а) списки глаголов приводятся в разных местах в качестве иллюстраций к грамматическим правилам в формах прошедшего времени и масдара, а имена выделены в самостоятельный раздел и сгруппированы по

¹² По поводу датировки этого памятника П. М. Мелиоранский пишет следующее: «Написано не позже XIV в., а может быть, даже в конце XIII-го» (см.: П. М. Мелиоранский. Указ. раб., стр. XVI). Более определенного решения этого вопроса пока нет.

¹³ П. М. Мелиоранский. Указ. раб., стр. 02.

значениям, в то время как глаголы даны в соответствии с порядком арабского алфавита, а масдары — согласно количеству букв; б) в начале тюркской части сочинения указывается количество букв в этом языке — 23, и приводится их список в алфавитном порядке, а в ряде мнемотехнических слов, отличном от приводимого Абу Хаййаном; в) отсутствует указание о делении слов на имена, глаголы и частицы, хотя из дальнейшего ясно, что такое подразделение имеется в виду: образование масдара и множественного числа отличается от имен и от глаголов, разбирается образование имен от глаголов и глаголов от имен и т. д.; главы 14—20 посвящены частицам, структурно, однако, выделяется только система глагола; г) отсутствует грамматический материал, касающийся правил построения речи; д) указываются три временные формы, свойственные тюркскому языку, а повелительная форма (без приведенного выше показателя *كل, غل, فل*) называется исходной основой для образования всех остальных глагольных форм и рассматривается отдельно от временных, в отличие от арабской грамматики; е) система глагола представляется гораздо более разработанной по сравнению с именем и частицей. В сочинении дифференцируются показатели времени и лица, в форме глагола выделены приметы, сообщающие ему значения совместности действия, переходности, возвратности, страдательности.

Явления тюркского языка рассматриваются здесь в сравнении с аналогичными фактами арабского языка, причем отмечаются и некоторые случаи грамматических расхождений в этих языках. При определении грамматических явлений тюркского языка автор исходит из грамматических трактовок аналогичных явлений арабского языка, предварительно устанавливая сходство таких явлений.

В конце сочинения имеется интересное замечание о заимствованиях: «Знай, что персы берут много слов из языка арабского и пользуются ими в своем языке; также и турки берут от персов (слова), входящие в состав их (то есть персидского) языка в тех случаях, когда у них (у турок) нет собственного наименования или оно редко встречается. А в монгольский язык входит много турецких слов, и в подобном же положении находятся армяне и грузины, употребляющие много слов румских (греческих). Все эти и связанные с ними (явления) объясняются близостью соседства, продолжительностью общения и заимствованием (со стороны) менее богатого (языка) у более богатого по причине (общего всем) стремления к законченности и совершенству»¹⁴. Как можно видеть, объяснение средневековым филологом природы лексического заимствования ничем не отличается от современного ее понимания, основанного на историческом подходе.

Возможно, позволительно было бы предположить, что в исследовании тюркского языка арабоязычными филологами имел место некий процесс отбора грамматических понятий из системы арабской грамматики, приемлемых и для тюркского языка, который начался, в таком случае, задолго до появления этой книги — автор иногда упоминает так или иначе о своих предшественниках, — и ко времени написания этого сочинения их круг был определен еще далеко не полностью. Большая часть установленных соответствий, судя по только что рассмотренным двум памятникам, относилась к области глагола. Кроме того, в боль-

¹⁴ См.: П. М. Мелиоранский. Указ. раб., стр. 043.

шинстве случаев были найдены тюркские соответствия арабским частицам. Характеристики же имени здесь почти не определены. По-видимому, двадцать начальных глав «Тарджумана» П. М. Мелиоранского представляют собой группу отдельных, уже зафиксированных, но грамматически еще не систематизированных аналогий тюркского арабскому.

Блестящую попытку создания на научной основе целостной грамматической системы тюркского языка, исходя из положений традиционной арабской грамматики, представляет собой труд Абу Хайяна «Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атрак»¹⁵. Это — всестороннее исследование, охватывающее лексику, морфологию, синтаксис и, отчасти, фонетику старотюркского языка. Сочинение отличается удивительной последовательностью в изложении материала, а также скрупулезностью и наблюдательностью автора к фактам тюркского языка при рассмотрении каждого грамматического явления. Так, Абу Хайян последовательно отмечает закономерность зависимости фонетического варианта аффикса от фонетического же характера корня слова, к которому он присоединяется. Это не отмечалось с необходимой определенностью в двух предыдущих памятниках, но в «Китаб ат-тухфа» об этом говорится.

В начале сочинения автор излагает свою концепцию основных моментов науки о языке: «Изучение каждого языка достигается знанием трех вещей. Одна из них — определение значения каждого слова в отдельности — и называется наукой о слове ('илму-л-лугāt), вторая — изучение особенностей этих отдельных слов до слияния их в словосочетания — называется наукой о флектировании ('илму-т-тасриф), третья — изучение особенностей словосочетаний — среди говорящих по-арабски называется наукой о связи речи ('илму-н-нахв)». Это определило и структуру его сочинения: лексика отделяется от грамматики, а грамматика разделяется на правила, относящиеся к отдельным словам — морфологию, и правила, относящиеся к составным словам — синтаксис. Слова делятся на имена, глаголы и частицы, предпринимается попытка классификации структуры слова на основе характера сочетаний составляющих его букв. При этом указывается на необходимость различать в слове буквы корневые и добавочные, для чего автор предлагает установленные им правила, которые делятся им на относящиеся к имени и к глаголу. Имена действия рассматриваются и в той, и в другой части.

Все аффиксы автор сочинения рассматривает как частицы¹⁶ и различает среди них словообразующие и словоизменяющие, хотя в дальнейшем изложении морфологии это не подчеркивается.

Классификация и анализ типов предложений, основанные на составе слов и характере их внутренней связи, даются, естественно, с позиций арабской грамматики, но не эквивалентно ей.

Отдельно и всесторонне рассматриваются формы и функции имен и глаголов в предложении.

¹⁵ Памятник датируется 20 рамадана 712 г. х. (18 декабря 1312 г.).

¹⁶ «К служебным словам или частицам в арабском языке относятся, во-первых, бесформенные слова, не являющиеся ни именем, ни глаголом, во-вторых, застывшие именные формы, связь которых с именами, иногда и с глаголами довольно прозрачна... Служебные слова неизменяемы. Они служат для связи слов предложения и для связи предложений между собой» (Б. М. Гранде. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1963, стр. 393).

В качестве основных характеристик глагола в предложении называются повелительность, перфект и имперфект; что же касается будущего времени, то автор лишь коротко упоминает об образовании этой формы глагола.

Завершается грамматика, как и большинство арабских филологических сочинений, кратким перечнем частиц, в данном случае — аффиксов.

По словам Абу Хайяна, система «Китаб ал-идрак» была создана в результате его собственного настойчивого исследования тюркского языка. Говорит он также и о цели своего исследования, которую вряд ли можно назвать «узко практической»: «Цель написания этой книги — изъяснить основы тюркского языка, его лексику, морфологию и синтаксис... Словарь я составил в новом порядке и изложил его удивительным образом (то есть строго по порядку арабского алфавита, но по первому тюркскому, а не арабскому слову, структурно не разделяя при этом имена и глаголы, как это сделано во всех остальных сочинениях. — А. Ч.). У меня не было предшественников, кого бы я мог взять за образец, поэтому все, что я говорю в этой книге об особенностях науки морфологии и науки синтаксиса, есть результат одних только моих исследований и опросов». Абу Хайян по-своему систематизировал строй тюркского языка.

Дальнейшее внутреннее упорядочение и конкретизация материала, относящегося к каждому из разбираемых грамматических понятий, уточнение этих понятий сообразно свойствам старотюркского языка с неизбежными по этой причине отступлениями от арабской грамматической системы были осуществлены, на наш взгляд, в работе ученика Абу Хайяна, неизвестного автора «Китаб ат-тухфа аз-закыййа фи-л-луга ат-туркиййа»¹⁷.

По объему и характеру охваченного грамматического материала эти два сочинения мало различаются между собой. Классификация же грамматических явлений в «Китаб ат-тухфа» проводится уже на более высоком уровне, то есть в меньшей зависимости от таковой в арабской грамматике. Выражается это, в частности, в следующем: а) исходная в системе Абу Хайяна позиция исследования слова по составляющим его буквам здесь отсутствует; б) в начале сочинения спряжение характеризуется как изменение по трем временам — прошедшему, настоящему и будущему — и по трем лицам: говорящему, слушающему и отсутствующему, и далее это последовательно выдерживается; в) приводятся четкие формулировки понятий, обозначенных тем или иным термином; г) фиксируется явление сингармонизма гласных (стр. 50 издания Б. Ата-лая) и т. д.

В «Китаб ат-тухфа» используется весь арсенал грамматических понятий, отобранных Абу Хайяном из арабской системы применительно к тюркскому языку, хотя излагается материал отнюдь не так последовательно и взаимосвязанно, как в «Китаб ал-идрак». Главы, как правило,

¹⁷ Памятник датируется XIV веком. Транскрипция названия приводится по новому готовящемуся его изданию: «Дар разумного тюркскому языку». Грамматический трактат XIV в. на арабском языке. Исследование и перевод на русский язык Э. И. Фазылова и М. Т. Зияевой, под редакцией академика А. Н. Кононова, Рукопись.

весьма самостоятельны, каждая посвящена определенной теме. Здесь внимание исследователя, как уже отмечалось, направлено на внутреннее упорядочение грамматического материала тюркского языка.

Таким образом, подводя итог результатам проведенного анализа, можно предположить, что исследование тюркского языка арабскими филологами шло в определенном направлении: от позиций готовой системы арабской грамматики к фактам тюркского языка и далее к видоизменению этой системы сообразно особенностям строя тюркского языка. Однако в данном случае можно предположить только саму эту направленность, не более.

Э. Р. КИЛИЧЕВ

МАТЕРИАЛЫ ВОСТОЧНО-ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА XI ВЕКА
И ДРЕВНИЙ ПЛАСТ ЛЕКСИКИ БУХАРСКОГО
ДВУАЗЫЧНОГО ГОВОРА

В диалектах языка ростки нового очень часто сочетаются с сохранившимися элементами прежних состояний. Поэтому анализ архаических элементов в диалектах дает ценный материал не только для сравнительно-исторического изучения тюркских языков, но и для исследования этногенеза носителей говоров, истории формирования и развития тех или иных диалектов. Нередко древние элементы, функционирующие в диалектах и говорах, не употребляются в литературном языке и, естественно, не отражаются в словарях.

Для выявления древнейших лексических единиц в диалектах и говорах неоценимую помощь оказывают материалы таких уникальных письменных памятников караханидского периода, какими являются «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари и «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни¹.

Махмуд Кашгари² в «Дивану лугат-ит-тюрк» приводит ценные сведения о взаимовлиянии тюркских и иранских языков, а также об ирано-тюркском двуязычии на территории современного Узбекистана³, сохраняющемся, кстати, и по сей день⁴. Данная статья посвящена изучению некоторых древнетюркских лексических элементов в бухарском двуязычном говоре, носители которого говорят на узбекском и таджикском языках. Многие из рассматриваемых слов употребляются как в узбекской, так и в таджикской речи, но некоторые из них встречаются только в последней⁵. Для сопоставления нами привлечен лексический материал «Дивану лугат-ит-тюрк» и «Кутадгу билиг»⁶.

¹ См. об этом статьи Б. О. Орузбаевой, Т. М. Гарипова, В. И. Асланова, М. Ш. Рагимова, И. Кучкартаева, Б. Османалиевой в специальном выпуске журнала «Советская тюркология» (1972, № 1), посвященные исследованию лексики отдельных языков и говоров в свете материалов «Дивана» Махмуда Кашгари.

² А. Н. Кононов. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат-ит-тюрк». — «Советская тюркология», 1972, № 1, стр. 3—17.

³ См.: Х. Г. Нигматов. Махмуд Кашгарский о взаимовлиянии тюркских и иранских языков. — В сб.: «Иранская филология. Краткое изложение докладов научной конференции, посвященной 60-летию проф. А. Н. Болдырева». М., 1969, стр. 101—104.

⁴ М. М. Мирзаев. Узбек тилининг бухоро группа шевалари. Тошкент, 1969, стр. 10—27.

⁵ При таких словах в тексте нами ставится знак (т).

⁶ Мы пользуемся следующими изданиями этих памятников: Махмуд Кашгарий. Девону луготит турк. тт. I—III. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов. Тошкент, 1960—1963 (в примерах указываются том и страница «Дивана»); Юсуф хос Ҳожиб. Кутадгу билиг. Нашрга тайёрловчи К. Каримов. Тошкент, 1971 (в примерах указывается порядковый номер бейта). Примеры из этих и других источников даны в транскрипции, принятой в цитируемом издании. Материалы бухарского двуязычного говора даются в транскрипции, принятой редакцией журнала «Советская тюркология», с введением дополнительного знака â для обозначения полугубного (о) бухарского говора.

alqundi 'обмылок'. Исторически: отглагольное имя —/-/ndy от глагола *alq-* (III, 205) 'губить, уничтожить'; форма возвратного залога *alqin-* (I, 255) 'исчезать', 'исчерпываться'.

böjymžân 'баклажан', от *dajin* (III, 27) 'темно-красный, коричневый'; любая вещь темно-красного цвета. Здесь, видимо, соответствие /m:/ /n/ в ауслауте, а *-žân* — уменьшительно-ласкательный аффикс имен⁷.

piči (т) 'немного'. Ср.: *бичэ* (КБ-1964) 'в какой-то мере', 'немного'.

im(m)u-žim 'тишина', 'безмолвие', *im/m/n-žim šuda gaft/im/m/u-žim: bolur ketti* 'пропал без вести', 'успокоился'. Ср.: *им* (I, 74) 'пароль', 'тайное слово'. По действующим в тюркских языках закономерностям легко предположить, по аналогии с *ulan/julan* 'змея', наличие карлуко-уйгурской формы с начальным *j-žim* [ср.: *jымажыт* 'смирить' (Рс, III, 500)⁸] и кипчакской формы с начальным *-žim*. В бухарском *im(m)u-žim*, как можно полагать, одно и то же слово представлено в двух диалектных (в огузском и кипчакском) вариантах.

indäk 'приглашение жениха в ночь свадьбы в дом невесты'. Исторически отглагольное имя на —/-/γ/g от глагола *indä-* 'звать, приглашать'.

igim-žirim 'воздержание от выполнения (или совершения) каких-либо действий в связи с верой в определенные приметы'; 'соблюдение сложившихся традиций'. Исторически *igim* отглагольное имя на —/-/m от глагола *ig* (I, 183) 'пугаться, вздрагивать' (в КБ-578 еще 'брезговать', 'выражать неприязнь'). *Igim-žirim* подобно *im/m/u-žim* является одним и тем же словом в различных диалектных формах.

jundy/junty 'помой'. Исторически отглагольное имя на —/-/ndy от *ju-* (III, 267) 'мыть, стирать'.

körpä в сочетании типа *alafikögrä* 'молодая трава (чаще о клевере)'. Ср.: *körpä* (I, 393) 'трава ростом в одну пядь'.

kölä (т) 'усталый', 'онемевший (о руках и ногах)'. Ср.: *kölün* (II, 184) 'ууставать (о руках и ногах)': *râjam kölä šud* 'у меня отнялись ноги', 'мои ноги онемели'.

mukki 'разновидность обуви для наездников (на высоком каблуке с коротким голенищем и загнутым носком, благодаря чему нога надежно входит в стремя)'. Ср.: *бүкүм* (I, 376), *мүкүм/мүкүн* (I, 376) 'женские сапожки'.

ölüskä 'жадный, ненасытный'. Видимо, от древнетюркского *olügsäg* 'умирающий', 'желающий умереть' —/-/ gsag аффикс имени, обозначающего деятеля (см.: II, 59—60). В *ölüskä* налицо метатеза и выпадение конечного *-g* — явление, довольно распространенное в тюркских языках.

osal 'опасный', 'шаткий (о процессах)'; 'несчастный случай'. Ср.: *осал* (КБ-432) 'беспечный, неосторожный'...

torughak (т) 'высохшая, пыльная земля'. Ср.: *топра-* (III, 292) 'высыхать'; *топа* (Рс, III, 1221) 'земля, глина'. В *torug -r*, видимо, уменьшительный аффикс⁹, а *hak* — слово иранского происхождения со значением «земля, глина». Таким образом, *torughak* представляет собой тюрко-иранское парное слово.

⁷ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 127.

⁸ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893—1911, т. III, стр. 500 (Репродуцированное издание).

⁹ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, § 194; его же. О фузии в тюркских языках. — В сб.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 118.

čaybut 'вата от ношенной ватной одежды или от ватных одеял'. Ср.: *чабғут* (I, 421) 'подушка', 'тюфяк', 'подстилка для сидения на полу'; *јабғут* (III, 45) 'спальные принадлежности, набитые шерстью или волосом'.

em 'лечение (прививка) по-знахарски'. Очень часто употребляется со словом *dum* как парное — *emudum*. Происхождение и значение слова *dum* неизвестно. Видимо, оно является синонимом слова *эм* (I, 74) 'лечение'. В каракульском одноязычном говоре *em-sem* 'лечение'; 'лекарства'. Ср.: *эм-сэм* (III, 172) 'лечение'.

qaty (т) 'смешанный', в служеб. знач. послелог 'с', 'вместе' — *qaty karđan* 'смешивать'; *man qaty āmad* 'он пришел вместе со мной'. Исторически деепричастие на *-y/-u* от глагола *қат-* 'смешивать, перемешивать'. Ср.: *қатіл-* (II, 137) 'смешиваться, перемешиваться'. Ср. еще *qaty-qay* 'последовательный, следующий друг за другом' (ДТС, 433)¹⁰, представляющие собой деепричастия на *-y/-u* от синонимичных глаголов *qat-* и *qag-*.

qatym 'швейная нитка'. Видимо, отглагольное имя на *-/-/ m* от упомянутого глагола *qat-* 'смешивать, перемешивать', имеющее также значение 'соединять, слагать одно с другим'¹¹.

qaššaŋ 'упрямый'. Ср.: *қашаң* (III, 380) 'бранное слово, обращенное к рабам'.

qurč 'сильный, крепкий'. Ср.: *қурч* (КБ-5786) в том же значении.

Перечень подобных древнетюркских слов, сохранившихся в бухарском двуязычном говоре, можно увеличить.

На основе приведенного выше материала можно сделать следующие выводы:

1. Наличие в бухарском двуязычном говоре древнетюркской лексики, не вошедшей в узбекский литературный язык, позволяет предположить, что бухарский двуязычный говор, по всей видимости, восходит к двуязычному говору, о котором писал еще Махмуд Кашгари.

2. Прочное усвоение древнетюркских слов в таджикской речи бухарцев свидетельствует о многовековом взаимодействии двух языков на территории современной Бухары.

3. Парные слова, состоящие из разных диалектных форм одного и того же слова (например, *im/m/u-žim*, *iğim-žigim*), свидетельствуют о разноплеменном составе древнейшего тюркоязычного населения на территории современной Бухары.

4. Древнетюркские слова в бухарском двуязычном говоре подверглись некоторым семантическим и фонетическим изменениям, значение отдельных слов терминологизировалось.

¹⁰ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 433.

¹¹ Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II. СПб., 1869, стр. 6 (Репродуцированное издание).

А. М. ШЕРБАК

О СОЧЕТАНИИ ᠰᠤᠯᠴᠤᠳᠤᠰᠤᠨᠠᠨᠢᠨ В РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЯХ

С. Е. Малов, говоря о задачах изучения памятников рунической письменности, всегда подчеркивал, что внесение коррективов в их чтение и перевод должно быть первоочередной и постоянной заботой тюркологов. С этим нельзя не согласиться: для успешного изучения памятников необходимо, чтобы в распоряжение лингвистов, историков и литературоведов поступал надежный, доброкачественный материал.

Данное сообщение посвящено одному из неясных мест в надписях на памятниках Кюль-Тегину и Бильге-кагану. Имеются в виду фразы: 1) *türgäš kaγan süsi Bolčuda¹ ot.ča b.γ.ča kelti* 'войско тюркешского кагана пришло при Болчу подобно (?)' (КТб₃₇); 2) *türgäš kaγan süsi ot.ča b.γ.ča kelti* 'войско тюркешского кагана пришло подобно (?)' (БК₂₇).

В приведенных фразах затруднение вызывает сочетание *ot.ča b.γ.ča*. Существует несколько вариантов его толкования, ср. В. В. Радлов (1894) — *otača buγača* 'со всех сторон'², В. Томсен (1896) — *otča buγača* 'как огонь и буря'³, Г. Вамбери (1898) — *otača buγača* 'туда и сюда', 'со всех сторон'⁴, П. М. Мелиоранский (1899) — *otča buγača* 'подобно огню и буре(?)'⁵, Х. Н. Оркун (1936) — *otča boγča* 'как огонь и буря'⁶, С. Е. Малов (1951) — *otča boγča* 'как огонь и вино'⁷, С. Е. Малов (1959) — *otča boγča* 'как огонь и вихрь'⁸, Г. Дёрфер (1963) — *otča buγča* 'как огонь и пепел, поднятый вверх в виде паутины'⁹, Т. Текин (1968) — *otča boγča* 'по-

¹ Более правильное чтение этого слова исходит из текста древнейтюркской надписи из Монголии — *Voluču*. См.: А. М. Шербак. Надпись на древнейтюркском языке из Монголии. — «Эпиграфика Востока», XIV. М.—Л., 1961, стр. 23—25.

² W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. — «Erste Lieferung: Die Denkmäler von Koscho-Zaidam». СПб., 1894, стр. 21; *ego же*. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. СПб., 1897, стр. 141.

³ «Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées par V. Thomsen». — MSFOu, V. Helsingfors, 1896, стр. 110, 124.

⁴ H. Vámbéry. Noten zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei und Sibiriens. MSFOu, XII. Helsingfors, 1898, стр. 56—57.

⁵ П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль Тегина. СПб., 1899, стр. 73.

⁶ H. N. Orkun. Eski Türk Yazıtları, I. Istanbul, 1936, стр. 46; IV. Istanbul, 1941, стр. 31.

⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 32, 41, 373.

⁸ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 17, 21.

⁹ G. Doerfer. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen, I. Mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden. 1963, стр. 220.

добно огню и буре'¹⁰, Г. Айдаров (1971) — *otča boğača* 'как огонь и вихрь'¹¹, 'как огонь и ливень (буря)'¹², И. Г. Добродомов (1975) — *otča buğsa* 'как огонь и тучи дыма, пыли'¹³.

К этому необходимо добавить следующее. В. В. Радлов, критикуя перевод В. Томсена, пишет в одном из последних изданий «Древнетюркских надписей» о неправомерности восприятия огня как символа быстроты и подчеркивает, что слово *boğa* 'ветер', встречающееся в турецком языке, заимствовано из греческого¹⁴. П. М. Мелиоранский, присоединившийся «не без колебаний» к мнению В. Томсена и указавший на возможность «поставить *buğa* в связь с корнем *بور*, а по значению сравнить с *بور اغان*», заметил по поводу критических высказываний В. В. Радлова, что в данном случае *tertium comparationis* может быть и не быстрота¹⁵. Г. Вамбери принял вариант, предложенный В. В. Радловым (*otāča buğača* 'со всех сторон'), сославшись при этом на существование аналогичных сочетаний в турецком (*öteje beriye*) и староузбекском языках¹⁶. Т. Текин, разделяя в основном мнение В. Томсена и П. М. Мелиоранского, уточняет чтение и перевод второго слова (*boğ* 'ливень', 'снежная буря')¹⁷.

По-видимому, сомнения в отношении первой части сочетания *otča b.ğ.ča* ничем не оправданы. Здесь выступает уподобительная форма на *-ča* от слова *ot* 'огонь' и, конечно, огонь, судя по контексту, символизирует не быстроту, а внезапность, неожиданность или разрушительную силу.

Что касается второй части, то наиболее вероятное чтение ее — *boğ* или *buğ*, менее вероятное — *boğa* или *buğa*. Из двух первых же предпочтительнее *boğ*, так как любое допустимое толкование *buğ* плохо согласуется с содержанием фразы в целом. В сущности то же самое следовало бы сказать и о *boğ*, но, в отличие от *buğ*, оно обнаруживает тесную связь с рядом слов, являющихся, несомненно, производными от него и содержание которых хорошо укладывается в требования контекста. Первое место в этом ряду занимает глагол *boğa-* 'вьюжить, мести', ср. казах., ккалп., кум. *boğa-*, кирг. *boğo-*, узб. *buğa-*. Ср. также: кирг. *boğošo* 'поземка, заметь'. Далее заслуживает внимания общетюркское *bōgān* ~ *boğān* 'метель, вьюга', 'степная пурга', близость которого к глаголу *boğā-* очевидна как с фонетической, так и с семантической стороны. Ср. ст.-узб. *boğayān*; азерб., гаг., казах., кар., карач.-балк., ккалп., кум., ног., тур., уйг. *boğān*; алт. *boğoyon*; башк., тат. *buğān*; кирг. *boğōn*; тув. *boğān*; туркм. *bōğayān*, *bōgān*; хак. *boğān*; узб. *buğōn*. Возможно, в некоторых тюркских языках слово *bōgān* ~ *boğān* восходит к монг.-письм. *boğuyān* ~ *boğuyān* [ср. монг. *boğō(n)*], однако значение последнего — «дождь, ли-

¹⁰ Т. Текин. A Grammar of Orkhon Turkic. — «Uralic and Altaic Series», 69. Bloomington, 1968, стр. 136.

¹¹ Г. Айдаров. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата, 1971, стр. 310.

¹² Там же, стр. 299.

¹³ И. Г. Добродомов. Загадочная параллель *бур (бор)* орхонских рунических надписей и *Борз*. «Повести временных лет» (рукопись), стр. 8.

¹⁴ W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. СПб., 1899, стр. 72—73; *его же*. Опыт словаря тюркских наречий, IV. СПб., 1911, стр. 1819. См. также: W. Bang. [Рец. на кн.:] W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. SPb., 1897 — «T'oung Pao», VIII. Leide, 1897, стр. 537.

¹⁵ П. М. Мелиоранский. Указ. раб., стр. 124.

¹⁶ H. Vámbéry. Указ. раб., стр. 56—57.

¹⁷ Т. Текин. Указ. раб., стр. 136, 320.

вень»¹⁸ — не только не встречается в тюркских языках, но даже не может быть реконструировано. Несколько обособлены от приведенных выше слов якутское *buḡān*, *buḡkup*, *buḡa* ~ *ruḡa* 'метель, пурга'. Первое восходит к бурятскому *buḡaŋ* 'метель, пурга', второе — к эвенскому *buḡkup* 'буран, метель'. Последнее, по-видимому, заимствовано из русского языка, в котором слово *пурга* не относится к собственному лексическому фонду.

Г. Дёрфер склонен считать, что глагол *бога-* — «обратное» образование от *боган*¹⁹. Нам кажется более обоснованным прямо противоположный вывод, а именно — считать *боган* производной формой от *бога-*, реконструируемой на уровне тюркского праязыкового состояния в виде причастия: **bōgaŋ* 'метущий, поднимающий снег (ветер)'. И хотя есть обстоятельства, явно препятствующие этому (не во всех тюркских языках *γ* в положении между широкими гласными утрачивался), предлагаемая реконструкция все же опирается на более прочный фундамент, чем любая другая. Имеющиеся аномалии, например узбекское *buḡop* (вместо ожидаемого *buḡaŋop*, ср. *juḡaŋop* 'ходящий', 'любящий много ходить'), можно объяснить как следствие многократных заимствований и перезаймовствований данного слова в условиях его необычайно широкого распространения, ср. перс. *bōgān* 'сильный ветер'; кор. *pup-boga*, лакск., маньчж., русск. *буган*, марийск. *роган* 'снежная буря'. Таким образом, глагол *бога-* не является производным от общетюркского *bōgān* ~ *boḡan*, а, напротив, сам послужил основой для него.

Если глагол *бога-* не является производным от *bōgān* ~ *boḡan*, то весьма вероятно, что он образовался, как об этом уже писал К. Менгес²⁰, от существительного или прилагательного *бог* (**bōg*), не зафиксированного пока ни в одном из современных тюркских языков, если не считать полностью соответствующего ему по звуковому составу и близкого по значению якутского *буог* 'сильный, жестокий, суровый (о стуже)'.²⁰

Итак, из всех перечисленных выше вариантов чтения и перевода сочетания *ot.ča* *b.g.ča* наиболее приемлемым и в достаточной мере обоснованным является тот, который был избран В. Томсеном, одобрен П. М. Мелиоранским и уточнен Т. Текином. С учетом этого варианта и нового чтения наименования реки (*Boluču* вм. *Volču*) предлагается следующая редакция текста и перевода интересующей нас фразы: *türgäš kaŋan süsi Bolučuda otča boḡča kelti* 'войско тюркешского кагана появилось при Болучу подобно огню и степной пурге'.

¹⁸ Ср. у Н. Поппе: монг. *borogān* < **burugān* 'дождь'. — *N. Poppe. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen*, I. Wiesbaden, 1966, стр. 21.

¹⁹ *G. Doerfer. Указ. раб.*, стр. 220.

²⁰ *K. H. Menges. Glossar zu den volkskundlichen Texten aus Ost-Türkistan II. Wiesbaden, 1955, стр. 24.*

Х. КУРБАТОВ

СТРУКТУРНО-ЛИНЕЙНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА ПОЭЗИИ (ЛИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ)

Подлинное произведение искусства отвечает литературным канонам своей эпохи и требованиям своего литературного жанра и поэтому является структурно завершенным. Структурный анализ может быть плодотворно применен к совершенным произведениям, где ни один из элементов не может быть ни изменен, ни переставлен без ущерба для идейно-эстетического замысла писателя. По общему определению, «структура — это исключительно сеть отношений и связей, это не что иное, как схема отношений»¹; «структура — это система, состоящая из элементов, изменение одного из которых влечет за собой изменение всех остальных»². Структура может быть сравнительно однородной и осложненной. Законченное лирическое стихотворение, например, по своей структуре является однородным, так как все его составные элементы выражаются одними лишь средствами какого-либо конкретного языка. Условно такую структуру можно назвать также «необъемной». Если это же стихотворение читается артистом, то структура произведения становится осложненной, ибо мысли и чувства поэта обогащаются интонацией и мимикой исполнителя. Структура еще более усложняется, если стихотворение становится песней: слова, мелодия, голос певца и аккомпанемент создают в совокупности структуру объемную, способствуя наивысшему выражению экспрессии, заложенной в поэтическом произведении.

Анализ даже относительно однородной структуры — в данном случае текста небольшого лирического стихотворения — достаточно сложен. Некоторые исследователи ограничиваются лишь раскрытием сугубо фонетических и грамматических отношений элементов стиха, как, например, в работе Самуэла Р. Левина «Языковая структура в поэзии», хотя автор и оговаривает необходимость всестороннего изучения текста³. Однако изучение сцепления структурных элементов только лишь на фонетико-грамматическом уровне еще не дает какого-либо представления об идейно-эстетической значимости произведения. Необходимо раскрыть «сеть отношений и связей» прежде всего образных средств, при помощи которых и «кодирует» поэт свое видение мира, свои мысли и чувства.

¹ С. Е. Кубрякова, Г. П. Мельников. О понятиях языковой системы и структуры языка. — В кн.: «Общее языкознание. Внутренняя структура языка». М., 1972, стр. 23.

² Michael Riffaterre. Essais de stylistique structurale. Présentation et traductions de Daniel Delas. Paris, Flammarion, 1971, стр. 309.

³ Samuel R. Levin. Linguistic structures in poetry. The Hague — Paris, Mouton, 1973, стр. 9—10.

гает к стохастическим рядам понятие энтропии (меры неопределенности исхода и возможности свободы выбора)»⁴. Однако в отличие от сочетания обычных элементов речи (звуки, слова, грамматические формы) сцепление все новых и новых словесных образов носит неожиданный характер (разумеется, в подлинно творческом контексте), и эта неожиданность является залогом экспрессивности и эмоциональности художественной речи⁵.

В анализируемом стихотворении центральным и вместе с тем кульминационным пунктом в стохастическом сцеплении словесных образов являются обращение *Výlbý!* 'Соловей!' и заключительные слова: *Siña ber börték kinä qaldý* 'Тебе досталась одна-единственная иголочка'. Если до обращения *Výlbý!* все словесные образы следовали друг за другом в порядке минимальной непредугадываемости (*imprévisibilité*, *Unvorhersehbarkeit*) и произносились сравнительно спокойным тоном, то обращение *Výlbý!* появляется неожиданно, максимально непредугаданно, оно и последующая за ним строка произносятся с совершенно новой интонацией — с горечью, сожалением, с иронией, скорее обращенными к себе, нежели к соловью. Таким образом, перед нами возникает образ поэта, сожалеющего о прошедшем и иронически относящегося к самому себе в настоящем.

Отметим, что такой линейный структурный разбор изобразительно-выразительных средств позволяет определить художественные достоинства произведения. Малохудожественные тексты при подобном анализе неизбежно обнаруживают свою несостоятельность (структурный срыв): в них оказывается нарушенной либо логико-ассоциативная последовательность звеньев сцепления (*coupling*), либо обязательность звеньев (нечеткость оппозиции образных средств, отсутствие речевой интенсификации и пр.), либо информационная ценность последующих звеньев (случай с «нетворческим контекстом»⁶).

Структурная завершенность, однако, понятие относительное, если учесть, что критерии художественности меняются со временем и находятся также в зависимости от особенностей той или иной национальной литературы, литературного направления и т. д. Известно, например, что для средневековой тюркоязычной (так же как арабской⁷ и персидской⁸) литературы характерна определенная статичность изображаемого.

Рассмотрим еще одну миниатюру Дердмэнда:

Tänkäjen aq, tüškäjlären kiñ jaratqan,
Bitkäjeneñ iñ oçýnda miñ jaratqan;
Saqlar öçen zifa bujýn jaman küzdän,
Säčkäjlären ajaq belän tiñ jaratqan.

(«Räsem». Nävaidan).

'Тело белым, грудь широкой,
В самой середине щеки родинку создал;
Чтоб уберечь от дурных глаз статную фигурку,
Волосы ее до ступней ног создал'.

(«Портрет». Из Навон).

⁴ В. Зарецкий. Образ как информация. — «Вопросы литературы», 1963, № 2, стр. 72; См.: К. Шеннон. Статистическая теория передачи электрических сигналов. — В кн.: «Теория передачи электрических сигналов при наличии помех». М., 1953. — Ссылка В. Зарецкого.

⁵ См. также: И. В. Арнольд. Стилистика современного английского языка. Л., 1973, стр. 141; *Michael Riffaterre*. Указ. раб., стр. 103—105, 328—329.

⁶ О творческом и нетворческом контекстах см.: Х. Х. Махмудов. Русско-казахские лингвостилистические взаимосвязи. Автореф. докт. дисс. Алма-Ата, 1970, стр. 19—24.

⁷ См. об этом: Б. Я. Шидфар. Образная система арабской классической литературы (VI—XII вв.). М., 1974, стр. 34.

⁸ М.-Н. Османов. Стиль персидско-таджикской поэзии (IX—X вв.). М., 1974, стр. 65, 69.

Навои привел близкие по содержанию строки в качестве примера тюркского стиха в своем трактате «Суждение о двух языках» из поэмы Хорезми «Мухаббат-наме» (1353 г.):

Аниң ким ал эңдә мән жараттӣ,
Боји бирлә сачини тәң жараттӣ.

‘Он тот, кто создал на алой щеке родинку,
Тот, кто во всю длину тела вырастил волосы’⁹.

У Дердмэнда образ дан более динамичным, что нашло выражение в словах: Saqlar öçen jamaп küzdäп ‘Чтоб убережь от дурных глаз’.

В том и другом произведении Дердмэнда трудно исключить или переставить какое-либо слово, изменить какую-либо грамматическую форму, ибо все их элементы композиционно теснейшим образом связаны между собой.

Однако это качество обязательно не для всех жанров поэзии. Есть стихи, из фрагментов которых можно составить композицию, выражающую содержание не всего произведения в целом, а только части его. Таким купюрам подвергаются иногда стихотворения, ставшие текстами: песен. В минуты тяжелых дум и разочарований Габдулла Тукай (1886 — 1913) написал газель «Özelgän ömid» («Разбитая надежда»), отличающуюся характерным для этого жанра многотемьем. Однако, создавая песню, народный певец выбрал из текста газели лишь строки, выражающие одну тему — уход из жизни.

I möqäddäs, moңlÿ sazÿm! Ujnadÿñ sin nik bik az?
Sin sÿnasÿñ, min sÿnämen — ajrÿlabÿz, axgÿsÿ!
Oçtÿ dönja çitlegennän tarsÿñÿp küñlem qoşÿ —
Şat jaratsa da, žihanÿa jat jaratqan rabbÿşÿ.

‘Мой священный, полон грусти саз! Что ж ты звучал
так мало?
Ты уже почти разбился, — я — гасну;
кажется, мы расстаемся с тобой.
Улетела из клетки мира — оттого, что было тесно —
птица души моей;
Хоть и создал бог ее веселой, но... чуждой для мирской суеты’.

Характерно, что в мелодии («Täfkiläw» — по фамилии Тефкилев), используемой для пения этого текста, короткому слогу тафа’иля (—○—) соответствует самая короткая в такте нота — одна шестнадцатая, а длинным слогам — половинные, четвертные и пр. ноты (тафа’ил стиха и такт музыки также соответствуют друг другу).

Г. Тукай был не только глубоким лириком, но и исключительно талантливый сатирик. Лаконично и выразительно рисует он, например, образ слугителя культа:

Küzen jomÿan, mujÿn bökkän, başÿnda çalma çornalÿan;
Kibän çalma kibäk bašta: išan bulÿan, imeş, hajwan!
(«Işan»).

‘Глаза закрыты, шея согнута; голова повязана чалмой;
На голове, наполненной мякиной, чалма — как стог:
то бишь, ишаном стал скот безмозглый!’.

В первом стихотворении — газели преобладает металогический прием, во втором — автологический.

⁹ См.: А. М. Щербак. Огуз-наме. Мухаббат-наме. М., 1959, стр. 128, 150; Алишер Навои. Суждение о двух языках. — «Сочинения в десяти томах», т. X. Ташкент, 1970, стр. 115 (перевод А. Малеховой).

У Г. Тукая часто можно наблюдать речевые интенсификации на почве синтаксических неожиданностей¹⁰. Так, привлекает внимание строка: *Šat jaratsa da (,) žihanğa jat jaratqan rabbÿsÿ*. Куда же в этой строке относится слово *žihanğa* 'миру сему': к *šat jaratsa da* 'хоть и создал бог веселой' или к *jat jaratqan* 'создал чуждой'? Разумеется, к последнему словосочетанию (*žihanğa jat jaratqan* 'создал чуждой для мирской суеты'); такая фиксация внимания читателя и создает эффект неожиданности.

В умелом, особнно в контрастирующем, сцеплении звеньев словесно-образительных средств нередко кроется секрет выразительности текста, ибо звенья сцепления фактически и представляют собой элементы речевой композиции произведения¹¹. Это можно видеть в процитированных выше стихах. Эта особенность, может быть, еще отчетливее прослеживается в сюжетных стихах, так как введение сюжета имеет следствием воссоздающее изображение событий, то есть воссоздание действительности, главным образом, при помощи прямого значения слов (тогда как для бессюжетных стихов более характерно переносное значение, то есть тип изображения здесь преобразующий¹²).

В качестве примера приведем миниатюру современного татарского поэта Р. Файзуллина:

Qÿz sÿnÿn jasadÿ ber osta.
 Ä qÿz eĉtän kölde, masajdÿ.
 «Žan örsän dä, osta, sin tasqa,
 Taš taš inde, tere min — bašqa!»
 ...Aqtÿ yömer. Osta küptän juq...
 Ä taš sÿn šul — köläč, jäš haman!
 Bökre qarçÿq kilgän janÿna.
 Jäšlegenä — šÿnğa jäš tama...
 («Qÿz sÿnÿn jasadÿ ber osta...»).

'Фигурку девушки ваял скульптор.
 А девушка смеялась в душе, гордилась:
 «Хоть и душу всели, ты, мастер, в камень —
 Камень есть камень, а живая я — другая!»
 ...Ушло время. Скульптора давно нет.
 А каменная фигурка та же — смеющаяся, живая!
 Пришла горбатая старушка,
 К своей молодости — фигурке, роняя слезы...'
 («Фигурку девушки ваял скульптор...»)

Здесь нет ни одного тропа, кроме разве выражений *žan ögü* 'вдохнуть жизнь' (или 'душу вселить'), *aqtÿ yömer* 'ушло время'. Все слова употреблены в прямом значении. Размер стиха — девятисложник с цезурой после четвертого и шестого слогов. Но первая строка еще не полностью соответствует данной размерности (нет цезуры после четвертого слога), она, как будто несколько со стороны, сообщает о начале действия (экспозиция): *Qÿz sÿnÿn jasadÿ ber osta* 'Фигурку девушки ваял скульптор'. Незавершенность этой строки гармонирует с еще необретшим форму материалом — в данном случае бесформенным камнем. Творчество начато — и далее все идет по заданному ритму... Искусно использована звукопись: с самого начала преобладают звуки *s, z, č, ž, š, t*, ассоциирующиеся со стуком молотка и скольжением резца

¹⁰ См.: В. И. Кононенко. Синтаксические неожиданности. — «Русская речь», 1975, № 3; Michael Riffaterre. Указ. раб., стр. 57 и сл.

¹¹ «Элементам композиции соответствуют в речи композиционно-речевые формы», — подчеркивает М. П. Брандес. (См.: М. П. Брандес. Стилистический анализ. М., 1971, стр. 97).

¹² О воссоздающих и преобразующих типах изображения см.: М.-Н. Османов. Указ. раб., стр. 22—36.

по камню. Идея торжества искусства выражается сюжетом поэтической миниатюры-повеллы. Выразительность достигается контрастным противопоставлением одного явления другому: живого (девушки) — мертвому (камню), красоты молодости (девушки) — уродству, безобразию старости (горбатая старуха). Оживление в повествование вносит внутренняя реплика девушки. Необычно сочетание прилагательного *tere* 'живая' с местоимением *min* 'я' (*tere min* 'живая я'), так же как и прочие приемы речевой интенсификации.

Выше была рассмотрена языковая структура поэтических произведений по схеме от автора к читателю (стилистика кодирования), которую, исходя из общей теории информации, обычно представляют следующей упрощенной схемой: отправитель → сообщение (контекст) → адресат¹³.

Можно, конечно, исследовать язык поэзии, анализируя лексику, фразеологические выражения и грамматические формы, и на этой семантической основе раскрыть идейно-эстетическую сущность произведения. Но это будет уже другим видом анализа текста — изучением художественного произведения с точки зрения стилистики декодирования.

В заключение необходимо отметить, что, хотя творческим материалом поэзии является язык, методы лингвистического структурализма (например, принципы оппозитивной и генеративной структур) не могут быть механически перенесены в область исследования языка поэзии, ибо если язык как система кодов универсального общения представляет собой явление в относительной статике, то язык поэзии как система особо организованной речи со своей меняющейся в каждом конкретном случае содержательной и идейно-эстетической информацией есть уже явление в абсолютной динамике. Специфика предмета требует особого подхода к нему. Собственные структурные методы исследования языка поэзии пока еще не разработаны. Структурно-линейный анализ — лишь попытка в этом направлении. Традиционная поэтика — также не что иное, как изучение структуры речи. Но современная наука требует более углубленного и осмысленного, более специализированного, но в то же время и некоторого универсализированного, системного изучения структуры явлений и предметов¹⁴. Опираясь на марксистско-ленинскую теорию отражения, марксистско-ленинскую диалектику о взаимосвязанности и взаимообусловленности явлений и их внутренних и внешних контрастов, в дальнейшем можно будет создать специализированный, собственно-стилистический структурный метод исследования языка поэзии.

¹³ См.: Ю. Лотман. Лекции по структуральной поэтике. Тарту, 1964, стр. 37—43, 168 и сл.; Ю. С. Степанов. Семиотика. М., 1971, стр. 81—111, 129—133; И. В. Арнольд. Указ. раб., стр. 23—26; *Tzvetan Todorov*. Poetik. — В кн.: «Einführung in dem Strukturalismus». Hrsg. von François Wahl. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1973, стр. 114—115; I. A. Richards. Variant Readings and Misreading. — В кн.: «Style in Language». Ed. by Thomas A. Sebeok. Cambridge, Massachusetts, The M. I. T. Press, 1966, стр. 242; *Michael Riffaterre*. Указ. раб., стр. 147. Автором книги приводится комплексная схема из работы Р. Якобсона «Linguistics and Poetics» (в кн.: «Style in Language». Ed. by Th. A. Sebeok, стр. 353, 357) с замечанием о том, что подобный способ изображения эстетической функции языка был предложен еще в 1936 году одним из основателей Пражского лингвистического кружка Жаном Мукаровским (*Jan Mukarovsky*. La dénomination poétique et la fonction esthétique de la langue. — В кн.: «Actes du Ier Congrès international des linguistes». 1936, Copenhagen, 1938, стр. 98—104).

¹⁴ См. об этом: М. Храпченко. Размышления о системном анализе литературы. — «Вопросы литературы», 1975, № 3.

РЕЦЕНЗИИ

А. П. ПОЦЕЛУЕВСКИЙ. ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЫЛЫМ». АШХАБАД, 1975, 337 стр.

Александр Петрович Поцелуевский (1894—1948) — один из виднейших советских тюркологов 30—40-х гг. Оригинальный и глубокий исследователь тюркских языков, он оставил значительный след в развитии советской тюркологии и по праву занимает в ней особое место, определяющееся своеобразием его творческого облика и исследовательского дарования.

Советские тюркологи с большим интересом воспримут изданные Институтом языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменской ССР «Избранные труды» А. П. Поцелуевского. Значение изданий подобного рода очень велико: ученые, работающие в области изучения тюркских языков и литератур, получили в свое распоряжение в сводном виде наиболее выдающиеся работы крупного исследователя-тюрколога, чьи не только достижения, но также искания, увлечения и заблуждения весьма поучительны и в методическом отношении и как «живая история» тюркологии.

Сборник включает: краткое предисловие «От редакционной коллегии» (стр. 5—6), содержательную статью А. Н. Кононова об А. П. Поцелуевском (стр. 7—21), двенадцать работ А. П. Поцелуевского (стр. 23—330), хронологический перечень опубликованных трудов А. П. Поцелуевского (стр. 331—333) и перечень работ о нем (стр. 334). В предисловии излагаются основные принципы, положенные в основу издания работ А. П. Поцелуевского (выбор трудов, характеристика предшествующих изданий, послуживших источником настоящей публикации, обоснование принципов унификации транскрипции и подачи иллюстративного материала и т. п.).

Статья А. Н. Кононова содержит сжатую, но насыщенную фактами и точными оценками характеристику жизненного и научного пути А. П. Поцелуевского. Хорошо очерчена многообразная деятельность А. П. Поцелуевского в области культурного строительства в Туркмении, позволившая ему со временем стать одним из наиболее видных и самобытных исследователей тюрк-

ских языков. В статье воссоздан привлекательный образ ученого-организатора и энтузиаста, отдававшего все свои силы делу социалистических преобразований в области науки и просвещения.

А. Н. Кононов характеризует А. П. Поцелуевского как ученого-«полевика», много и плодотворно изучавшего в экспедициях туркменские диалекты и устное народное творчество. Эта часть статьи, равно как и описание неутомимой деятельности А. П. Поцелуевского в сфере изучения закономерностей грамматического строя туркменского языка, воспроизводит перед читателем образ незаурядного исследователя своеобразного «романтического» направления, увлеченного и увлекавшегося, но неизменно целенаправленного: туркменские диалекты изучались ученым в тесной связи с его работой над составлением проекта нового туркменского алфавита, исследование грамматических проблем велось одновременно с разработкой методических основ вузовского и школьного преподавания туркменского языка.

Важнейшие научные достижения А. П. Поцелуевского А. Н. Кононов справедливо видит в тех изысканиях замечательного тюрколога, которые привели его к созданию капитальной работы «Основы синтаксиса туркменского литературного языка» (1943). Особо отмечается вклад А. П. Поцелуевского в изучение сложноподчиненного предложения в тюркских языках — проблемы, имеющей большое теоретическое и практическое значение.

Для научных устремлений А. П. Поцелуевского, сочетавшего в себе качества ученого-исследователя, проникавшего в самые глубины грамматической организации строя тюркских языков, и ученого-педагога, искавшего пути научно-нормативной интерпретации наиболее сложных языковых явлений, очень характерна эта связь теоретического и практического аспектов. А. Н. Кононов глубоко объективно характеризует концепцию А. П. Поцелуевского в его трудах о сложноподчиненном предложении: «Эта схе-

ма в основе своей умозрительная, предполагает постепенное развитие разных типов сложноподчиненного предложения, каждый из которых является развитием предыдущего, что уже само по себе требует дополнительных изысканий.

Теперь, когда со времени издания «Синтаксиса» А. П. Поцелуевского прошло 30 лет, не все его идеи могут быть приняты без критики, однако предложенное им понимание природы сложного предложения туркменского языка остается продуктивной основой для дальнейших исследований этой трудной проблемы» (стр. 16).

В этой характеристике весьма четко отнесены индивидуальные особенности А. П. Поцелуевского как ученого: он увлеченно искал «непрерывность» и «переливы», открывающиеся исследователю при сопоставлении различных типов синтаксических конструкций, и блистательно воспроизвел своеобразие их структуры, хотя «лингвистический романтизм», свойственный А. П. Поцелуевскому, привел его к переоценке силы диахронических моментов в синхронной картине грамматического строя. При этом нужно отметить, что даже эти преувеличения содержали в себе рациональные черты, позволившие ему разглядеть глубокую систематичность синтаксических оборотов туркменского языка. Многие идеи А. П. Поцелуевского, содержащиеся в его монографии, не утратили своего значения и поныне. Несомненно, «лингвистический романтизм» А. П. Поцелуевского был своеобразной попыткой выйти из тесных оков декларативных построений «нового учения о языке» и преодолеть сугубую описательность, присущую значительной части тюркологических работ того времени.

В свете этой особенности творческой индивидуальности А. П. Поцелуевского следует высказать сожаление о том, что, при всей строгости и объективности отбора работ А. П. Поцелуевского, в сборник «Избранных трудов» не вошли некоторые публикации, хотя и во многом устаревшие, но очень характерные для автора своей полемичностью и «дерзостной» увлеченностью («К вопросу о древнейшем типе звуковой речи», «Реликты инкорпорирования в туркменском языке»). Современный тюрколог легко различил бы в них пласты, пропитанные терпкими соками стаднальных реконструкций (особенно при наличии соот-

ветствующих комментарий составителей), но он испытал бы и истинную радость от соприкосновения с самобытной и всегда острой мыслью выдающегося тюрколога.

Тем не менее включенные в сборник труды дают представление о «всеохватности» исследований А. П. Поцелуевского в области изучения туркменского языка и об основных направлениях его научных разысканий: «Фонетический строй туркменского языка» (стр. 25—60) и примыкающая к данной работе статья «Опыт изучения артикуляции звуков туркменской речи методом пальтограмм» (стр. 61—70); «Диалекты туркменского языка» (стр. 71—122); очень интересные и богатые мыслями статьи историко-грамматического характера «Некоторые рудиментарные падежные формы в туркменском языке» (стр. 123—129), «Происхождение личных и указательных местоимений (материалы к истории туркменского языка)» (стр. 130—146), «К вопросу о происхождении формы настоящего времени в тюркских языках юго-западной группы» (стр. 147—166); «Основы синтаксиса туркменского литературного языка» (стр. 167—268); «Проблемы стаднально-сравнительной грамматики тюркских языков» (стр. 269—283), «К вопросу о зависимых номинальных предложениях в туркменском языке» (стр. 284—290); «Рифма в произведениях Махтумкули» (стр. 291—302), «Стихотворный ритм гокленских народных песен» (стр. 303—318), «Наскальные изображения в долине реки Чандыр» (стр. 319—330).

Издание «Избранных трудов» А. П. Поцелуевского — прекрасная дань памяти замечательного исследователя и вместе с тем это вклад в современную тюркологию, ибо дух исследования и напряженных поисков, свойственный работам А. П. Поцелуевского, имеет несомненное значение для той огромной работы, которая ведется в настоящее время в области изучения грамматического строя тюркских языков. Именно в сводном издании трудов покойного ученого отступают на задний план ошибки, промахи и полемические издержки давнего времени, а на первый план выступают живые ценности наследия талантливого ученого — значительность его свершений, поучительность поисков и существенность достигнутого.

С. Н. Иванов

«ОНОМАСТИКА ПОВОЛЖЬЯ, 3»

УФА, 1973, 431 стр.

История башкирской ономастики связана с именем проф. Дж. Г. Киекбаева, разработавшего целый ряд вопросов башкирской топонимии и антропонимии. Дальнейшее развитие башкирская ономастика получила в диссертационных работах сотрудников сектора языка Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР. В настоящее время группа топонимистов сектора языка готовит «Топонимический словарь Башкирии». Сдана в печать книга о башкирских личных именах.

В развитии башкирской ономастики немаловажную роль сыграли регулярно проводившиеся поволжские конференции по ономастике, состоявшиеся в городах Ульяновске (1967), Горьком (1969), Уфе (1971), Саранске (1973) и Пензе (1974).

Материалы Третьей Поволжской конференции по ономастике (Уфа, 1971) объединены в сборник «Ономастика Поволжья, 3», изданный под редакцией проф. Р. Г. Кузеева и В. А. Никонова.

В этом сборнике представлены работы, посвященные вопросам этнонимии, антропонимии, топонимии, космонимии и зоонимии. Кроме того, в него входят обзорные статьи об использовании ономастики в художественной литературе и фольклоре, а также, — посвященные общим вопросам этой науки. Авторы исследований оперируют материалами славянских, финно-угорских, иранских, монгольских и тюркских языков, ибо Поволжье издавна было регионом, в котором происходила постоянная смена оседавших здесь различных племен и народностей.

Вопросам методологии исследования ономастического материала посвящены статьи В. А. Никонова и В. Д. Бондалетова. В ряде других статей освещаются различные аспекты ономастики поволжского региона. Значительную часть сборника составляют статьи, посвященные проблемам башкирской ономастики (24 статьи).

Книга открывается статьей Р. Г. Кузеева «Опыт исторической стратификации родо-племенной этнонимии башкир». В ее методической части автор характеризует два основных направления использования родо-племенной этнонимии при исследовании этнической истории народов: этимологический анализ и историко-этнографический анализ, причем последний он считает предпочтительным.

Р. Г. Кузеев рассматривает целый комплекс вопросов методического и методологического характера по исторической стратификации (напластованию) родо-племенной этнонимии башкир. Он выделяет в башкирской родо-племенной этнонимии семь историко-стратиграфических пластов. К ним относятся: финно-угорско-самодейский (hubyu, kälser, küi-il-meñ, kalmaš, šad, šadu, kese,

terhäk, heñgän, öpäj, bākätin и т. д.), болгаро-мадьярский (jurgmaty, gäjnä-tarhan, bü-lär, tanyp, jomran и т. д.), древнебашкирский (üfärgän, möjtän, börgän, tamjan, tün-gäuer, bajlar, un, bišul, köbäj, uran и т. д.), огузо-кыпчакский (äj, äjbe, tyglaqly, qaqa-tauly, hart, altmyš-qolak, qomly, äbdeI, quduylbaš и т. д.), кыпчакский (qypsaq, qanly, gära, hary, qoşsy, qyryuđ, jylan, bajuly и т. д.), ногайский (poçaj-jurgmaty, poçaj-qursak, poçaj-börgän, poçajlar и т. д.) и другие пласты. Каждому из этих этнонимических пластов автор дает развернутую характеристику, уточняет значение этнонимов, устанавливает этимологию некоторых родо-племенных названий и находит их эквиваленты в ряде финно-угорских, монгольских и тюркских языков.

В результате анализа этнонимических названий с привлечением языковых и исторических фактов Р. Г. Кузеев приходит к выводу, что на формирование башкирского этноса оказали влияние самодийские, угорский, а также болгаро-мадьярские компоненты. По его мнению, решающую роль в создании башкирского этноса сыграли два этапа тюркской миграции: древнебашкирский в VIII—IX вв. и кыпчакский в VIII—XIV вв.

Представляет значительный интерес статья А. А. Камалова, посвященная отдельным вопросам изучения топонимии Башкирии. Автор устанавливает источники возникновения башкирской топонимии, намечает пути изучения топонимов. Подчеркивая значение семасиологического изучения, он акцентирует внимание на необходимости проведения фонетико-статистических исследований. Весьма актуальным представляется нам тезис автора о том, что «мы еще не можем по топонимам восстановить древнюю форму башкирских слов. Для выяснения этимологии топонимов пользуемся только данными сравнительно-исторической фонетики тюркских языков, а не наоборот». В плане выявления соответствий звуков; g:z, l:δ, d:δ:j, š:j, äy:ü, au:ab:u А. А. Камалов устанавливает генетическую связь топонимов Šagan и Šazan 'сазан (название рыбы)', Ük'ertau и Ugeztau 'гора, похожая на быка', Adyrtau, Abyrtau и Ajyrtau 'горный отрог', Šylandy, Štandy, Jylandy 'змеиная', Yrta и Yzma 'дом' и т. д.

В другой своей статье А. А. Камалов излагает основные принципы составления «Топонимического словаря Башкирской АССР».

Значительная часть сборника посвящена личным именам и связанным с ними практическим и теоретическим вопросам. Авторы статей раскрывают исторические корни антропонимии, показывают ее непосредственную связь с жизнью народа и его обы-

чаями, анализируют современный башкирский именной.

В современном башкирском именнике Т. М. Гарипов обнаруживает ряд пластов. Наиболее древний из них — кыпчакский, идущий из самых глубин этноса и сохранившийся на протяжении многих веков. К кыпчакским он относит исконные, самобытные имена людей, понятные без перевода как для самих башкир, так и для представителей других близкородственных народов, то есть для татар, казахов, каракалпачков, ногайцев, карачаево-балкарцев, кумыков, киргизов и т. д. Например: *Ajhylyu* 'Красивая, как луна', *Qaḡasäs* 'Черноволосая', *Sulḡan* 'Ранняя звезда', *Büläk'baġ* 'Богатый дарами' и др. Автор выявляет основные источники кыпчакских имен в башкирской антропонимии. Рассматриваются также пути и условия проникновения имен арабо-иранского происхождения. Исследование интересно и тем, что в нем анализируется масса антропонимов как в морфологическом, так и в семантическом аспектах. На основании статистического анализа автор приходит к заключению, что в башкирском именнике в большей мере выражены кыпчакский пласт, нежели арабский.

Вторая статья Т. М. Гарипова посвящена соотносительности башкирских и татарских ойконимов на карте Башкирской АССР. Анализируя башкирские и татарские топоформанты, автор поднимает вопрос о том, что «...исторически татарская письменная традиция предшествовала башкирской, в силу чего многие топонимы бывших Уфимской и Оренбургской губерний фиксировались русскими географами именно в татаризованной форме, хотя местное произношение иногда значительно разнится от картографической записи... Отсюда впечатление о численном преобладании татарских элементов в тюркской топонимике Башкирского края нуждается в известных коррективах».

З. Г. Ураксин в данном сборнике выступает с тремя статьями. Первая из них посвящена анализу башкирских личных имен, образованных от названий родов, племен и народов. Такие имена автор делит на две группы. К первой группе он относит собственно башкирские родо-племенные названия типа *Toġuon* 'кречет белый', *Buġe* 'волк', *Aġudlan* 'лев' и т. д. Вторую группу подобных антропонимов составляют этнонимы, относящиеся к тюркской и общеалтайской семье языков типа *Altaj*, *Kupsak*, *Törökmän*, *Qadaq*, *Kalmaq*, *Hartaj*, *Üzbäk*, *Syuaşaj* и др. Объясняется историческая основа возникновения башкирских личных имен из этнонимов.

Во второй статье З. Г. Ураксин рассматривает особенности функционирования собственных имен в составе фразеологизмов типа *Qorbanbik'ä*, *Ändġä*, *Kaf*, *Nux*, *Söläj-män* и др.

В статье «Морфологическая и фонетическая структура собственных имен тюрк-

ского происхождения в русских говорах северо-востока Башкирии» (авторы: З. Г. Ураксин, А. И. Шалашова) дается структурный анализ собственных имен, освоенных русскими говорами, находившимися в языковом контакте с тюркским населением, в частности с башкирами. В статье дана этимология некоторых фамилий и топонимов.

С весьма интересным наблюдением выступает А. М. Азнабаев. Исходя из анализа ряда топонимов Башкирии, автор находит древнейшие формы множественного числа башкирского языка. Сопоставляя топонимы *Ura-l* 'горы' (название хребта Урал), *Obon qur-la* с данными других тюркских языков, он приходит к выводу, что современный аффикс *-lar* является результатом контаминации трех древнейших простых показателей множественности *-l*, *-a*, *-r*.

Представляет значительный интерес статья Ф. Ф. Илимбетова «Личные имена как источник при изучении древних верований башкир», в которой башкирские антропонимы исследуются в этнографическом аспекте. Автор подвергает анализу три типа личных имен, образованных от названий животных. Первый из них составляют антропонимы, имеющие в своем составе компонент *büġe* 'волк', ко второму относятся личные имена с компонентом *eġ* 'собака', а третий тип таких имен образуют наименования с компонентом *aġu* 'медведь'. Ареал личных имен с компонентами «волк», «собака» (реже «щенок») и «медведь» весьма обширен. Как видно из исследования Ф. Ф. Илимбетова, такие имена фиксируются у башкир, чувашей, туркмен, казахов, узбеков, турок, алтайцев, якутов, бурят, калмыков, адыгейцев и др. По мнению автора, антропонимы, образованные от названий животных, составляют древнейший пласт в именнике и связаны с тотемистическими представлениями.

Н. В. Бикбулатов в статье «Антропонимы и термины родства» выделяет два аспекта связи личных имен с терминологией родства: 1) взаимосвязь системы имен и системы родства в речевой ситуации и 2) генетическая связь некоторых антропонимов с отдельными терминами родства. Связь антропонимов с терминами родства осуществляется в процессе общения родственников. Проявлением этой связи является замена имени человека термином родства. Например: *qoba* 'сват', *qobaġuġ* 'сваха' и др. Кроме того в составе антропонимов имеются компоненты терминов родства, так же как *kinjä* 'младший', *jeġän* 'внук'. Оба аспекта связи личных имен с терминологией родства автор наглядно иллюстрирует как языковыми, так и историко-этнографическими материалами.

К. З. Закирьянов в статье «Транслитерация башкирских личных имен на русский язык» поднимает вопрос актуальный не только для башкирского языка, но и для других нерусских языков. Вскрывая ряд неточностей и разноречий в русском написа-

нии башкирских личных имен, он объясняет это обстоятельство главным образом несоответствием фонетических систем русского и башкирского языков и отсутствием соответствующих справочников. Автор предлагает разработанные им принципы транслитерации башкирских личных имен в русском языке.

Аналізу микротопонимии бассейна озера Асылыкуль посвящена статья Р. З. Шакурова. В ней автору удалось показать реальную этимологию ряда гидронимов, оронимов и ойконимов и выявить основные словообразовательные типы микротопонимии бассейна этого озера.

Космонимия является неизученной областью ономастики не только башкирского, но и других тюркских языков. Поэтому с интересом читается статья Н. Х. Максютовой «Башкирская космонимия», в которой автором приводятся названия небесных тел, выявленные ею в процессе изучения говоров башкирского языка. Исследование интересно еще и тем, что сопоставление вариантов этих названий позволяет установить целый ряд фонетических соответствий и словообразовательных типов.

Аналізу антропонимов, представленных в башкирских шежере, посвящены статьи: Т. Х. Кусимовой «Антропонимы в башкирских шежере», Н. Д. Гариповой «Персидские элементы в именах башкир», Р. Х. Халиковой «Антропонимы в башкирских документах XVIII в.», Р. З. Шакурова «Ономастическое наследие в башкирских шежере».

Ономастика представляет собой весьма богатый языковой материал, к сожалению, пока мало разработанный. К его изучению исследователи подходят с разных позиций.

Так, М. В. Зайнуллин, В. Ш. Псянчин и З. А. Харисова в статьях сборника исследуют словообразовательные типы микротопонимов и состав башкирских антропонимов, тогда как Н. Х. Ишбулатов, М. И. Дильмухаметов, У. Ф. Надергулов и Э. Ф. Ишбердин рассматривают взаимоотношения топонимов с диалектами, а также взаимосвязи этнонимов и топонимов.

Рецензируемый сборник является значительным вкладом в башкирскую ономастику и в науку об именах в целом.

Сборник не лишен и отдельных недостатков, которые в основном сводятся к неправильному толкованию отдельных антропонимов, этнонимов и топонимов. Ср., например: *Koſče Raſmanqul* вовсе не «Рахманкул-птицелов» (стр. 113), а «Рахманкул из рода кошчы»; *Kužaš-balykçu* не «Кужаш-рыболов» (там же), а «Кужаш из рода балыкчы»; *Suga* не «раб» (стр. 71), а «богатырь»; *Boskon* не «прятавшийся, скрывшийся» (стр. 68), а *boz > buz* 'серый' + *qon* 'волк', что касается *z*, то этот звук в соседстве с глухим *k* перешел в *s*; *Tabanqul* не «озеро у подошвы горы», а «озеро, полное карасей». Вызывает сомнение и перевод названий *Džaſaſ* или *Jaſaſaſ* 'ручей' (стр. 58).

В целом сборник «Ономастика Поволжья, 3» представляет значительный научный интерес и принесет большую пользу как справочное пособие по ономастике тюркских, монгольских, финно-угорских и славянских языков. Научные работники, аспиранты, студенты, краеведы, учителя-филологи и другие читатели найдут в нем интересный познавательный материал.

Р. Г. Азнагулов

А. ОРУСБАЕВ. КИРГИЗСКАЯ АКЦЕНТУАЦИЯ (ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ УДАРЕНИЯ В СЛОВЕ И ВО ФРАЗЕ). ФРУНЗЕ, 1974, 112 стр.

В последние годы в отечественной тюркологии успешно развивается экспериментальный метод фонетического исследования. Используя богатый опыт русской и зарубежной экспериментальной фонетической школы, исследователи переходят от субъективно-слухового анализа языковых фактов к объективно-экспериментальному методу изучения фонетического строя конкретного языка. Преимущества объективного анализа можно наглядно видеть в ряде работ, посвященных результатам экспериментально-фонетических исследований, на материале татарского, узбекского, азербайджанского, казахского, киргизского и других языков. К числу таких работ следует отнести и книгу А. Орусбаева «Киргизская акцентуация».

Ударение в киргизском языке до последнего времени не было предметом специального изучения. Существуют различные мнения о природе и месте тюркского ударения. Монография А. Орусбаева является первым экспериментально-фонетическим исследованием в области киргизской акцентуации.

Работа велась автором под научным руководством профессоров Э. В. Севортяна и Л. Р. Зиндера.

Едва ли не самым главным достоинством книги, на наш взгляд, является то, что автор дополняет инструментальные данные фактами восприятия (акустико-перцептивный метод), без чего исследование было бы несколько односторонним. Основываясь на данных экспериментального материала,

А. Орусбаев исследует киргизское ударение в изолированных словах и в составе простого распространённого повествовательного предложения. Более подробно анализируется в книге соотношение акустических коррелятов ударения с данными восприятия.

Автор умело использует образные выражения, сравнения, математические, физические формулы и приемы (стр. 10, 26, 52, 44, 61, 62, 63 и др.).

Частота основного тона, интенсивность и длительность являются основными физическими параметрами ударения. В монографии им посвящены отдельные параграфы, и они интерпретируются с лингвистической точки зрения. Например, о длительности говорится следующее: «В киргизском языке длительность наряду с интенсивностью и тоном, регулярно участвует в создании словесного акцента, хотя ее соотносительные величины менее устойчивы, чем соотносительные величины интенсивности и тона (интенсивность и тон оказались, по полученным экспериментальным данным, более свободными от фонетических условий)» (стр. 45). Справедливо, на наш взгляд, мнение автора о том, что словесное ударение в большинстве тюркских языков исследовалось только с акустической (физической) точки зрения.

Анализируя результаты опыта по изучению восприятия на уровне словесного ударения, автор приходит к важному выводу о том, что для носителей киргизского языка главное значение имеют сила и протяженность ударного звука, а частота основного тона менее существенна. А. Орусбаев считает, что «киргизское словесное ударение есть функция интенсивности и длительности, то есть оно является и силовым, и долготным (динамико-количественным)» (стр. 54).

Исторические экскурсы во всех трех главах монографии очень лаконичны, но исчерпывающи. В тюркской лингвистике до сих пор не исследовано не только ударение в синтагме, само понятие синтагмы тоже до конца не определено. Проблеме ударения в синтагме посвящается вторая глава рецензируемой книги. Известно, что синтагма непосредственно связана с устной речью и реализуется в речи средствами ударения, интонации, паузой и т. д., а в языке выступают не синтагмы, а словосочетания. Словосочетание же как лексический компонент входит в состав синтагм. Словосочетания и синтагмы не тождественны, они суть единицы различных синтаксических планов. Стремясь раскрыть вопрос о реализации ударения в синтагме, автор подбирает экспериментальный материал таким образом, чтобы в составе фраз обязательно встречались слова в исходной (или словарной) форме и слова с различными именными и глагольными аффиксами, ранее уже исследованные в первой главе книги. Такой подход к подбору экспериментального материала вполне обоснован, так как в сравнительном плане ярче проявляются изменения, происходя-

щие в акцентной структуре слова как изолированного, так и находящегося внутри фразы.

А. Орусбаев получил интересные данные о средствах членения повествовательной фразы на синтагмы. Он приходит к заключению, что демаркационным сигналом при делении фразы на синтагмы является, с одной стороны, перелом мелодики, а с другой — совокупность перелома мелодики и ударения.

Результаты экспериментальных данных показали, что необходимо строго дифференцировать словесное и синтагматическое ударения, ибо это важно для понимания функций и взаимоотношений в языке. «Одно из основных отличий синтагматического ударения от словесного, — пишет автор, — состоит в том, что синтагматическое ударение динамично, то есть имеет некоторую свободу передвижения в пределах синтагмы и фразы в целом» (стр. 88—89). При этом не разрушается фонетическая структура фразы, не изменяются логико-модальные отношения.

Основываясь на общих теоретических положениях и экспериментально-фонетических исследованиях специалистов в области славянских и германских языков (О. С. Норк, В. А. Артемов, Л. Р. Зиндер и др.), автор после тщательного анализа экспериментальных данных приходит к выводу, что в качестве средства разграничения синтагм во фразе в киргизском языке выступают пауза и мелодика, не менее важным средством членения высказывания является совокупность мелодики и ударения.

Третья глава рецензируемой монографии посвящена функциям словесного и синтагматического ударения. Автор считает необходимым строго различать функции ударения по отношению к разным единицам языка, подходя к функции ударения с точки зрения знаковости языка. Ударение на разных уровнях выполняет различные коммуникативные функции. В тюркологии существуют различные взгляды на природу словесного и синтагматического ударений (см. стр. 102—107). Вопреки мнению ряда тюркологов, А. Орусбаев утверждает, что в киргизском языке словесное ударение «никакой смысловоразличительной функции не имеет. Словарный фонд современного киргизского языка располагает довольно большим количеством омонимов, но не имеет омограмм, семантическое различие которых в парадигматике определялось бы местом ударения. Иначе обстоит дело, например, в славянских и германских языках» (стр. 105).

После обзора теоретических высказываний ведущих ученых о природе ударения в словах и фразах и сопоставления их с экспериментальными данными автор книги заключает, что основная функция киргизского ударения состоит не в том, чтобы быть средством семантического различения слов, одинаковых по последовательности звуков, а в том, чтобы вместе с сингармонизмом

сцеплять сегментные единицы и тем самым организовывать звуковые оболочки слов в некие законченные единства (стр. 107). Далее дается акустическая интерпретация сказанного. В лингвистическом плане ударение, как бы организуя звуки и слова, входит в число средств, создающих целую функциональную единицу. Известно, что функциональная единица, слово, характеризуется его внешней (материальной) и внутренней (смысловой) сторонами. Результаты экспериментальных данных позволяют автору сделать вывод о том, что ударение так же функционально, как и фонема, и сингармонизм, но этого недостаточно для семантической дифференциации сигналов, ибо киргизскому словесному ударению присуща не словоразличительная, а словоорганизующая функция.

В тюркской лингвистике мало изучена функция синтагматического ударения. Синтагма является единицей речи, а не языка. Экспериментальные данные показали, что сегментация фразы на синтагмы зависит от говорящего, от речевой ситуации, а слово, на которое падает синтагматическое ударение, усиливается (на слух) с точки зрения функции. К этому ударному слову примы-

кают менее коммуникативно значимые слова, образуя ритмическое единство.

После подробного анализа экспериментальных данных автор выдвигает положение о том, что в киргизском языке синтагматическое ударение имеет синтагмоорганизующую функцию. При этом оно взаимодействует с мелодикой, паузой и другими надсегментными единицами.

В монографии имеются некоторые неточности в выражениях: «дешифровка» вместо «расшифровка» или «обработка» осциллографических кривых (стр. 5), «меньшее коммуникативное значение» вместо «коммуникативно менее значимы» или «слабое коммуникативное значение» (стр. 53) и др. Нечетко разграничены понятия «ритмико-семантическая» и «акцентная» организация.

Книга А. Орусбаева «Киргизская акцентуация» заслуживает внимания как в теоретическом, так и в экспериментальном планах. Она насыщена наглядным иллюстративным материалом. Думается, что она представляет значительный интерес для специалистов-тюркологов, работающих над аналогичными вопросами в области различных тюркских языков.

А. Кошкарлов

Э. М. МУРЗАЕВ. ОЧЕРКИ ТОПОНИМИКИ

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ», 1974, 382 стр.

В последние десять-пятнадцать лет наблюдается интенсивное развитие топонимики. Повышенный интерес к проблемам топонимики вполне понятен: географические названия в своей совокупности обладают большим информационным потенциалом, весьма ценным для лингвистов, историков, этнографов и географов.

Топонимике посвящена и рецензируемая книга Э. М. Мурзаева, уже около четырех десятилетий занимающегося происхождением географических названий и народной географической терминологией. Интерес этот возник у автора в бытность его в тюркоязычных республиках Средней Азии в начале тридцатых годов. Естественно поэтому, что тюркская топонимия заняла существенное место и в рецензируемой работе.

Структурно книга состоит из трех частей: 1) общие вопросы топонимики, 2) региональные исследования, 3) справочный аппарат: библиография, указатели географических названий и местных географических терминов.

Прежде всего следует указать, что «Очерки топонимики» Э. М. Мурзаева не претендуют на исчерпывающее изложение проблем топонимики, характеристику существующих методов научного познания географических названий как объекта исследования.

Вместе с тем книга обобщила работы автора как теоретические, так и региональные. Последние в основном выполнялись в Азии, в отдельных странах которой и проводились многолетние экспедиции: Средняя Азия, Монголия, Западный Китай, Вьетнам.

В первой части автор останавливается на значении топонимических исследований, научной терминологии, взаимоотношении географии и топонимики. Интересно его сопоставление названий частей тела человека и животных с географическими терминами, как метафоричными. Здесь немало тюркских параллелей: *агыз* 'рот, пасть', но и 'ущелье, проход в горах', *бурун*, *мурун* 'нос', но и 'мыс, выступ горы', *богаз*, *бугаз* 'горло', но и 'проход в горах, перевал, проток, пролив', *токой* 'локоть', но и 'залив излучина реки, лука' и т. д. Такие соответствия прослежены автором также на материале русского языка и некоторых восточных.

Большая глава посвящена обзору топонимических исследований в нашей стране. Автор среди других отмечает здесь и труды Махмуда Кашгарского, Бируни, Хайдара Мирзы, А. Бакиханова.

Из общих положений, которыми руководствуется автор, заслуживает быть отмеченным его утверждение, что тот или иной топоним должен изучаться в ряду ему подобных, ибо одиночно взятое название не может дать достаточно полной информации. Э. М. Мурзаев пишет, что ни в одной стране нет единообразной географической номенклатуры: «Она создавалась постепенно, как многослойное образование, состоящее из всегда разновозрастных и всегда разноразличных элементов» (стр. 323).

Э. М. Мурзаев стремится обозреть ареалы некоторых топонимов и народных терминов на огромных пространствах Евразии. По существу такие ареалы оказываются трансконтинентальными, что указывает на большую древность некоторых топонимических или терминологических образований, изучение которых сравнительным методом обещает привести к весьма любопытным по своей неожиданности выводам.

Много внимания уделяет Э. М. Мурзаев народным географическим терминам, тем народным словам, которые участвуют в образовании географических названий и со временем могут сами по себе, без помощи других слов, приобрести самостоятельное значение (стр. 81). В тюркских языках к таким словам относятся: *даг*, *булаг*, *су*, *кум*, *шор* и т. д., которые в пространственном аспекте нередко меняют свое значение в результате смыслового сдвига. Ср. казах. *тау* 'гора', якутск. *тыа* 'лес'; турк. *шор* 'солончак', чуваш. *шор* 'болото' и т. д. Местный или народный географический термин — это, по мнению автора, «универсальный ключ, который в умелых руках раскрывает многие простые и трудные задачи, как семантические, так и информационные...» (стр. 99—100). Немало интересного можно узнать при анализе семантики и ареалов таких терминов, как, например, *то*, *тор*, *тонгер*, *тенгиз* 'озеро, море', или термина *кыр* в тюркских, финно-угорских и монгольских языках; или *кат*, *кад*, *канд*, *кент* 'поселение, город', в различных модификациях, присущих индоевропейским, тюркским, монгольским, финно-угорским и даже айскому языкам.

Из терминов, означающих типы населенных мест и играющих большую роль в их номинации, указываются *курган*, *ленгар*, *там* (*дам*). Последний обычен в топонимии Таримской впадины (Синьцзян), Средней Азии, Азербайджана, соотносясь с санскр. *damas*, греческ. *domos*, латинск. *domus*, русск. *дом*. По-видимому, азерб. *дам* в *Агдам* следует переводить как «укрепленное место, крепость, постоянное жилище». Сравним современное уйгурское *уй* 'жилище, юрта, хижина, простой обычный дом' и *тамуй* 'постоянное жилище, дом квадратной формы с толстыми стенами, крепкими воротами, укрепленное жилище'. Ср.: *там* 'стена' во многих тюркских языках, *там үй* 'каменный дом' у В. В. Радлова (т. 3, стр. 991).

Значительное место в книге отведено тюркоязычной топонимии, которая просле-

живается на громадных пространствах от Центральной Европы до Монголии включительно, а в СССР — от южных границ до Таймыра и Якутии (стр. 161). Такие главы книги, как «Азиатские топонимические миниатюры», «Географические названия Средней Азии и Казахстана», «Топонимика Синьцзяна», построены в значительной мере на тюркском материале. Автор разбирает некоторые общие и сходные черты топонимов, имеющих тюрко-монгольское или индоевропейское происхождение. В их числе можно назвать *кем*, *хем* 'река', *мурэн* 'большая полноводная река'; *кол* 'река, родник, сухое русло'; *ус* 'вода, река, источник'. Сравним: *Джетыкуз*, *Узбой*, *Унгуз* из *ус* в монгольском, *угуз* в тюркских, *үгүс* 'река, речка' в древнеуйгурском. (См.: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893, стр. 1811). Античный автор Плиний (I в. н. э.) один из притоков Аракса именуется *Усом*. Территория древнего Азербайджана изобилует названиями, родственными бытующим в странах, лежащих к востоку от Каспия¹.

Не забыты автором также этнонимы, образовавшие топонимы. В Средней Азии к подобным географическим названиям автор относит: *Беркут*, *Гурлан*, *Мангут*, *Карлуг*. Такая связь четко прослеживается и на территории Азербайджана, что подтверждает и ряд статей А. Гусейнзаде. В топонимии Синьцзяна основной топонимический пласт формируют тюркоязычные названия (уйгурские, казахские, киргизские). Но в стратиграфической колонке весьма значителен слой ираноязычных топонимов и субстратный доиранский горизонт «таинственных названий». Много здесь и монголоязычных топонимов.

Интересной в топонимическом отношении оказалась Монголия, находящаяся «на стыке гетерогенных топонимических потоков: тунгусо-маньчжурских, тюркских, южносибирских (самодийских, кетских), индоевропейских» (стр. 235). Затем, по мнению автора, следуют тибетские географические названия. Более древний горизонт характерен тюркскими образованиями, которые могут быть отнесены к субстрату (р. Байда-раг, р. Тола, оз. Айраг (нур)). Но многие названия восходят одновременно как к тюркским, так и к монгольским языкам вследствие общности лексем: *Арбай-Хэрэ* 'ячменное поле', *Алтан-Булаг* 'золотой источник' (новое образование), *Баян-Тумэн* 'богатая область' и т. д. С другой стороны, монгольские названия в результате известных исторических процессов средневековья закрепились в топонимии Казахстана, Средней Азии, Азербайджана, Афганистана, Ирана. Вспомним хотя бы азерб. *ноhur* 'озеро' и сравним монг. *нуур* 'озеро'.

Много топонимических параллелей можно найти в книге «Очерки топонимики».

¹ Р. Юзбашев, К. Алиев, Ш. Саадиев. Географические названия Азербайджана. Баку, 1972, стр. 75 и далее.

Однако не все они кажутся убедительными. Автор считает, что монгольское *гол* 'река', северо-кавказское *кол* 'длинная балка, пологая долина' (карачаев.), киргизо-казахское *кол* в составе гидронимов, азерб. *гол* 'ветвь, рукав реки' и предположительно общетюркское *гэль, кбль, куль* 'озеро' восходят к единому началу. Но азерб. *гол* означает «рука», отсюда «приток, рукав реки». То же самое можно сказать о термине *отгар*, который не соотносится с индоевропейским словом *гар* в афганском, русск. *гора*. Вспомним и груз. *гора* 'гора, холм'. В *отгар* — *гар* словообразовательный аффикс.

При рассмотрении топонимической стратиграфии Средней Азии автор высказывает мысль о распространении на ее территории тюркоязычного населения в VI веке (стр. 212). Но, с другой стороны, название *Окс*

(Амударья), упоминаемое историками первого века н. э., возводится к *огуз, окуз*, 'вода, река', у тюрков. Нет ли здесь противоречия?

Отдельные страницы книги посвящены топонимии Вьетнама. Автор путешествовал по ДРВ и принимал участие в работе топонимического семинара в Ханое, который положил начало проведению топонимических исследований в стране.

В целом следует сказать, что книга Э. М. Мурзаева «Очерки топонимики», несомненно, будет благосклонно встречена как специалистами, так и читателями, интересующимися происхождением географических названий.

К. Алиев, Р. Юзбашев

А. Г. ҚАРИМУЛЛИН. ТАТАРСКАЯ КНИГА НАЧАЛА XX ВЕКА КАЗАНЬ. ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1974

Несколько лет назад в Казани вышло в свет первое крупное теоретическое исследование по истории татарской книги, написанное известным специалистом в этой области А. Г. Каримуллиным¹. Поднятый автором богатейший архивный материал позволил ему рассказать о первых изданиях книг на татарском языке в России и Западной Европе, дать исторический обзор татарского книгопечатания. Монография получила положительную оценку в республиканской печати. Изданная небольшим тиражом, она далеко не удовлетворила читательского спроса.

Теперь вышла в свет новая книга А. Г. Каримуллина — «Татарская книга начала XX века». Она не является непосредственным продолжением предыдущей, ибо история татарской книги второй половины XIX века в нее не вошла, хотя отдельные публикации автора на эту тему и известны республиканскому читателю. Рецензируемая монография является, таким образом, по существу третьей частью обширного труда по истории татарской книги, предпринятого А. Г. Каримуллиным.

Рецензируемое издание прежде всего характеризуется богатством и разнообразием использованного автором материала — около 700 источников. А. Г. Каримуллин работал в крупнейших архивах Ленинграда, Ка-

зани, Уфы и Оренбурга, исследовал источники на многих языках народов СССР — русском, татарском, казахском, узбекском, азербайджанском, башкирском. Кроме того, им использованы материалы на английском, французском, немецком и турецком языках. История книги в целом, как известно, находится в тесной связи с самыми разными сторонами материальной и духовной культуры народа. Поэтому ее исследователь должен четко определить свою задачу и не выходить за ее рамки. А. Г. Каримуллин отлично это сознает. Он рассматривает книгоиздательское дело как один из социальных институтов. Автор совершенно справедливо считает, что состояние книгопечатания говорит прежде всего об уровне развития общественно-политической, этической и эстетической мысли народа, а также его языка, литературы и просвещения. Отражая общественное сознание народа, татарское книгопечатание явилось одним из действенных средств освоения достижений русской и мировой культуры, науки и передовой общественно-политической мысли.

Историю татарской книги указанного периода А. Г. Каримуллин начинает с характеристики издательской деятельности типографий Казани. Первая глава книги «Казань — ведущий центр татарского книгопечатания», так же как и последняя «Количество изданий. Полиграфическое оформление. Книжная торговля», изобилует наглядными таблицами, показательными цифровыми данными, основанными на архивных материалах и сведениях общероссийских

¹ А. Г. Каримуллин. У истоков татарской книги (от начала возникновения до 60-х годов XIX века). Казань, 1971.

сборников. Читатель получает достаточно полное представление о деятельности казанских ученых и издателей, оживившейся особенно заметно в начале XX века. А. Г. Каримуллин весьма эмоционально и интересно рассказывает об издательской деятельности Г. Шарафа (стр. 88—112), об участии представителей простого народа в создании и функционировании тех или иных типографий, распространении книг. Так, автор, например, указывает: «Возникновение и развитие типографии „Миллят“ непосредственно связано с именем крестьянина деревни Наласы Арской волости Казанского уезда Ибрагима Сулеймановича Идрисова, а также его сына Мухаммеда Ибрагимовича Идрисова» (стр. 112). Привлекает также внимание сообщение о том, что в работе типографии «Умид» активно участвовал Ш. Ш. Ахмеров, «крестьянин деревни Новые Задворки Буинского уезда, автор ряда учебников для татарских школ, автор первой книги на татарском языке по истории книгопечатания — „Матбагачылык тарихы“» (стр. 122).

А. Г. Каримуллин отмечает, что типографии Казани издавали книги не только на татарском и русском, но и на других языках народов России и особенно много изданий выходило на казахском языке. В Казани на татарском языке печатались произведения классиков русской литературы, переводы с иностранных, главным образом восточных языков.

В начале XX века Казань стала центром татарского книгопечатания. Как пишет автор, «благодаря Первой русской революции появились национальные печатные издания, что помогло демократизации татарского книгопечатания» (стр. 133).

На рост татарской печатной продукции обратил внимание В. И. Ленин: «... за последние 10 лет мусульманское население России сильно развилось в культурном отношении: у казанских татар на 150 человек приходится сейчас 1 мечеть и 1 мулла, у русских и инородцев того же района 1 священник приходится только на 1500 душ; у первых одна школа на 100 душ обоего пола; у православных — одна на 1500—3000 человек. Распространение книжной и газетной литературы у мусульман-татар относительно еще более высокое»².

Татарские книги в этот период издавались не только в Казани. Целый ряд типографий функционировал и в других городах страны. Во второй главе книги автор рисует широкую картину распространения изданий на татарском языке в таких городах, как Оренбург, Уфа, Златоуст, Бирск, Астрахань, Петербург, Москва, и приходит к выводу, что возникновение татарского книгопечатания вне Казани связано с тем, «что казанское татарское книгопечатание не было в состоянии удовлетворить растущий спрос на книгу» (стр. 184). А спрос этот в свою очередь был обусловлен ростом грамотности населения, на что и обратил внимание В. И. Ленин.

Одним из главных препятствий на пути развития книгопечатания, особенно демократического направления, была царская цензура, враждебно относившаяся к национальной книге. В царском департаменте полиции был составлен 31 декабря 1900 г. и доведен до губернаторов Российской империи с надписью «совершенно секретно» циркуляр, где, в частности, указывалось, что «в татарской литературе замечаются совершенно новые веяния, грозящие расшатать весь многовековой уклад жизни 14-миллионного мусульманского населения» (стр. 186). Третья глава монографии «Цензура татарской книги» посвящена продолжительной и упорной борьбе татарских писателей, ученых и редакторов за организацию издания национальной книги. В связи с упомянутым секретным циркуляром в первые годы XX в. были составлены «во всероссийском масштабе» досье на всех татарских писателей, ученых, педагогов, издателей татарских книг. Лишь революция 1905 года несколько разрядила обстановку.

Последняя глава книги А. Г. Каримуллина касается числа изданий, тиражей, полиграфического оформления, книжной торговли. Так же, как и первые главы исследования, она насыщена конкретным материалом и фактическими данными.

Монография А. Г. Каримуллина «Татарская книга начала XX века» является ценным исследованием, интересным не только для специалистов, но и для широкого круга читателей.

Ф. Урманчеев

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 28, стр. 514—515.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В ЛИТЕРАТУРАХ СОВЕТСКОГО ВОСТОКА

1—2 октября 1975 г. в Ташкенте состоялась научная конференция «Истоки, формирование и развитие социалистического реализма в литературах Советского Востока», организованная Академией наук Узбекской ССР и Союзом писателей Узбекистана. Это — вторая встреча литературоведов, посвященная данной проблеме (первая конференция состоялась в 1972 г. в Баку). В Ташкентской конференции участвовали литературоведы и писатели из Алма-Аты, Ашхабада, Баку, Вильнюса, Душанбе, Казани, Москвы, Новосибирска, Нукуса, Уфы, Фрунзе, Якутска и других городов.

Конференцию открыл вступительным словом вице-президент Академии наук Узбекской ССР *М. К. Нурмухамедов*, подчеркнувший актуальность обсуждаемых проблем и указавший, что социалистический реализм является одним из главных объектов исследования советской литературоведческой науки.

Социалистический реализм как творческий метод сложился в результате закономерного развития всего мирового искусства. Опираясь на практику коммунистического строительства, на великие ценности мировой культуры, он предстал как новая художественная концепция мира и человека, утверждающая в искусстве идеи революционного преобразования общества в интересах трудящихся.

Метод социалистического реализма определяет в наши дни главенствующую линию развития мировой художественной мысли, многочисленные дискуссии о социалистическом реализме — яркое свидетельство признания за ним решающей роли в дальнейшем развитии литературы и искусства. Социалистический реализм выступает сегодня как передовой метод художественного творчества, круг исследователей которого расширяется с каждым днем на всех континентах планеты. Открывая широкий простор для творческих исканий современного художника, социалистический реализм позволяет ему оценивать события с позиции передовой идеологии и ставит в ряды созна-

тельных борцов за великие гуманистические и революционные идеалы эпохи.

Зарождение, становление, формирование метода социалистического реализма в каждой национальной литературе имеет свои особенности, приобретая порою своеобразные формы. Многие из этих вопросов в отдельных национальных литературах изучены или изучаются. Назрела необходимость рассмотрения их уже в рамках региона, объединяющего родственные литературы. При самобытности каждой из национальных литератур для них характерны и общие тенденции развития, нуждающиеся в выявлении и определении, что, в свою очередь, позволит подойти к освещению общих тенденций развития всей советской литературы.

На конференцию было представлено 15 докладов и 18 сообщений. Участники конференции строили свои суждения и выводы на материале узбекской и таджикской, казахской и киргизской, азербайджанской и туркменской, каракалпакской и башкирской литератур, а также литератур народов Сибири.

Выступивший с первым докладом *Г. И. Ломидзе* (Москва) остановился на некоторых спорных проблемах теории социалистического реализма и отметил, что многие закономерности живого литературного процесса пока еще не изучены. И это, несмотря на появление в последние годы значительного числа исследований по теории социалистического реализма. В частности, докладчик указал на неприемлемость термина «социалистическая литература» применительно ко всем произведениям раннего периода советской литературы, ибо она не всегда отвечала требованиям метода социалистического реализма. Этот термин, по мнению *Г. И. Ломидзе*, даже больше подходит для определения прогрессивной литературы, создающейся в капиталистических и развивающихся странах и выражающей интересы широких трудящихся масс.

«Социалистический реализм» и «социалистическая литература» — не одно и то же, подчеркнул докладчик. Не могут быть, утверждал он, и «варианты» социалистического реализма. Г. И. Ломидзе справедливо критиковал тех, кто «усматривает возможность существования критического реализма в узбекской литературе на ее начальной стадии», указывая, что многие литературы СССР начали непосредственно овладевать методом социалистического реализма, минуя такие этапы художественного развития, как классицизм, сентиментализм, романтизм, критический реализм.

М. К. Нурмухамедов (Ташкент) в своем докладе также отметил, что некоторые национальные литературы после Октябрьской революции сразу стали на путь социалистического искусства, минуя стадию критического реализма или декадентских блужданий. Своеобразие становления метода социалистического реализма в таких литературах, как каракалпакская, заключается в том, что социалистический реализм здесь утверждался, в отличие, например, от русской, вместе с самой социалистической действительностью, рожденной Октябрьской революцией. Отсутствие в каракалпакской литературе сформировавшегося метода критического реализма и связанных с ним некоторых реалистических жанров (повесть, роман, драма и т. п.) затрудняло ее развитие, тем не менее каракалпакская литература прочно утвердилась на позициях социалистического реализма.

«Можно говорить о разной степени утверждения метода социалистического реализма в той или иной национальной литературе, — сказал в заключение М. К. Нурмухамедов, — но без сомнения метод социалистического реализма надо считать основой становления и развития советских национальных литератур». По мнению докладчика, подходить к оценке литературы 20-х годов следует исторически, а не с позиций 70-х годов и современного этапа развития метода социалистического реализма.

З. С. Кедрина (Москва), выступившая с докладом «Новая историческая общность людей — советский народ и литература социалистического реализма», говорила о возникновении в литературе героев нового типа, символизирующих великую дружбу народов нашей страны. Героическое начало, подчеркнула докладчик, воплощенное в характере персонажей произведения или выраженное авторской позицией, является важнейшей особенностью метода социалистического реализма. Возражая тем, кто объявляет социалистический реализм автономным от социалистического искусства, З. С. Кедрина сказала, что художественное постижение мира не может быть отторгнуто от его идейного освоения.

В докладе «Специфика формирования социалистического реализма в узбекской литературе» И. А. Султанов (Ташкент) отметил два важных события, предшествовавших

данной конференции: издание шеститомной «Истории многонациональной советской литературы» и Бакинскую конференцию 1972 г., посвященную вопросам реализма в литературах народов Советского Востока.

Бакинская конференция, сказал И. А. Султанов, сделала полезное дело, внося соответствующую ясность в проблему определения творческого метода дореволюционных национальных литератур. Так, например, для узбекской и таджикской литератур были характерны романтизм и наличие элементов неразвитого критического реализма, обусловившие своеобразие их развития в советский период. Первые произведения узбекской советской литературы — «Бай и батрак» Хамзы и «Минувшие дни» Абдуллы Кадыри — отмечены сильным влиянием романтизма. В то же время в них проявляется и критическое отношение к описываемому. Сама действительность первых лет революции давала материал для критической направленности этих произведений, однако это отнюдь не значит, что они могут быть отнесены к литературе критического реализма. Вопрос о художественном методе, утверждает И. А. Султанов, должен решаться в тесной связи с отношением художника к действительности, в частности к революции. Если писатель положительно оценивает Октябрьскую революцию, принимая ее социалистический идеал, его художественным методом может быть только метод социалистического реализма. Поскольку вклад писателя в литературу «определяется масштабом его таланта», И. А. Султанов категорически возражает против того, чтобы творчество такого писателя, как А. Кадыри, было отнесено к критическому реализму, ибо для этого писателя и эстетическим, и социальным идеалом являлась Октябрьская революция. Об этом свидетельствуют его произведения.

М. Н. Пархоменко (Москва) в докладе «К вопросу о типологии стилевых течений в социалистическом реализме» утверждал, что в некоторых национальных литературах 20—30-х годов методы критического и социалистического реализма сосуществовали. При этом, подчеркивалось в докладе, победа социалистического реализма во всех национальных литературах Советского Союза была закономерной.

М. Н. Пархоменко призвал исследователей к системному подходу в изучении структурных элементов, типологических черт и особенностей социалистического реализма как новой эстетической системы, непрерывно совершенствующейся, обогащающей новыми средствами художественного отображения действительности. Только в процессе такого изучения можно правильно понять и выявить природу метода социалистического реализма, его творческие возможности и вместе с тем определить исторические формы взаимодействия с критическим реализмом и другими художественными методами.

Докладчик подверг резкой критике тенденциозный подход к оценке достижений советских исследователей социалистического реализма в книге азербайджанского литературоведа С. Асадуллаева «Становление социалистического реализма в ранней советской литературе» (Баку, 1974).

Х. И. Якубов (Ташкент) в докладе «Становление метода социалистического реализма в узбекской литературе» на примере творчества Хамзы Хаким-заде Ниязи и Абдуллы Кадыри раскрыл особенности формирования метода социалистического реализма в узбекской литературе. Коснувшись возникшей на конференции дискуссии о взаимоотношении критического и социалистического реализма в узбекской литературе первых лет революции, Х. И. Якубов, так же как и выступивший позже А. Кулджанов, указал на идейно-эстетическую общность обоих методов, полагая, что художественный метод А. Кадыри находится на пересечении критического и социалистического реализма.

Л. Г. Якименко (Москва) в докладе «Социалистический реализм на новом этапе», остановился на такой важной особенности социалистического реализма, как творческое взаимодействие национальных элементов с интернациональными. По мере движения нашего общества к коммунизму развитие многонациональной советской литературы идет по пути создания интернациональной культуры. Диалектике взаимопроникновения национального и интернационального посвящен ряд книг и статей советских исследователей. Общеизвестно, сказал докладчик, могучее влияние русской литературы на формирование и развитие социалистического реализма в литературах Советского Востока. В последние годы дает о себе знать новое явление: национальные литературы выходят на всеобщую арену и воздействуют на развитие всей советской литературы, в том числе и русской. В качестве примера такого воздействия Л. Г. Якименко привел творчество Чингиза Айтматова.

Становлению метода социалистического реализма в казахской литературе и проблеме единства национального и интернационального посвятил свое выступление *М. Каратаев* (Алма-Ата).

Последней проблемы касались доклады: *У. Абдуллаева* (Ашхабад) «Взаимопроникновение национального и интернационального — одна из основных черт социалистического реализма», *М. Ш. Шукурова* (Душанбе) «Сплав национальной и интернациональной традиций в современной таджикской прозе» и *З. Г. Османовой* (Москва) «Взаимодействие советских литератур и формирование личности нового человека».

З. Г. Османова в своем выступлении отметила, что особую роль в формировании идейно-эстетического единства советской многонациональной литературы играет фактор взаимосвязей и взаимовлияния отдель-

ных литератур. Разнообразие граней и аспектов, а также интенсивность этого взаимовлияния обусловлены характером развития культуры национальных республик и вовлечением в культурный обмен все большего числа народов.

Л. П. Якимова (Новосибирск) в своем сообщении «Инонациональный аспект русской советской литературы и его связь с формированием и развитием социалистического реализма в национальных литературах Сибири» рассмотрела ряд важных аспектов творческого взаимодействия национальных литератур Советского Союза.

Социалистический реализм, сказала она, — явление принципиально новое, обусловленное сменой исторических условий бытия. Национальные традиции, несомненно, служат развитию нового метода, входят в него как составная часть. Это определяет необходимость внимательного изучения истоков социалистического реализма на всех предшествующих стадиях развития национальных литератур, составляющих великое наследие народов Востока и мира.

Исследованию этой проблемы и оценке культурного наследия прошлого были посвящены следующие доклады и сообщения: «Вопросы типологии перехода от классического реализма к социалистическому реализму в литературах Советского Востока» *А. А. Гаджиева* (Баку), «Особенности реализма в узбекской литературе второй половины XIX и начала XX в.» *Г. Каримова* (Ташкент), «Узбекская классическая литература и литература социалистического реализма Узбекистана» *А. Х. Хайитметова* (Ташкент) и др.

А. А. Гаджиев в своем докладе ставит вопрос об эволюции различных форм классического реализма, имея в виду два наиболее развитых исторических типа реалистического творчества, характерных для двух восточных литературных ареалов: критический реализм закавказских литератур и «другую» форму реализма, присущую дореволюционным литературам Средней Азии. Последняя форма до сих пор не определена точно и не только терминологически, — сама ее сущность слабо изучена и осмыслена как в теоретическом, так и в историко-литературном плане.

Рассматривая вопрос в широком, типологическом аспекте, стремясь выявить общие для всех советских национальных литератур закономерности перехода от критического реализма к социалистическому, *А. А. Гаджиев* высказал свои соображения о методологических принципах изучения этих закономерностей.

А. Х. Хайитметов указал на тесную связь узбекской советской литературы с традициями литературы дооктябрьского периода. Ярким выражением этой преемственности *А. Х. Хайитметов* считает тот факт, что последние видные представители дореволюционной прогрессивной литературы — *Хамза Хаким-заде Ниязи*, *Садриддин Айни*,

Завки, Суфи-заде, Факири, Абдулла Қадыри, Авлони, Мирмухсин Шермухаммедов и другие известные поэты и писатели демократического направления — стали первыми представителями узбекской литературы социалистического реализма. В их творчестве нашли свое продолжение и развитие демократические и гуманистические традиции классической узбекской литературы, реалистические традиции Мукими, Фурката и др. Без художественного опыта этих классиков, говорил А. Х. Хайитметов, едва ли смог бы Хамза в первые годы Советской власти создать свои поэтические шедевры на тему революции. Особая роль в этой преемственности принадлежит художественному наследию великого узбекского поэта-гуманиста и мыслителя Алишера Навои.

Х. Ш. Абдусаматов (Ташкент), выступивший с сообщением «Социалистический реализм и литературное наследие (на материале узбекской советской литературы)», отметил, что до сих пор не изжита полностью теория «единого потока» и идеализация творчества некоторых узбекских писателей. Так, например, некоторые литературоведы утверждают, что «Хамза, С. Айни, А. Қадыри, Тавалло, Хислат, Факири, А. Авлони и другие с одинаковой радостью встретили революцию. Есть также ученые, утверждающие, что Чулпан и Фитрат тоже положительно восприняли Октябрьскую революцию». Докладчик, не соглашаясь с этим, высказывает мнение, что только Хамза и С. Айни действительно приняли революцию, а такие писатели, как А. Қадыри, «своевременно не поняли всей сущности ее, а Фитрат и Чулпан в первые годы Советской власти боролись против нее», и только «в результате больших социальных преобразований они изменили свое отношение к новой жизни». *Х. Ш. Абдусаматов* предложил оценивать творческий метод этих писателей, исходя из «фактов действительности».

В. И. Борщук (Москва) в своем докладе говорил о некоторых закономерностях развития современной критики.

Выступая против буржуазной критики социалистического реализма, *Л. П. Каюмов* (Ташкент) в своем докладе подчеркнул, что некоторые буржуазные литературоведы, пытаясь дискредитировать все лучшее, прогрессивное в нашей литературе, извлекают на поверхность различные косные и реакционные тенденции в творчестве некоторых писателей первых лет революции.

Предметом давно уже идущей острой дискуссии между советскими критиками и их идеологическими оппонентами являются не только вопросы, связанные с оценкой творчества Хамзы и Абдуллы Қадыри или джадидизма, но и современного литературного процесса.

М. Кошчанов (Ташкент) в докладе «Социалистический реализм и мастерство писателя» убедительно показал, что развитие социалистического реализма в узбекской

литературе, как и в других национальных литературах, нашло свое выражение не только в углублении и обогащении идейного содержания литературных произведений, но и в совершенствовании их художественной формы. Широкий охват жизни потребовал для своего воплощения крупных форм эпического жанра, что способствовало появлению дилогий, трилогий, остроконфликтных драм, произведений автобиографического характера.

Исследовать важнейшие этапы становления и формирования социалистического реализма в литературах восточных народов Советского Союза — это значит проследить пути развития самих народов и их культуры от истоков до современного состояния, выявить особенности каждой из национальных литератур и общие закономерности овладения писателями Советского Востока методом социалистического реализма.

О своеобразии формирования, становления и развития метода социалистического реализма в национальных литературах говорили в своих сообщениях *Г. Б. Хусаинов* (Уфа), *Ш. М. Салманов* (Баку), *Ж. Нарымбетов* (Нукус), *К. Бобулов* (Фрунзе), *Дж. Толеев* (Фрунзе) и *У. Норматов* (Ташкент).

Характеризуя социалистический реализм в современной узбекской прозе, *У. Норматов* показал, как ярко и впечатляюще отражают узбекские писатели многообразную деятельность, героизм и духовное богатство строителей коммунизма, способствуя пробуждению творческой энергии миллионов. Встречаются, однако, произведения, написанные с позиций сентиментализма, идеализации старины, чуждые духу советской литературы.

Социалистический реализм предполагает прежде всего активное отношение к жизни, верность передовым идеям эпохи, творческое развитие лучших традиций классики.

К. М. Максетов (Нукус) в своем сообщении говорил о значении фольклорных традиций в формировании социалистического реализма в каракалпакской советской литературе.

Н. Копырин (Якутск) рассказал об истоках и развитии образности в якутской советской поэзии.

П. М. Мирза-Ахмедова (Ташкент) посвятила свое сообщение раскрытию традиционных и новаторских элементов в произведениях Чингиза Айтматова. Проанализировав творчество писателя, докладчик отметила закономерности, характерные для развития многонациональных литератур Советского Союза. В сугубо реалистических произведениях Чингиза Айтматова обнаруживается эпическая традиция киргизской поэзии, являющаяся отражением очень важной особенности национального художественного творчества. Еще совсем недавно бытовало мнение, что фольклор, довлея над первыми романами и рассказами киргизских писателей, мешал развитию киргизской реалистической художественной

прозы, что литература в своем поступательном движении освобождается от «фольклоризмов». Творчество Ч. Айтматова в этом смысле является весьма поучительным: мы видим новое обращение писателя к фольклору. Объясняется это тем, что эпическая традиция органически присуща мировосприятию киргизского народа, не входя в противоречие с его ускоренным социальным и культурным развитием.

Каждый народ вносит свой собственный художественный вклад в эстетический опыт литературы социалистического реализма. Многообразие творческих поисков, обновление национальных художественных традиций — все это определяет интернациональные тенденции в национальных литературах.

О социалистическом реализме и жанровом обогащении национальных литератур сделали сообщения *С. Каррыев* и *Д. Нуралиев* (Ашхабад). *Р. Пакальнишкас* (Вильнюс) посвятил свое сообщение анализу творческого метода современной советской поэмы на материале литератур народов Прибалтики и Советского Востока.

Освоение опыта русской и мировой революционной литературы оказалось тем решающим фактором, который ускорил вовлечение узбекских писателей и поэтов в процесс создания нового социалистического искусства, сказал в своем выступлении *Э. Каримов* (Ташкент). Это искусство создавали не одиночки, а несколько поколений узбекских художников, вышедших из недр народа и прочно связанных своим творчеством с судьбой родного народа. По мнению *Э. Каримова*, социалистический реализм был основным направлением узбекской советской литературы с первых лет Октября. Опираясь на материалы партийной и периодической печати, на факты активного участия узбекских писателей и поэтов в культурном и гражданском строительстве молодой Советской республики, *Э. Каримов* высказал свои возражения *Х. Ш. Абдусаматову* по поводу оценки творчества *А. Кадыри*, *А. Фитрата* и др.

Выступивший с заключительным словом *Г. И. Ломидзе* отметил, что формирование социалистического реализма в литературах Советского Востока — процесс исключительно сложный. Бурное развитие национальных культур после Октября, роль русского народа в социально-экономическом и культурном подъеме наций Востока, выравнивание в переходный период уровня художественного развития национальных литератур, обусловленное как самой действительностью, так и восприятием художественного опыта других социалистических наций, — все это важные вопросы, требующие углубленного изучения и обобщения. Многие жизненно важные проблемы нашей действительности находят глубокую разра-

ботку в литературах народов Советского Востока. Необходимо вдумчивое изучение специфики и закономерностей развития этих литератур, выяснение причин взлета той или иной литературы, отражающего подъем художественного сознания наций, а также установление в ней соотношения новаторского, связанного с развитием нового метода, и исторического традиционного.

Подчеркивая необходимость тщательного изучения национального наследия и сохранения в нем всего, что может быть использовано и воспринято современной литературой, *Г. И. Ломидзе* предостерег от догматического отношения к некоторым писателям, напомнив о сложности литературного процесса и наступлении перелома в создании ряда художников после Октября.

В резолюции конференции, в докладах и сообщениях нашли отражение результаты новейших исследований советских ученых по общим вопросам теории и истории социалистического реализма на материале литератур Советского Востока. Участниками конференции были раскрыты социально-исторические предпосылки возникновения реалистического метода, а также рассмотрены тенденции развития социалистического реализма в литературах Советского Востока и связанные с этим проблемы традиций и новаторства, художественного мастерства писателя, взаимопроникновения национальных и интернациональных элементов и т. д.

Рассмотрение различных аспектов генезиса социалистического реализма в литературах Советского Востока позволило участникам конференции сделать ряд важных научных выводов.

Обогащение реалистического метода в советских восточных литературах позволяет говорить о новом этапе в истории национальных литератур Советского Союза (в том числе и всех регионов Советского Востока), наступившем в последние десятилетия. Этот новый этап характеризуется появлением новаторских тенденций и ростом мастерства советских писателей, обогащенных опытом национальной классики, усвоивших наследие реалистического искусства и воспринявших социалистический реализм как метод, отвечающий историческим закономерностям развития национальной культуры.

Работа конференции вновь подтвердила необходимость систематических встреч и объединения усилий ученых, писателей, критиков для решения кардинальных научных проблем литературоведения, а также полезность проведения подобных совещаний, посвященных насущным проблемам советского литературоведения.

М. М. Расули,

П. Мирза-Ахмедова

XII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ОНОМАСТИЧЕСКИХ НАУК

С 24 по 29 августа 1975 года в Бернском университете (Берн, Швейцария) состоялся XII Международный Конгресс ономастических наук¹, проводимый Международным комитетом по ономастике (президент профессор, доктор Хенри Драйе). Конгресс вызвал большой интерес: в нем участвовало свыше 200 ономастологов из многих стран мира: Австрии, ГДР, Италии, Канады, Польши, СССР, США, Франции, ФРГ, Швейцарии, Японии и т. д.

На открытии XII Конгресса выступил его президент профессор, доктор Пауль Цинсли, приветствовавший участников конгресса и отметивший важное значение ономастических наук (топонимики, антропонимики, этнонимии и т. д.) как для лингвистики, так и для истории, этнографии и т. д.

Главная тема конгресса — «Имена в контакте». Работа конгресса проходила по пяти секциям: «Языковые границы и многоязычие в ономастике», «Человек и имя», «Ономастика и лингвистика», «Контакты в ономастике в связи с историей населения, правовыми и социальными отношениями», «Ономастика и картографирование».

В соответствии с генеральной темой, кроме пленарных заседаний, посвященных открытию и закрытию конгресса, работы пяти упомянутых выше секций, на заседаниях которых было прочитано 157 докладов по более узким темам, были прочитаны также общие лекции [проф. П. Цинсли (Швейцария), Х. Гьютер (Франция), Э. Эйхлер (ГДР), В. Николаесен (США)].

Из докладов, посвященных тюркологическим проблемам, следует отметить три доклада: проф. Н. А. Баскакова, доц. Л. Г. Гулиевой (СССР) и американского проф. Д. И. Георгакаса.

В своем докладе «Структурные и смысловые модели тюркских этнонимов» Н. А. Баскаков показал, что многоплановость и полиаспектность смысловой структуры этнонимов требует специальной их классификации в 3-х основных координатах:

1) в функциональном плане: а) микро- и макро-этнонимы и б) авто- и алло-этнонимы;

2) в смысловом плане: а) этнонимы-тотемы, б) этнонимы по названиям родства и свойства; в) этнонимы по собственным именам племенных вождей, г) этнонимы по на-

званию религии, д) этнонимы по названию родовых знаков — тамг, е) этнонимы по месту расселения;

3) в структурном плане: а) этнонимы простые — односложные корневые и производные и б) этнонимы сложные, состоящие из основы и детерминанта по цветовому, количественному и прочим признакам.

Н. А. Баскаков подчеркнул, что одной из важнейших задач тюркской ономастики является анализ тюркских этнонимов, характеристика и раскрытие функциональной, смысловой и структурной их сущности как сложной системы, выражающей отношения народов, племен и родов между собой.

Проблеме функционирования азербайджанских топонимов был посвящен доклад Л. Г. Гулиевой «Функционирование топонимов в иноязычной среде». В докладе отмечалось, что анализ функционирования топонимов продуктивен в синхронном плане, поскольку исторические реконструкции топонимических пластов не могут дать абсолютного единого в языковом отношении срез. Анализ функционирования топонимов в синхронном плане предполагает два направления: 1) функционирование субстратных, иноязычных (отличных от языка современного населения данной территории) топонимов в современной топонимической системе; 2) функционирование собственно местных топонимов (например, тюркских топонимов Азербайджана) в современной топонимической системе (у азербайджанцев и у русских). В докладе, в частности, были рассмотрены топонимы типа *Мардакяны*, *Шувеляны*, *Гусары* и т. д.

Доклад профессора Д. И. Георгакаса (США) «Исторические и лингвистические контакты и наименования местности на основе поздних средневековых примеров из греческого ареала и тюркских топонимов на -ovasi» был посвящен этимологическим изысканиям греческих и тюркских топонимов на территории Малой Азии и Балканского полуострова.

Членами советской делегации А. В. Суперанской, В. Д. Беленькой, Т. Н. Пахалиной, Г. П. Бондарук и Р. Ш. Джарылгасиновой были сделаны доклады на различных секциях конгресса.

На заключительном пленарном заседании было решено провести следующий XIII Международный Конгресс ономастических наук в Кракове (Польша) в 1978 году с центральной темой: «Онома и апеллятивы».

Л. Г. Гулиева

¹ Международные конгрессы по ономастике проводятся каждые 3 года. Предыдущий XI Конгресс состоялся в Софии (Болгария) в 1972 году.

Х Р О Н И К А

«СОВРЕМЕННОСТЬ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ»

14 января 1975 года на заседании Объединенного ученого совета по филологии Отделения истории, языкознания и литературоведения Академии наук Узбекской ССР состоялась защита диссертации «Современность и социалистический реализм (на материалах узбекской советской прозы)», представленной доцентом кафедры узбекской литературы Сырдарьинского госпединститута имени Гафура Гуляма Кулжановым Анкабаем на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Исследование А. Кулжанова посвящено рассмотрению современности как идейно-эстетической категории, воздействовавшей на формирование и развитие узбекской советской прозы.

Во вводной части диссертации анализируются различные толкования современности в узбекском литературоведении и отмечаются тенденции упрощенного понимания диалектической взаимосвязи традиций и современности.

Автор подчеркивает, что тематическая актуальность сама по себе не может помешать высокой идейности и современности оценок, если она органически не сочетается с глубокой художественностью, составляющей одну из идейно-эстетических основ социалистического реализма. Художественное раскрытие самых важных характерных сторон действительности является исходной точкой для правильного определения современности и новаторства произведения искусства.

Диссертация состоит из трех глав: «Современность и партийность», «Историзм и современность (осознанный историзм и художественное воссоздание прошлого)», «Современность и художественное новаторство».

В работе обобщен опыт более чем полувекового развития узбекской советской литературы. На этом основании делается попытка наметить основные тенденции ее дальнейшего развития. А. Кулжанов подчеркивает, что при рассмотрении закономерностей становления и развития метода социалистического реализма в каждой национальной литературе особое внимание должно уделяться проблеме современности в ее широкой исторической перспективе с учетом особенностей, присущих данной литературе. Проблема эта неразрывно связана с мировоззрением и творческим методом писателя, с его пониманием действительности, с его художественным мастерством.

В работе прослежены и исследованы закономерности возникновения, становления и этапы развития нового метода в узбекской литературе.

В лучших произведениях узбекской советской прозы глубокое восприятие современности сочетается со всесторонним и новаторским отображением действительности, широта эпического повествования — со страстной публицистичностью и тонким лиризмом.

В качестве официальных оппонентов на защите выступили: академик Академии наук УзССР М. Қ. Нурмухаммедов, д-р филол. наук Б. Х. Имамов, д-р филол. наук Х. Ш. Абдусаматов, давшие высокую оценку работе соискателя.

Объединенный ученый совет единогласно высказался за присуждение Кулжанову Анкабаю ученой степени доктора филологических наук.

С. А. Ахмедов

«ПОРЯДОК ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ»

29 апреля 1975 г. на заседании филологической секции Ученого совета Отделения общественных наук Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита диссертации «Порядок языковых единиц (на материале азербайджанского языка)», представленной старшим научным сотрудником Института языкознания им.

Насими Академии наук Азербайджанской ССР Джавадовым Абдурахманом Мехи оглы на соискание ученой степени доктора филологических наук.

В диссертации в синхроническом плане исследуется порядок расположения языковых единиц азербайджанского языка на морфологическом и синтаксическом уровнях, раскрываются семантические закономерности упорядочения грамматических единиц и выявляется изоморфизм порядка элементов разных ярусов.

Закономерности порядка языковых единиц связываются с типологической структурой языка.

В работе рассматриваются главным образом языковые единицы, не подвергающиеся инверсии и отражающие потенциальные возможности языка. Подробно анализируются: порядок расположения морфологических единиц (II глава), порядок компонентов словосочетаний (III глава), порядок членов в односоставных и двусоставных предложениях (IV глава), порядок компонентов сложного предложения (V глава), место вводных слов и обращений (VI глава).

Официальные оппоненты — д-р филол. наук, проф. З. Х. Таги-заде, д-р филол. наук В. И. Асланов, д-р филол. наук Ш. В. Юсифли, а также выступившие на защите научный консультант, д-р филол. наук, проф. З. И. Будагова, академик Академии наук Азербайджанской ССР М. Ш. Ширалиев, д-р филол. наук Р. Дж. Магеррамова, д-р филол. наук Б. А. Набиев — дали высокую оценку исследованию А. М. Джавадова.

Члены Ученого совета единогласно проголосовали за присуждение А. М. Джавадову ученой степени доктора филологических наук.

В. Л. Гукасян

«СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ДИАЛЕКТОВ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА»

13 мая 1975 года на заседании Ученого совета Башкирского государственного университета имени 40-летия Октября состоялась защита диссертации «Сравнительное изучение диалектов башкирского языка», представленной доцентом кафедры башкирского языкознания Ишбулатовым Нагимом Хажгалиевичем на соискание

ученой степени доктора филологических наук. Диссертация явилась итогом многолетней работы автора по собиранию и изучению особенностей диалектов и говоров башкирского языка. Научные диалектологические экспедиции, проводившиеся в течение многих лет при его участии и под его

непосредственным руководством, дали богатый материал для наблюдений и научных обобщений, с которыми автор неоднократно выступал на научных конференциях и симпозиумах диалектологов страны. Результаты его исследований, посвященных описанию, систематизации и классификации говоров и диалектов башкирского языка, неоднократно публиковались.

Официальные оппоненты — академик Академии наук Азербайджанской ССР М. Ш. Ширалиев, член-корреспондент Академии наук Казахской ССР А. Т. Қайдаров (Алма-Ата), д-р филол. наук, проф. Д. Г. Тумашева (Казань), д-р филол. наук, проф. М. З. Закиев (Казань), д-р филол. наук, проф. Г. Х. Ахатов (Уфа) — положительно оценили докторскую диссертацию Н. Х. Ишбулатова и единодушно отметили, что диссертант внес несомненный вклад в дело сопоставительного изучения фонетических и морфологических особенностей говоров и диалектов башкирского языка.

Работа Н. Х. Ишбулатова получила также положительную оценку группы ученых-тюркологов Института языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР.

Обсуждение носило характер свободной дискуссии, и соискателю пришлось ответить на многочисленные вопросы, выслушать ряд замечаний и пожеланий, касающихся дальнейшей разработки темы диссертационной работы.

Отмечая серьезные научные достоинства и практическое значение работы Н. Х. Ишбулатова, Ученый совет принял абсолютным большинством голосов решение о присвоении ему ученой степени доктора филологических наук.

М. В. Зайнуллин

«НАМАНГАНСКАЯ ГРУППА ГОВОРОВ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА»

На заседании Ученого совета по присуждению ученых степеней по филологическим наукам Ташкентского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени В. И. Ленина 15 мая 1975 года состоялась защита диссертации «Наманганская группа говоров узбекского языка», представленной

доцентом кафедры узбекского языкознания Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина **Алиевым Абдугани Юсуповичем** на соискание ученой степени доктора филологических наук.

В диссертации А. Ю. Алиева обобщен собранный им богатейший материал по фонетике, грамматике и лексике живых народных говоров Намангана и прилегающих к нему узбекских селений.

Диссертант, исходя из анализа большого фактического материала, пришел к ценным выводам. Им на основе фонетико-грамматических и лексических данных осуществлена классификация говоров наманганского диалекта, составлены диалектологические карты, сделан лексико-семантический и этимологический анализ отдельных слов.

Работа включает: предисловие, введение, две главы, заключение и приложения.

Одной из наиболее интересных является глава, посвященная фонетике наманганской группы говоров: классификации гласных и согласных звуков, анализу состава фонем и их вариантов, характеристике оканья, кон-

вергенции и дивергенции гласных, появлению ультрадолготы, умлаута, вставки и выпадению гласных, лабиализации, делабиализации, ассимиляции, диссимиляции, метатезы и т. д.

Вторая глава посвящена сравнительному анализу морфологической структуры изучаемых говоров по частям речи. Диссертантом рассматриваются: категория множественности, принадлежности и категория падежа имен существительных, другие части речи, формы глагола, наречие, служебные слова, междометия и мимемы. Исследованы также некоторые характерные синтаксические особенности наманганских говоров.

В приложении к диссертации приводятся: комментарии к отдельным словам, сведения об отдельных топонимах, словообразующие аффиксы, список информаторов, диалектологические карты.

Научный консультант диссертанта — д-р филол. наук, проф. А. Г. Гулямов, официальные оппоненты — заслуженный работник культуры Узбекской ССР, д-р филол. наук, проф. С. Н. Иванов, академик Академии наук Узбекской ССР Ш. Ш. Шаабдурахманов, д-р филол. наук, проф. Ф. А. Абдуллаев и д-р филол. наук, проф. А. П. Хаджиев и другие выступавшие отметили, что диссертантом исследован большой и тщательно систематизированный материал, обстоятельно разработаны важнейшие вопросы узбекской диалектологии и что работа его представляет значительный научно-теоретический интерес для лингвистов-диалектологов и для тюркологов в целом.

Члены Ученого совета единогласно проголосовали за присуждение А. Ю. Алиеву ученой степени доктора филологических наук.

«ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УЗБЕКСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ»

На заседании Ученого совета по присуждению ученых степеней по филологическим наукам Ташкентского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени В. И. Ленина 26 июня 1975 года состоялась защита диссертации «Односоставные предложения в современном узбекском литературном

языке», представленной заведующим кафедрой узбекского языкознания Кокандского педагогического института имени Мухоми Расуловым Инамджаном Расуловичем на соискание ученой степени доктора филологических наук.

И. Р. Расулов является автором ряда учебников и учебных пособий для вузов и средней школы по курсу «Современный узбекский язык».

Как известно, советскими тюркологами созданы фундаментальные научно-исследовательские работы по различным вопросам синтаксиса тюркских языков. Тем не менее еще остается ряд проблем, разрешение которых требует совместных усилий тюркологов-синтаксистов. Одной из таких проблем является исследование односоставного предложения в тюркских языках, в частности в узбекском.

Диссертация И. Р. Расулова включает: введение, пять глав, заключение и обширную библиографию.

Во введении автором обстоятельно изложена история изучения односоставных предложений в русском языкознании. Критически проанализирована также почти вся

известная по этому вопросу тюркологическая литература.

И. Р. Расулов подробно останавливается в своей работе на следующих вопросах: характерные признаки структурной основы простых предложений, научные принципы классификации простых предложений на односоставные и двусоставные, логико-грамматические и стилистические особенности односоставных предложений, критерии включения простых предложений в ряд односоставных, структурные особенности классификации односоставных предложений и отличительные черты каждого типа, отличие односоставных предложений от неполных и нечлененных предложений, природа главного члена односоставного предложения. Уточнены также вопросы терминологии односоставных предложений.

В диссертации И. Р. Расулова впервые получили обстоятельное научное освещение природа, структура, стилистика односоставного предложения в узбекском языке.

Научный консультант диссертанта д-р филол. наук, проф. А. Г. Гулямов, официальные оппоненты — академик Академии наук СССР А. Н. Кононов, член-корреспондент АПН СССР М. А. Асқарова, д-р филол. наук, проф. Ш. У. Рахматуллаев, а также выступивший на защите д-р филол. наук, проф. А. Р. Рустамов и другие дали высокую оценку исследованию И. Р. Расулова, отметив, что оно является серьезным вкладом в дело разработки одного из малоизученных разделов узбекской грамматики — синтаксиса и имеет, несомненно, как научно-теоретическое, так и практическое значение.

Члены Ученого совета единогласно проголосовали за присуждение И. Р. Расулову ученой степени доктора филологических наук.

С. А. Ризаев

«ФРАЗЕОЛОГИЯ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА»

4 ноября 1975 года на заседании Ученого совета Башкирского государственного университета им. 40-летия Октября состоялась защита диссертации на тему «Фразеология башкирского языка», представленной заведующим сектором языка Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР Ураксин

ым Зиннуром Газизовичем на соискание

ученой степени доктора филологических наук.

Диссертация З. Г. Ураксина является первой обобщающей работой по фразеологии башкирского языка, в которой решаются проблемы определения лингвистической сущности, границ и объема фразеологических единиц, раскрываются системные свойства фразеологизмов, их соотношение со словом, внутренняя и внешняя структура, прослеживаются трансформационные возможности и дистрибутивные связи.

Диссертант выдвигает мысль о необходимости сравнительного изучения фразеологии тюркских и монгольских языков, демонстрируя на обширном фактическом материале реальные основы формирования

ряда фразеологических единиц башкирского языка.

Одновременно диссертант выступает и как лексикограф; в его работе разработаны принципы составления различных типов фразеологических словарей.

Официальные оппоненты — д-р филол. наук, проф. Ш. У. Рахматуллаев, д-р филол. наук, проф. Г. Г. Саитбатталов, д-р филол. наук, проф. Т. М. Гарипов, а также высту-

пившие на защите д-р филол. наук, проф. Г. Х. Ахатов, д-р истор. наук, проф. Ш. Х. Чанбарисов, канд. филол. наук В. Ш. Псянчин высоко отозвались о достоинствах диссертации.

Ученый совет высказался за присуждение З. Г. Ураксину ученой степени доктора филологических наук.

М. А. Ахметов

«СТАТИСТИКО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ТИПОЛОГИЯ ТЮРКСКОГО ТЕКСТА»

21 ноября 1975 г. на заседании Ученого совета Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР состоялась защита диссертации «Статистико-информационная типология тюркского текста», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук заведующим кафедрой теории

вероятности и математической статистики Чимкентского педагогического института и руководителем группы статистико-лингвистических исследований и автоматизации Института языкознания Академии наук Казахской ССР Бектаевым Калдыбаем Бектаевичем.

Диссертация К. Б. Бектаева обобщает как его собственные исследования, так и результаты работ его многочисленных учеников. Она посвящена последовательному применению лингвистических приемов, вероятностных и информационных моделей к исследованию структуры тюркского текста. Полученные таким образом данные сопоставляются диссертантом с результатами, полученными как другими учеными, так и самим автором при использовании указанной методики применительно к индоевропейским языкам. Это сопоставление позволило К. Б. Бектаеву выявить ряд количественных и статистико-информационных типологических характеристик, разграничивающих синтетические языки от аналитических, агглютинирующие языки от флективных и инкорпорирующих.

Разработанная К. Б. Бектаевым количественно-типологическая методика может быть применена и использована и при решении таких типологических задач, как, например, выделение подтипов внутри языков

одного типа и т. д.

Автором разработана такая важная теоретическая проблема, как создание единой методики количественно-типологических исследований различных языков.

Исследования К. Б. Бектаева существенно обогатили количественную лингвистику количественными приемами изучения явлений языка и речи (текста).

По отзывам официальных оппонентов — д-ра филол. наук, проф. Л. Р. Зиндера (Ленинград), академика АН Казахской ССР С. К. Кенесбаева, члена-корреспондента АН Казахской ССР Г. Г. Мусабаева (Алма-Ата), д-ра технич. наук, проф. В. В. Налимова (Москва), внешнего оппонента (кафедра математической лингвистики факультета кибернетики Киевского государственного университета) и выступившего на защите старшего научного сотрудника Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР Д. М. Насилова, а также по отзывам, поступившим из многих научных центров страны и из-за рубежа, диссертация К. Б. Бектаева является первой фундаментальной лингвоматематической работой в области тюркологии.

Материал и результаты этой работы могут быть использованы для изучения ряда теоретических проблем языкознания (вопросов типологии, языка и стиля, системы — нормы — узуса), в историко-лингвистических исследованиях, а также в прикладных целях (в области лексикографии, дешифровки, аннотирования и реферирования текста, а также машинного перевода).

Ученый совет Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР принял единогласное решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении К. Б. Бектаеву ученой степени доктора филологических наук по специальности «Структурная, прикладная и математическая лингвистика».

*Л. В. Бондарко, Ж. А. Абуов,
Ф. Е. Вейсалов*

«МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ»

23 декабря 1975 г. в Алма-Ате на заседании Ученого совета по присуждению ученых степеней филологического факультета Казахского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. С. М. Кирова состоялась защита диссертации «Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности»,

представленной доцентом кафедры казахского языка Казахского государственного женского педагогического института **Аманжоловым Алтаем Сарсеновичем** на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Проблемы тюркской эпиграфики и древнетюркской письменности рассматриваются в диссертации в широком аспекте на основе истории древних тюркских племен, их социальных отношений и форм общественного сознания, в тесной связи с формированием тюркских языков. Диссертантом осмыслен и подытожен опыт соответствующих предшествующих исследований, проанализирован обширный материал тюркской руники, включая ряд эпиграфических находок на территории Казахстана. Большим достоинством работы является тщательное и глубокое исследование графической системы

языка древнетюркских рунических надписей, а также приведенные в ней важные теоретические выводы, касающиеся ряда историко-лингвистических проблем. Теоретически обоснован новый подход к решению вопроса о происхождении тюркского рунического алфавита.

Критически оценивая результаты исследований в области тюркской эпиграфики и истории письменности и основываясь на новых фактах, А. С. Аманжолов приходит к выводу о раннем возникновении тюркского рунического алфавита и его тесных генетических связях с ранними алфавитами Средиземноморья. В работе приводятся интересные сведения о доалфавитных формах письменности, засвидетельствованных на территории Казахстана.

Официальные оппоненты — академик АН Казахской ССР А. Х. Маргулан, член-корреспондент АН Казахской ССР Г. Г. Мусабаев, д-р филол. наук, проф. Т. М. Гарипов, а также выступившие на защите член-корреспондент АН Казахской ССР А. И. Искаков и д-р филол. наук, проф. С. К. Кудайбергенов высоко оценили работу А. С. Аманжолова и отметили, что она, несомненно, представляет большой интерес для тюркологов-лингвистов, занимающихся проблемами истории языка и письменности.

Члены совета единогласно проголосовали за присуждение А. С. Аманжолову ученой степени доктора филологических наук.

Г. Садвакасов

НЕКРОЛОГ

МАМЕД АРИФ МАГЕРРАМ ОГЛЫ ДАДАШЗАДЕ

Советское литературоведение и литературная критика понесли большую утрату — на 72-м году жизни после тяжелой, продолжительной болезни скончался видный азербайджанский ученый, педагог, организатор науки и общественный деятель, академик и вице-президент Академии наук Азербайджанской ССР, заслуженный деятель науки республики, доктор филологических наук, профессор, член редколлегии журнала «Советская тюркология» Дадашзаде Мамед Ариф Магеррам оглы (Мамед Ариф).

Мамед Ариф Дадашзаде родился в 1904 г. в городе Баку в семье рабочего. Свою трудовую деятельность он начал шестнадцатилетним юношей с преподавательской работы. В дальнейшем ассистент, доцент Азербайджанского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, заместитель министра просвещения республики, профессор и заведующий кафедрой русской литературы Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова, Мамед Ариф становится крупным деятелем просвещения и замечательным педагогом.

Опытный организатор науки, Мамед Ариф долгие годы возглавлял Институт литературы и языка им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР. С 1959 года Мамед Ариф — академик-секретарь Отделения общественных наук республиканской Академии наук, а с 1961 года — ее вице-президент.

Интерес к литературе возник у Мамеда Арифа еще в отроческие годы, когда он был учеником первой русско-татарской школы.

Как и многие представители его поколения, Мамед Ариф получил возможность завершить образование и серьезно заняться литературной наукой только после Великого Октября.

Начало научно-творческой деятельности Мамеда Арифа, одного из зачинателей литературоведения и литературной критики в Советском Азербайджане, относится к середине двадцатых годов. С этого времени начинают систематически издаваться его научные статьи, книги, брошюры, статьи по проблемам развития азербайджанской и русской литератур и драматургии.

Ряд проблемных статей Мамеда Арифа, такие, как «Обзор нашей современной дра-

матургии», «Социалистический реализм — основной метод советской литературы», «Поэзия в дни Отечественной войны», «Новые задачи нашей критики» свидетельствовали о глубоких знаниях, широком кругозоре и эрудиции их автора, последовательно отстаивавшего позиции социалистического реализма как творческого метода, настаивая при этом на бережном отношении к традициям и национальной специфике азербайджанской литературы.

Критические статьи Мамеда Арифа характеризуются органическим сочетанием доброжелательности и требовательности. Заботливое отношение к судьбе писателя не мешает ему быть взыскательным и неприязненным критиком, превыше всего ставящим интересы советской литературы, ее дальнейшего успешного развития. Это качество нашло особенно наглядное воплощение в статьях ученого-критика о поэме Самеда Вургуня «Мугань», романе Абульгасана «Бастюн дружбы», повести Сулеймана Рагимова «Мехман», комедии Сабита Рахмана «Счастливыцы».

В связи с возникшей в 40-е годы в творчестве ряда азербайджанских писателей тенденцией к преимущественному отражению отдельных отрицательных явлений нашей действительности в ущерб показу огромных общезвестных достижений, неравномерно перемещая акценты, Мамед Ариф выступил со статьями, убедительно, с позиций социалистического реализма разоблачающими ошибочность и вредность подобной тенденции и разъясняющими значение и сущность таких понятий, как «положительный герой», «романтика» и т. д. (статья «Повесть „Мехман“ и проблема положительного героя»).

Большую роль в развитии литературоведения в республике сыграли такие исследования Мамеда Арифа, как «Пути развития азербайджанской советской литературы» и «Творческий путь Джафара Джабарлы».

В ряде статей, посвященных советским писателям, Мамед Ариф касался таких важных вопросов, как традиции и новаторство, призывая к углубленному изучению наследия классиков и творческому освоению их опыта.

Для работ Мамеда Арифа характерно пристальное внимание к художественным особенностям анализируемого произведения, к вопросам стиля, особенностей жанра, образной системы и т. д.

Народность, высокая партийность, глубокая преданность коммунистическим идеалам, безукоризненный художественный вкус — таковы особенности, характеризующие Мамеда Арифа как литературоведа и критика.

Основные литературно-критические работы Мамеда Арифа, подлинного учено-марксиста, принадлежат к числу лучших образцов азербайджанской литературоведческой науки.

Мамед Ариф — глубокий исследователь классического наследия. Его перу принадлежат работы о Низами, М. Ф. Ахундове, Сабире.

Немало сделано Мамедом Арифом в деле организации поэтического перевода и издания «Пятерицы» Низами, подготовки научно-критического текста этого произведения, издания творческого наследия Физули, Вагифа и других азербайджанских классиков.

Мамед Ариф выступал и как активный пропагандист, популяризатор русской и мировой классики. Им опубликованы работы о Пушкине, Крылове, Беллинском, Толстом, Горьком. С большим мастерством переведен им на азербайджанский язык ряд произведений Сервантеса, Л. Толстого, А. Чехова, М. Горького, Н. Островского, А. Макаренки и др.

Немало внимания уделял ученый исследованию русско-азербайджанских литературных связей. Этой теме посвящены его известные работы «И. А. Крылов и азербай-

джанская литература», «Лермонтов и Сиххат», «Русский классик на азербайджанской сцене» (об А. Островском), «Горький и азербайджанская литература».

Много труда вложил Мамед Ариф в дело подготовки научных кадров. Под его руководством выросла целая плеяда кандидатов и докторов наук.

Исключительные заслуги принадлежат Мамеду Арифу в деле составления учебников для старших классов азербайджанской средней школы.

Мамед Ариф был одним из ведущих авторов и редакторов капитальных трудов «Краткая история азербайджанской литературы» в двух томах (1943—1945), «История азербайджанской литературы» в трех томах (1957—1960), «История азербайджанской советской литературы» в двух томах (1967). Он принимал активное участие в создании большого коллективного много томного труда «История советской международной литературы», подготовленного Институтом мировой литературы им. М. Горького.

Как крупный ученый Мамед Ариф известен далеко за пределами республики. Он входил в состав Ученого совета Академии наук СССР по комплексной проблеме «Закономерности развития мировой литературы в современную эпоху» и редакционной коллегии «Краткой литературной энциклопедии».

Работа Мамеда Арифа «Литература азербайджанского народа» издана на многих языках народов СССР и на некоторых иностранных. Ряд статей Мамеда Арифа опубликован за рубежом.

Являясь видным общественным деятелем, он многие годы состоял членом президиума и руководителем секции критиков Союза писателей Азербайджана, редактором «Известий Академии наук Азербайджанской ССР, Серии литературы, языка и искусства», общественно-литературного журнала «Ветер угрунда» (ныне «Азербайджан»). Он избирался депутатом Бакинского Совета, Верховного Совета Азербайджанской ССР, являлся Председателем Верховного Совета республики VI созыва.

Партия и правительство высоко оценили научные заслуги и общественную деятельность Мамеда Арифа Дадашзаде, наградив его орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, медалями. Монография Мамеда Арифа «История азербайджанской литературы» была удостоена Государственной премии Азербайджанской ССР.

Светлая память об академике М. А. Дадашзаде, большом ученом, видном педагоге, активном организаторе науки навсегда сохранится в сердцах его коллег и многочисленных учеников.

А. Мирахмедов

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» В 1975 ГОДУ (№№ 1—6)

	№№	стр.
<i>Ширалиев М. Ш.</i> (Баку). Об актуальных задачах азербайджанского языкознания	3	3—6
<i>СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА</i>		
<i>Анисимов В. М.</i> (Якутск). Удвоение согласных в якутском языке	2	9—12
<i>Базарова Д. Х.</i> (Ташкент). К этимологии некоторых древнетюркских названий птиц	4	11—22
<i>Баскаков А. Н.</i> (Москва). Отражение научно-технической революции в родственных языках, обслуживающих различные общественные формации	1	3—9
<i>Баскаков Н. А.</i> (Москва). Пережитки табу и тотемизма в языках народов Алтая	2	3—8
<i>Благова Г. Ф.</i> (Москва). Смена диалектной ориентации среднеазиатско-тюркского литературно-письменного языка XV—начала XVI в.	6	21—32
<i>Дмитриева Л. В.</i> (Ленинград). Некоторые итоги изучения названий растений в тюркских языках сопоставительно с другими языками алтайской семьи	2	13—24
<i>Есенов Х. М.</i> (Алма-Ата). Причастный оборот в казахском языке	1	26—32
<i>Закиев М. З.</i> (Казань). О периодизации истории тюркских письменных литературных языков	5	3—11
<i>Кормушин И. В.</i> (Ленинград). К основным понятиям тюркской рунической палеографии	2	25—47
<i>Кулиев Г. К.</i> (Баку). Семантические группы глаголов	3	7—16
<i>Мураталиев М.</i> (Фрунзе). Сложносочиненное и сложноподчиненное предложение в киргизском языке	1	20—25
<i>Намазов К., Ходжаев Т.</i> (Самарканд). О видах косвенной речи в современном узбекском языке	1	33—40
<i>Нартыев Н.</i> (Чарджоу). Сложноподчиненное предложение в тюркских языках	5	12—20
<i>Нигматов Х. Г.</i> (Бухара). Семантическая и синтаксическая функции падежей в языке восточно-тюркских памятников XI—XII вв.	4	23—36
<i>Нигматов Х. Г.</i> (Бухара). Синтаксическая сущность форм принадлежности в языке восточно-тюркских памятников XI—XII вв.	5	21—26
<i>Нигматов Х. Г.</i> (Бухара). Соотношение частей речи в восточно-тюркском языке XI—XII вв.	1	41—56
<i>Серебренников Б. А.</i> (Москва). Исторические загадки глагольного аффикса - <i>ştyg-</i> в тюркских языках	3	17—22
<i>Серебренников Б. А.</i> (Москва). Причины резкого уменьшения числа аффиксов многократного действия и сокращения сферы их употребления в тюркских языках	6	3—10
<i>Тугушева Л. Ю.</i> (Ленинград). Языковые и внеязыковые значения в дешифровке памятников древнеуйгурской письменности	5	27—32

<i>Хусаинов М. М.</i> (Москва). О природе словообразовательных моделей	1	10—19
<i>Чариев А.</i> (Карши). Структурно-морфологическая и лексико-грамматическая характеристика притяжательной конструкции с родительным падежом в узбекском языке	6	11—20
<i>Щербак А. М.</i> (Ленинград). Состояние работы и задачи составления этимологических словарей тюркских языков	4	3—10

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

<i>Благова Г. Ф.</i> (Москва). Опыт ареального изучения тюркизмов	4	37—45
<i>Добродомов И. Г.</i> (Москва). Отражение тюркского начального j- в болгаризмах славянских языков	3	23—35
<i>Исхакова С.</i> (Казань). Языковые контакты западносибирских татар с алтайскими племенами	5	33—38
<i>Трофимов М. И.</i> (Кызыл). Об оформлении вокализации русизмов в современном уйгурском языке	1	57—66
<i>Хабичев М. А.</i> (Карачаевск). Вагг, багог	4	46—48
<i>Чумбалова Г. М.</i> (Алма-Ата). Тюркские лексические элементы в языке романа Ивана Вазова «Под игмом»	2	48—54

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

<i>Аджиев А. М.</i> (Махачкала). Кумыкский «йыр» о Джавате и сказание о Дели Домруле из «Китаби Дедем Коркут»	6	33—37
<i>Галин С. А.</i> (Стерлитамак). Об одном башкирском эпическом сказании	4	49—55
<i>Короглы Х.</i> (Москва). Стилистические особенности «Книги моего деда Коркута»	2	55—68
<i>Курбатов Х.</i> (Казань). Свободный стих	1	67—79
<i>Пухов И. В.</i> (Москва). Из поэтики олонхо	5	39—43
<i>Турсунов Е. Д.</i> (Алма-Ата). Тюрко-монгольские версии сказания об ослеплении циклопа	3	36—43

ОНОМАСТИКА

<i>Ахметьянов Р. Г.</i> (Казань). Некоторые названия лошадей в татарском языке	2	69—76
<i>Гейбуллаев Г. А.</i> (Баку). О происхождении названия города «Чол» в Кавказской Албании	6	38—41
<i>Саттаров Г. Ф.</i> (Казань). Отчества и категория вежливости-почтительности в современной татарской антропонимии	1	80—86

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

<i>Кононов А. Н.</i> (Ленинград). Актуальные тюркологические заметки	2	77—86
<i>Любимов К. М.</i> (Москва). Первое лицо турецкого грамматического времени на -туш	3	44—51
<i>Ширалиев М. Ш.</i> (Баку). О несостоятельных этимологиях некоторых слов и аффиксов тюркских языков	1	87—89

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

<i>Абдуллин И., Закиев М.</i> (Казань). Каюм Насыри — основоположник татарского национального литературного языка	3	52—67
<i>Баскаков Н. А.</i> (Москва). С. Е. Малов и изучение каракалпакского языка	5	53—59
<i>Доспанов У.</i> (Нукус). Ценный вклад в каракалпакское языкознание	5	74—77
<i>Емельченко И. Р.</i> (Гурьев). А. И. Лёвшин как исследователь казахского языка	4	56—65
<i>Убратова Е. И.</i> (Новосибирск). С. Е. Малов и его труды	5	44—52
<i>Фазылов Э. И.</i> (Ташкент). С. Е. Малов — исследователь истории тюркских языков СССР	5	60—68
<i>Щербак А. М.</i> (Ленинград). С. Е. Малов — исследователь древнетюркских и древнеуйгурских памятников	5	69—73

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Аббасов А. М. (Баку). Некоторые заметки об афшарах Афганистана	4	72—81
Базарова Д. Х. (Ташкент). О народно-этимологическом осмыслении некоторых звукоподражательных названий птиц в узбекском языке	5	96—100
Бирюкович Р. М. (Саратов). О первичных долгих гласных в чулымско-тюркском языке	6	55—67
Будагова Э. И. (Баку). О художественно-образительных средствах языка	5	101—106
Галяутдинов И. Г. (Москва). Падежные формы и их функционально-семантическое содержание в языке памятника «Тарих-намеи булгар» Т. Ялсыгулова	4	66—71
Грунина Э. А. (Москва). Об изучении семантической структуры временных форм индикатива	4	82—91
Гузев Ж. М. (Нальчик). О правописании узких гласных (и, i, у) в карачаево-балкарском языке	2	87—90
Дмитриева Л. В. (Ленинград). Общеалтайские названия и основы в тюркской фитонимике	6	49—54
Зейналов Ф. Р. (Баку). «Дастан об Ахмеди Херами» — древнейший памятник азербайджанского языка	5	82—89
Киличев Э. Р. (Бухара). Материалы восточно-тюркского языка XI в. и древний пласт лексики бухарского двуязычного говора	6	85—87
Кузнецов П. И. (Москва). Аспект и акционал в турецком языке	3	68—81
Кузнецов П. И. (Москва). Статистический анализ моделей «И+Г ³ » и «И+Г ⁰ » в тюркских языках	6	42—48
Курбатов Х. (Казань). Структурно-линейный анализ языка поэзии	6	91—96
Мамедов М. Б. (Баку). Об использовании фольклорных материалов фразеологического характера в публицистическом стиле	2	91—101
Орузбаева Б. О. (Фрунзе). О структурно-морфологических особенностях корневых морфем типа ГС в киргизском языке	5	78—81
Садыхов А. Ш. (Баку). Значение диалектных фактов в изучении исторического синтаксиса азербайджанского языка	6	68—73
Умаров Э. А. (Ташкент). О некоторых фразеологизмах, созданных Алишером Навои	5	90—95
Цалкаламанидзе А. А. (Тбилиси). Об одной особенности обстоятельства места в языке «Атебат-ул-хакайик»	6	74—76
Чайковская А. И. (Ташкент). Об арабоязычных грамматиках старотюркского языка	6	77—84
Щербак А. М. (Ленинград). Об одном сочетании в рунических надписях	6	88—90

ПУБЛИКАЦИИ

Тугушева Л. Ю. (Ленинград). Два уйгурских документа из рукописного собрания Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР	4	92—101
Фазылов Э. И. (Ташкент), Галяутдинов И. Г. (Москва). Об одном юридическом документе башкир XIX века	3	82—94

РЕЦЕНЗИИ

Абдуазизов А. А. (Ташкент). Rose Nash. Turkish intonation	3	96—99
Азнагулов Р. Г. (Уфа). «Вопросы башкирского языкознания»	4	109—110
Азнагулов Р. Г. (Уфа). «Ономастика Поволжья, 3»	6	99—101
Алиев К., Юзбашев Р. (Баку). Э. М. Мурзаев. Очерки топонимики	6	103—105
Асланов В. И. (Баку). Kathleen R. F. Burrill. The Quatrains of Nesimi Fourteenth-Century Turkic Hurufi	3	99—105
Асланов В. И. (Баку). «Studia Turcica»	1	101—111
Ахунзянов Г. Х., Ураксин З. Г. (Уфа). А. А. Юлдашев. Принципы составления тюркско-русских словарей	1	93—99
Баширова И. (Казань). Каюм Насыри. Энмүзэж	3	105—107
Валиуллина Э. М. (Казань). «Материалы по татарской диалектологии», вып. III	4	104

<i>Гаджиев Т.</i> (Баку). Э. З. Абдуллаев. Мүасир Азербайжан дилинде табели мүрәккәб чүмлэләр	1	99—101
<i>Гамидов И. Я.</i> (Баку). М. Гулузадэ. Бөјүк идеаллар шанри	4	105—106
<i>Иванов С. Н.</i> (Ленинград). А. П. Поцелуевский. Избранные труды	6	97—98
<i>Кайдаров А. Т.</i> (Алма-Ата). Қ. Есенов. Қазақ тiлiндегi күрделенген сөйлемдер	2	103—106
<i>Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.</i> (Ленинград). К. Ш. Шаниязов. К этнической истории узбекского народа	4	106—108
<i>Кононов А. Н.</i> (Ленинград). Nuri Yüce. Gerundien im Türkischen	3	95—96
<i>Кошкарлов А.</i> (Фрунзе). А. Орусбаев. Киргизская акцентуация	6	101—103
<i>Лунин Б. В.</i> (Ташкент). «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период»	1	90—92
<i>Наджиш Э. Н.</i> (Москва). «Гагаузско-русско-молдавский словарь»	1	92—93
<i>Ризаев С., Авазбаев Н., Абдуллаев Ф.</i> (Ташкент). С. С. Атамирзаева. Экспериментально-фонетическое исследование наманганского говора узбекского языка	4	102—103
<i>Тихонов А. Н.</i> (Самарканд), <i>Ходжиев А.</i> (Ташкент), <i>Андреев И. А.</i> (Чебоксары). Б. Уринбоев. Узбек тили сўзлашув нутки синтаксиси масалалари	2	106—108
<i>Урманчиев Ф.</i> (Елабуга). А. Г. Каримуллин. Татарская книга начала XX в.	6	105—106
<i>Фадеева И. Е., Мартынецев А. Е.</i> (Ленинград). «Turcica. Revue d'etudes turques», tome III	4	111—112
<i>Чарыяров Б.</i> (Ашхабад). С. Күренов. Түркмен дилиниң узын ве гысга чекимлилериниң спектрал характеристикасы	2	102—103

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Ахметгалева Я. С.</i> (Казань). Научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения татарского ученого-просветителя Каюма Насыри	3	108—110
<i>Виноградов Ю. М.</i> (Чебоксары). «Проблемы словосочетаний в тюркских языках»	4	115—117
<i>Гулиева Л. Г.</i> (Баку). XII Международный конгресс ономастических наук	6	112
<i>Данилова Л. В.</i> (Ташкент). Актуальные проблемы среднеазиатской ономастики	1	112—115
<i>Дулина Н. А., Медведева Л. Я., Насилов Д. М., Нигматов Х. Г., Султанов Т. И., Тугушева Л. Ю.</i> (Ленинград). VII Тюркологическая конференция в Ленинграде	5	107—117
<i>Жабелова Л. Ж., Шайхулов А. Г.</i> (Москва). Конференция по тюркской лексикографии	3	110—117
<i>Расули М. М., Мирза-Ахмедова П.</i> (Ташкент). Развитие социалистического реализма в литературах Советского Востока	6	107—111
<i>Ураксин Э. Г., Халикова Р. Х.</i> (Уфа). Вторая Южно-Уральская археографическая конференция	4	113—115

PERSONALIA

<i>Исаев С. М.</i> (Алма-Ата). Толеубай Рахимжанович Кордабаев	4	119—120
<i>Исмаилов И. А., Шарипова К. А.</i> (Ташкент). Фаттах Абдуллаевич Абдуллаев	1	116—117
<i>Мамедов Н. Дж.</i> (Баку). Азиз Шариф	2	109—110
<i>Рустамов А.</i> (Ташкент). Аюб Гулямович Гулямов	1	118—119
<i>Севортян Э. В.</i> (Москва). Николай Александрович Баскаков	3	118—122
<i>Филлюшина В. Н.</i> (Ашхабад). Мамед Назарович Хыдыров	4	118—119

ХРОНИКА

<i>Арзуманов В.</i> (Баку). Аббас Сиххат	1	120—121
«Антропотопонимия Татарской АССР»	2	120—121

Благова Г. Ф., Левитская Л. С. (Москва). Первое пленарное заседание Советского Комитета тюркологов	2	111—120
«Западная группа говоров казахского языка»	4	122—123
«Исследование по синтаксису сложного предложения в современном турецком литературном языке»	4	122
«Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности»	6	118
«Наманганская группа говоров узбекского языка»	6	115
«Односоставные предложения в современном узбекском литературном языке»	6	116
«Порядок языковых единиц»	6	114
«Проблема изучения болгарских лексических элементов в славянских языках»	1	123
«Проблема создания образа коммуниста в казахской советской литературе»	4	123
«Пути и проблемы развития казахской советской поэмы»	1	122
«Развитие и нормализация туркменского литературного языка в советскую эпоху»	1	123—124
«Роль взаимосвязи и взаимообогащения в развитии литературы Узбекистана»	4	121
«Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении»	1	121—122
«Современность и социалистический реализм»	6	113
«Сравнительное изучение диалектов башкирского языка»	6	114—115
«Статистико-информационная типология тюркского текста»	6	117
«Фразеология башкирского языка»	6	116—117

НЕКРОЛОГИ

Дадашзаде Мамед Ариф Магеррам оглы	6	119—120
Ибрагимов Сабирджан	2	122—124
Мартынецев Андрей Евгеньевич	3	125—126
Юдахин Константин Кузьмич	3	123—125

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Б. А. Серебренников (Москва). Причины резкого уменьшения числа аффиксов многократного действия и сокращения сферы их употребления в тюркских языках 3
- А. Чариев (Карши). Структурно-морфологическая и лексико-грамматическая характеристика притяжательной конструкции с родительным падежом в узбекском языке 11
- Г. Ф. Благова (Москва). Смена диалектной ориентации среднеазиатско-тюркского литературно-письменного языка XV — начала XVI в. 21

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

- А. М. Аджиев (Махачкала). Кумыкский «йыр» о Джавате и сказание о Дели Домруле из «Китаби дедем Коркут» 33

ОНОМАСТИКА

- Г. А. Гейбуллаев (Баку). О происхождении названия города «Чол» в Кавказской Албании 38

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- П. И. Кузнецов (Москва). Статистический анализ моделей «И+Г²» и «И+Г⁰» в тюркских языках 42
- Л. В. Дмитриева (Ленинград). Общеалтайские названия и основы в тюркской фитонимике 49
- Р. М. Бирюкович (Саратов). О первичных долгих гласных в чувлымско-тюркском языке 55
- А. Ш. Садыхов (Баку). Значение диалектных фактов в изучении исторического синтаксиса азербайджанского языка 68
- А. А. Цалкаламанидзе (Тбилиси). Об одной особенности обстоятельства места в языке «Атебат-ул-хакайык» 74
- А. И. Чайковская (Ташкент). Об арабоязычных грамматиках старотюркского языка 77
- Э. Р. Киличев (Бухара). Материалы восточно-тюркского языка XI в. и древний пласт лексики бухарского двуязычного говора 85
- А. М. Шербак (Ленинград). Об одном сочетании в рунических надписях 88
- Х. Курбатов (Казань). Структурно-линейный анализ языка поэзии 91

РЕЦЕНЗИИ

- С. Н. Иванов (Ленинград). А. П. Поцелуевский. Избранные труды 97
- Р. Г. Азнагулов (Уфа). «Ономастика Поволжья, 3» 99
- А. Кошкаров (Фрунзе). А. Орусбаев. Киргизская акцентуация 101
- К. Алиев, Р. Юзбашев (Баку). Э. М. Мурзаев. Очерки топонимики 103
- Ф. Урманчиев (Елабуга). А. Г. Каримуллин. Татарская книга начала XX в. 105

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- М. М. Расули, П. Мирза-Ахмедова* (Ташкент). Развитие социалистического реализма в литературах Советского Востока 107
Л. Г. Гулиева (Баку). XII Международный конгресс ономастических наук 112

ХРОНИКА

- «Современность и социалистический реализм 113
 «Порядок языковых единиц» 114
 «Сравнительное изучение диалектов башкирского языка» 114
 «Наманганская группа говоров узбекского языка» 115
 «Односоставные предложения в современном узбекском литературном языке» 116
 «Фразеология башкирского языка» 116
 «Статистико-информационная типология тюркского текста» 117
 «Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности» 118

НЕКРОЛОГ

- Мамед Ариф Магеррам оглы Дадашзаде | 119

* * *

- Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская тюркология» в 1975 году (№№ 1—6) 121

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- B. A. Serebrennikov* (Moscow). The reasons of reduction of usage sphere of frequentative affixes in turkic languages 3
A. Chariyev (Karshi). Structure-morphological and lexic-grammatical characteristic of possessive construction with genitive case 11
G. F. Blagova (Moscow). Changing of dialect orientation in the Turkic literary-written language of Central Asia in XV — beginning XVI century 21

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS AND FOLKLORE

- A. M. Adjiyev* (Makhachkala). Kumyk's «jur» about Djavat and legends about Deli Domrul from «Kitabi dedem Korkut» 33

ONOMASTICS

- G. A. Geybullayev* (Baku). On the origin of «Chol» — as a name of town in Caucasus Albania 38

REPORTS, SURVEYS

- P. I. Kuznetsov* (Moscow). Statistical analysis of models of «N+V³» and «N+V⁰» in turkic languages 42
L. V. Dmitriyeva (Leningrad). Common-altai stems in turkic phitonymics 49
R. M. Biryukovich (Saratov). On primary long vowels in chulyin-turkic language 55
A. Sh. Sadykhov (Baku). The role of dialect data in studying of the historical syntax of Azerbaijan language 68
A. A. Tsalkalamanidze (Tbilisi). On one feature of adverbial modifier of place in language of «Atebat-ul-hakayk» 74
A. I. Chaykovskaya (Tashkent). On grammars of old turkic languages written in arabic 77
E. R. Kilichev. (Bukhara). Materials of east-turkic language of XI century and ancient layer of vocabulary of bilingual bukhara's dialect 85

<i>A. M. Scherbak</i> (Leningrad). On one combination in runic inscriptions	88
<i>Kh. Kurbatov</i> (Kazan). Structure-linear analysis of poetic language	91

REVIEWS

<i>S. N. Ivanov</i> (Leningrad). <i>A. P. Potseluyevsky</i> . Selected works	97
<i>R. G. Aznagulov</i> (Ufa). «Onomastics of Povolzhie, 3»	99
<i>A. Koshkarov</i> (Frunze). <i>A. Orusbayev</i> . Kirghiz accentuation	101
<i>K. Aliyev, R. Yuzbashev</i> (Baku). <i>E. M. Murzayev</i> . Essais of toponymics	103
<i>F. Urmancheyev</i> (Yelabuga). <i>A. G. Karimullin</i> . Books of Tatar in beginning of XX century	105

SCIENTIFIC LIFE

<i>M. M. Rasuli, P. Mirza-Akhmedova</i> (Tashkent). Development of socialist realism in literature of Soviet East	107
<i>L. G. Guliyeva</i> (Baku). XII International congress of onomastics	112

CHRONICLE

«The modern times and socialist realism»	113
«The order of linguistic units»	114
«Comparative study of dialects of Bashkir language»	114
«Namangan's group of dialects of Uzbek language»	115
«One-component sentences in modern uzbek literary language»	116
«The phraseology of Bashkir language»	116
«Statystic-information typology of turkic text»	117
«Materials and investigations on the history of the ancient turkic inscription»	118

OBITUARY

<u>Mamed Arif Magerram ogly Dadashzade</u>	119
--	-----

* * *

Index. «Soviet Turkology», 1975, №№ 1—6	121
---	-----

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются.

Корректоры *Э. Я. Алиева, Ф. М. Джавадова, С. В. Лисикова*.

Сдано в набор 4/III-1976 г. Подписано к печати 19/IV-1976 г. ФГ 12197. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4. Физ. печ. л. 8. Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 10,4
Заказ 8665. Тираж 3745. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

1 руб.

Индекс
70927